

Международный издательский центр
ЭТНОСОЦИУМ

ЭТНОСОЦИУМ

и межнациональная культура

№ 6 (204)

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки России журнал «Этносоциум и межнациональная культура» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Этносоциум (многонациональное общество)

Миссия журнала – поддержка и развитие культуры и этики научных исследований в сфере политики, политологии, социологии, экономики регионов и международного права, в том числе посредством распространения знаний в области разработки стратегий инновационного развития, а также создание профессионального форума обсуждения тенденций и политики в сфере науки, технологий и инноваций.

Издание входит в Перечень ВАК, РИНЦ и НЭБ

Москва
Этносоциум 2025

СОВЕТ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

Рябова Е.Л., Терновая Л.О.

Стражи границы: призвание и профессия.....9

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Каранетян Т.Ш. Цифровые медиа
и управление коммуникационными рисками
в системе обеспечения национальной безопасности страны.....19

Терехова А.С. Искусственный интеллект
и NFT: трансформация рынков искусства
и переосмысление художественного выражения.....29

Стрижова Е.В., Лобанова Е.И.
Языковой код влияния: лингвистический анализ стратегий
“мягкой силы” в русском политическом пространстве.....45

Положенцева И.В., Бакшеев А.И., Тагибова А.А.
Развитие индивидуальных способностей одаренной
молодежи в условиях цифровой образовательной среды.....52

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Петрухин К.Ю. Мнения экспертов (публикации журналов, опора на исторический опыт) в области реинтеграции новых регионов в состав России.....	61
--	----

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Филиппов В.Р. Кот-д'Ивуар: французская военная база ликвидирована.....	70
Айбибула Кадир Этническое взаимодействие в пространстве массовой культуры и сознание сообщества китайской нации - Этнографическое исследование на примере массовых танцев.....	82

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Тыщенко Е.О. Доменные споры и порядок их рассмотрения.....	99
Аннотации	108
Авторы	119
Требования к материалам, представляемым в международное издательство «Этносоциум»	121

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Рябова Е.Л., доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ВЕДУЩИЕ РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ

Озеров В.А., кандидат юридических наук, Член Совета Федерации РФ — представитель от Законодательной думы Хабаровского края.

Зорин В.Ю., доктор политических наук, профессор, член Совета по международным отношениям при Президенте Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, главный научный сотрудник Центра по научному взаимодействию с общественными организациями, СМИ и органами государственной власти ИЭА имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Бормотова Т.М., доктор социологических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра №1.

Юдина Т.Н., доктор социологических наук, профессор. Главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН).

Бахарев В.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Данакин Н.С., доктор социологических наук, профессор Белгородского государственного технологического университета.

Михайлов В.А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой политического анализа и управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, член Совета по международным отношениям при Президенте Российской Федерации.

Болтенкова Л.Ф., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Михайлова Н.В., доктор политических наук, профессор кафедры национальных и федеративных отношений. Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Михайленко А.Н., профессор кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Факультета национальной

безопасности Института права и национальной безопасности Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор.

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и управления МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Стаськов Н.В., доктор политических наук, Генерал-лейтенант, военно-политический эксперт.

Легуновский П.В., доктор политических наук, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Нечипоренко В.С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б.Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, генеральный директор Института энергии знаний.

Никонов А.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Юдин В.И., доктор политических наук, международный эксперт.

Грибанова Г.И., доктор социологических наук, профессор, зав. каф. международных политических процессов Санкт-Петербургского государственного университета.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОСТАВ

Бирюков С.В., доктор политических наук, профессор, школа современных международных и пространственных исследований Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай, КНР).

Гюльзар Ибрагимова, доктор политических наук. Профессор Университета Нигде Омер Халисдемир, отделение Политологии и Международных Отношений Факультета Экономических и Административных Наук. Турецкая Республика.

Хикмет Кораш, профессор Университета Нигде Омер Халисдемир. Турецкая Республика.

CHIEF EDITOR

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Social Sciences, Professor.

EDITORIAL BOARD

LEADING RUSSIAN SCIENTISTS

Ozerov V.A., Candidate of Legal Sciences, Representative public authority of the Khabarovsk region.

Zorin V.U., Doctor of Political Sciences, Professor, Member of the Council for Interethnic Relations under the President of the Russian Federation, Member of the Civic Chamber of the Russian Federation, Chief Researcher of the Center for Scientific Cooperation with Public Organizations, Mass Media and Government Authorities of the IEA named after N.N. Miklukho-Maclay RAS.

Bormotova T.M., Doctor of Sociology, All-Russian Scientific Research Institute of the Russian Interior Ministry, Chief Researcher at the Research Center №1.

Yudina T.N., Doctor of Sociological Sciences, Professor. Chief researcher at the Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Bakharev V.V., Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Management, Belgorod State Technological University.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The Belgorod State Technological University.

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored worker of science of Russia, head of the Department of political analysis and management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, member of the Council for Interethnic Relations of the President of the Russian Federation.

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor, State Advisor of the 1st class.

Mikhailova N.V., Doctor of Political Science, Professor of the Department of National and Federal Relations. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Mikhaylenko A.N., Professor of International security and Russian foreign policy chair at the Department of national security, Institute of law and na-

tional security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Political Sciences, Professor.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Staskov N.V., Doctor of Political Sciences, military and political expert, Lieutenant-General.

Letunovsky P.V., Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, head of the department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the Soviet Union A.M. Vassilevsky.

Nechiporenko V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B.T., Honoured worker of higher education, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of energy of knowledge.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The Belgorod State Technological University.

Nikonov A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, State Councillor of the 1st class, the Lomonosov Moscow State University.

Yudin V.I., Doctor of Political Sciences, international expert.

Gribanova G.I., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of Department international political processes of St. Petersburg State University.

INTERNATIONAL COMPOSITION

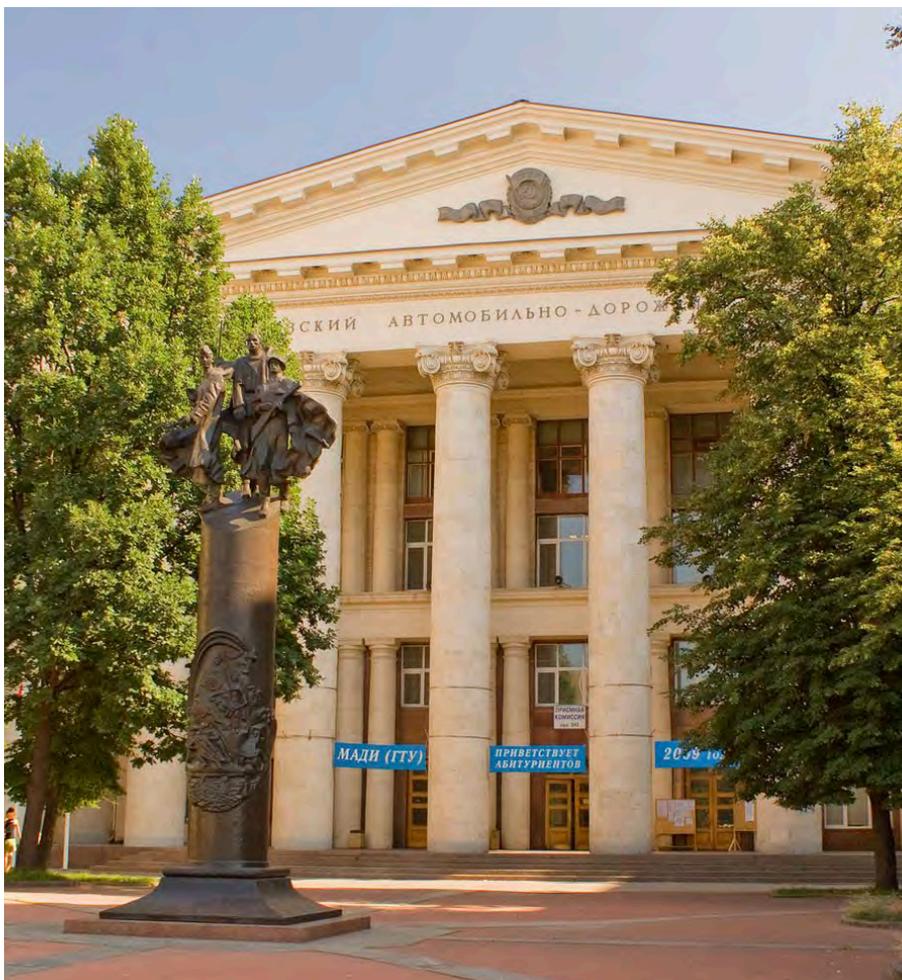
Biryukov S.V., Doctor of Political Sciences, Professor, School of advanced international and area studies at the East China Normal University (ECNU) (Shanghai, China).

Gulzar Ibrahimova, Doctor of Political Sciences. Professor of the Omer Khalisdemir University, Department of Political Science and International Relations, Faculty of Economic and Administrative Sciences. Turkiye Cumhuriyeti.

Hikmet Koras, Professor of the Omer Khalisdemir University. Turkiye Cumhuriyeti.

С

ОБЕТ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ
ОТНОШЕНИЯМ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

*Московский автомобильно-дорожный государственный
технический университет*

Рябова Е.Л.

*Доктор политических наук, главный редактор журнала
«Этносоциум и межнациональная культура».*

Терновая Л.О.

*Доктор исторических наук, профессор,
Московский автомобильно-дорожный
государственный технический университет (МАДИ).*

Стражи границы: призвание и профессия

Можно перефразировать строки Владимира Маяковского: «если звезды зажигают — значит — это кому-нибудь нужно». Если есть границы государств, значит, это кому-то нужно. Поэтому обязательно должен быть кто-то, кто эти границы защищает. Из-за непостоянства границ ранних государств и частого перехода территорий к другим владыкам сама охрана границ представлялась почти невозможной. Разумеется, не было возможным закрепить границы межгосударственными договорами, а потому не происходило и согласования их линий с соседними странами. Укрепление государственности вызывало необходимость создания пограничной стражи. В разных территориях этот процесс разворачивался по-своему, хотя общие черты все же просматривались.

Не было исключением из правил оформление границ раннего русского государства. Первое письменное свидетельство о его границе можно найти в летописи «Повесть временных лет», датируемой 1110-х гг.¹ В этом памятнике содержится распоряжение князя Владимира (980 – 1015) об устройстве пограничных городов на реках Сула, Трубеж и Осетр. Власти позаботились и о заселении этих городов. Также в летописи говорится, что для защиты южных и юго-восточных рубежей Руси необходим был набор «лучших мужей». О том, какими качествами они должны были обладать, можно судить потому, что к охране границ, согласно былинам, привлекались легендарные богатыри, а один из них — Илья Муромец — в более поздние годы стал покровителем пограничных войск. В 1030-е гг. имевшаяся оборонительная линия дополнилась тринадцатью городами по реке Россь. Во второй половине XI столетия из-за постоянных набегов

¹ Повесть временных лет / Рос. акад. наук; подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачёва; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Наука, 1996.

половцев на южные окраины Руси потребовалось создать линию по Днепру из одиннадцати городов.

Становление независимости в беспокойные годы монголо-татарской зависимости было немыслимым без определения границ русских земель. Собирая их, Иван Данилович Калита (1284 – 1340) укрепил пограничную засечную линию, сделав ее непрерывной по рекам Ока и Дон, направив ее к Волге. Эти засеки, первоначально образуемые в лесных местах завалами деревьев, оснащались прочными защитными сооружениями, а на открытых местах между засеками насыпались валы. Из служащих на засеках людей создавалась специальная стража. При Великом князе Московском Василии III (1479 – 1533) появились заставы, а засечная стража преобразовалась в пограничную службу, имевшую свои профессиональные секреты². Например, помощь людям в ее несении оказывали почтовые голуби, которые передавали записки о происшествиях от поста к посту.

При первом венчанном царе всея Руси Иване IV, Грозном (1530 – 1584) пределы государства раздвинулись на юг и восток. С этим отчетливо выявилась задача охраны границ государства. Иван IV в 1571 г. назначил начальником станичной, сторожевой службы потомка черниговских князей, крупного полководца, участника Казанского похода Михаила Ивановича Воротынского (ок. 1510 – 1573), которым в том же году был разработан первый устав пограничной сторожевой службы. 16 февраля 1571 г. царь утвердил «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе», в котором детально излагался порядок несения пограничной службы, перечислялись тактические приемы охраны границы, содержались правила безопасности сторожей и станичников³. Примечательно, что и приказ о назначении Воротынского, и «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе» открывают первый том сборника документов «Акты Московского государства», изданный в 1890 г.

Забота властей о развитии пограничной службы определялась не только значимостью защиты территории государства, но и попечением о его хозяйственной развитии. Оно в немалой степени зависело от торговли и сбора налогов. Неудивительно, что ответственность за обеспечение порядка в этой сфере возлагалась на пограничную таможенную стражу. С

2 Надарин Э.С. Исторические аспекты зарождения пограничной службы в Российской Федерации // Законность и правопорядок в современном обществе. 2013. № 13. С. 100-105.

3 Боярский приговор о станичной и сторожевой службе // Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук. Под ред. Н.А. Попова, чл.-кор. Акад. Т. 1. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1890. С. 2-5.

начала XVIII в. контролировали этот процесс, включая борьбу с контрабандой, Военная и Камер-коллегии. На Балтийском море и крупных реках таможенные посты подчинялись Коммерц-коллегии. В целях улучшения охраны границ и пограничного контроля Екатерина II (1729 – 1796) в октябре 1782 г. выпустила Указ об «Об учреждении особой таможенной цепи и стражи для отвращения провоза потаенного товаров»⁴.

После Отечественной войны 1812 г. наметились изменения в торговых связях Российской империи с зарубежными странами. Однако эти улучшения имели и обратную сторону, касающуюся того, что вольнонаемная таможенная стража не справлялась с увеличивавшимся потоком контрабанды. Ответом на эту угрозу экономике страны стала разработка и принятие в 1827 г. утвержденного Николаем I (1796 – 1855) «Положения об устройстве пограничной таможенной стражи», подчинявшего эту службу департаменту внешней торговли Министерства финансов⁵. Через пять лет, в 1832 г., Пограничная таможенная стража преобразовалась в пограничную стражу. Это был значимый шаг на пути к выделению специального пограничного ведомства, что и произошло 15 октября (27 октября) 1893 г. по указу Александра III (1845 – 1894).

В таком виде ведомство просуществовало до прихода к власти большевиков. 28 мая 1918 г. декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР была учреждена пограничная служба с возложением на нее защиты пограничных интересов Советской России. Сейчас 28 мая в России ежегодно отмечается День пограничника. С учетом сложной ситуации в государстве, связанной с Гражданской войной и иностранной военной интервенцией, 24 ноября 1920 г. ответственность за охрану границы РСФСР была передана Особому отделу Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК). Старые кадры пограничной службы в полной мере осознавали свою ответственность за защиту государственной границы, прилагали силы к передаче опыта советским пограничникам. Одним таких старых работников был сын русского писателя Николая Лескова Андрей (1866 – 1953), который имел звание полковника пограничной стражи Российской императорской армии (РИА). Им был разработан первый советский «Устав службы пограничных войск»⁶. В 1923 г. открылась Высшая пограничная

4 Указ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссийской, [Об учреждении особой таможенной пограничной цепи и стражи для отвращения потаенного провоза товаров], Из Правительствующаго Сената объявляется во всенародное известие. Печатан в Санктпетербурге: При Сенате, 10 окт. 1782.

5 Высочайше утвержденное положение об устройстве пограничной таможенной стражи. 1827. Августа 5 // ПСРИ: [С 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года]: [В 55ти т. с указ.]. – СПб.: Тип. II отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830 – 1885. Т. II: 1827. 1830. № 1282.

6 Симаков Г.Н., Маслов К.Н. Пограничная служба России: энциклопедия биографии. – М.: Военная книга, 2008. С. 32.

школа. Деятельность пограничной службы СССР постоянно совершенствовалась. С 1930-х гг. активно в охране границы стали применять служебных собак.

Героическую страницу в историю пограничной службы вписали подвиги пограничников в период Великой Отечественной войны⁷. И в послевоенное время советские пограничники неоднократно проявляли мужество и героизм в защите рубежей государства. После распада СССР в декабре 1991 г. Главное управление пограничных войск было упразднено. В 12 июня 1992 г. указом президента России Бориса Ельцина (1931 – 2007) на основе пограничных войск СССР были созданы пограничные войска Российской Федерации. 30 декабря 1993 г. основана Федеральная пограничная служба России (ФПС), ставшая правопреемницей пограничных структур российского государства. 11 марта 2003 г. указом президента России Владимира Путина ФПС была упразднена, а ее функции переданы Федеральной службе безопасности (ФСБ). Сейчас Пограничная служба ФСБ несет ответственность за осуществление защиты и охраны государственной границы России, экономических и иных законных интересов государства в пределах пограничной территории исключительной экономической зоны и континентального шельфа.

Многое в современной пограничной службе претерпело изменения. В настоящее время она в первую очередь нацелена на пресечение трансграничной противоправной деятельности на границе. Такая деятельность требует высокого профессионализма. Отсюда последовало решение отказать от призыва в Погранслужбу.

Героями для нынешнего поколения пограничников остаются не только исключительно мужественные, но и невероятно одаренные предшественники. Среди героев отечественной пограничной службы чаще всего выделяют Никиту Карацупу (1910 – 1994), который за период службы в погранвойсках с 1933 по 1961 г. вместе со своими собаками, которых всех звали Индусами, задержал более 300 нарушителей, а свыше 120 преступников ликвидировал лично. Карацупа мог различать свыше двухсот различных запахов. Он отличался невероятной наблюдательностью. Один раз ему удалось распознать диверсантов, которые намеревались взорвать мост. Злоумышленники изображали «рыбаков». Пограничник обратил внимание на то, что они неправильно делали насадки червяков на крючки. Последняя из его собак была тяжело ранена в схватке с нарушителями

⁷ *Городинский В.И.* Правда истории или мифология?: малоизвестные страницы служебно-боевой деятельности Пограничных войск НКВД СССР в начальный период Великой Отечественной войны. – М.: Грифон, 2016.

советской границы. Лучшие врачи пытались, но не смогли ее спасти. И тогда Карацупа попросил таксидермистов сделать чучело Индуса. В наши дни оно стало экспонатом Музея погранвойск. А еще в московском метро на станции «Площадь революции» можно увидеть бронзовую скульптуру пограничника с собакой, выполненную Матвеем Манизером. Согласно примете, нужно коснуться носа этой собаки «на счастье», поэтому он натерт до блеска. Прототипом этого скульптурного образа стал Герой Советского Союза, полковник пограничной службы Никита Карацупа. После службы Карацупа написал мемуары, являющиеся ценным пособием для пограничников⁸.

Еще один Герой Советского Союза, заслуженный пограничник Российской Федерации, почетный сотрудник госбезопасности, генерал армии — Вадим Александрович Матросов. С 1972 по 1989 гг. он возглавлял Пограничные войска КГБ СССР. Под руководством Матросова в те годы осуществлялись важнейшие мероприятия по усилению охраны государственной границы Советского Союза, произошла локализация очагов напряжения на границе с Китаем, погранвойска получили новые технические средства и вооружение. Также произошло усиление охраны морских границ и исключительной экономической зоны СССР. На время его руководства пришлось выполнение миссии погранвойск, связанной задачей обеспечения безопасности границы и населения пограничной с Афганистаном зоны⁹.

Фигура пограничника с полным правом может быть отнесена к символическим. Два известных западных специалиста по международным отношениям Раймон Арон и Джеймс Розенау в 1970-х гг. предложили, что весь комплекс таких взаимодействий может быть понят благодаря анализу действий двух пар символических фигур. У Арона это были «солдат» и «дипломат». Розенау к ним отнес «туриста» и «террориста»¹⁰. Фигура «пограничника» не просто объединяет отмеченные этими авторами символические образы, она позволяет давать оценку международным отношениям и глобальным потокам. Еще эта фигура представляется своеобразной визитной карточкой государства.

По образам известных пограничников можно составить картину происходящего в их странах, обращая внимание на проблемы, которые

8 Карацупа Н.Ф. Записки следопыта. – М.: Граница, 1998.

9 Боярский В., Мурин В. Рубежи генерала Матросова. Полвека в дозоре / Предисловие В.Е. Проничева. – М.: Граница, 2022.

10 Aron R. Paix et guerre entre les nations. Paris: Calmann-Lévy, 1984. P. 17; Rosenau J.N. Le touriste et le terroriste ou les deux extrêmes du continuum international // Études internationales. 1979. Vol. X. № 2. Juin. P. 220.

приходится решать, охраняя границу во время их службы и экстраполируя эти задачи на последующую историю¹¹. Так, наиболее известным американским пограничником считается Джеймс «Джим» Боуи (ок. 1796 – 1836). Но его также называют работником и контрабандистом. Из-за своего беспокойного характера Боуи часто вступал в драки. Отсюда пошло наименование «ножом Боуи» (англ. *Bowie Knife*) крупного ножа (тесака) со скосом у острия клинка в форме вогнутой дуги¹². Однако Боуи проявил себя на защите границ, стал героем Войны за независимость Техаса (англ. *Texas War of Independence*, 1835 – 1836) или Техасской революции (англ. *Texas Revolution*), в результате которой Техас превратился в независимую республику.

Совершенно иное содержание символической фигуре пограничника придает Пауль Грюнингер (1891 – 1972), бывший командиром полиции в швейцарском кантоне Санкт-Галлен. Произошедший в марте 1938 г. аншлюс вынудил многих евреев бежать из Австрии. Некоторое из них попытались найти убежище в соседней Швейцарии. Однако правительство этой страны, посчитав число беженцев чрезмерным, уже в августе 1938 г. официально закрыло границы для евреев, цыган, политических противников гитлеровского режима. Несмотря на этот запрет, Грюнингер, будучи служащим швейцарской пограничной полиции, не смог пройти мимо беды людей, которым на родине грозила смертельная опасность. Он обеспечивал им возможность въезда в Швейцарию, подделывая документы, проставляя в паспортах даты въезда до закрытия границ. Грюнингеру удалось спасти 3600 евреев из Германии и Австрии.

В начале 1939 г. внимание полицейского начальства вызвало подозрительно большое число беженцев, попадающих в Швейцарию через Санкт-Галленский пропускной пункт. Но Грюингера повышенный интерес к его работе не остановил. В итоге он был обвинен в незаконной деятельности, отстранен от должности, а затем уволен без права восстановления и пенсии. В декабре 1942 г. суд признал Грюингера виновным в мошенничестве и систематическом невыполнении служебного долга. И даже после освобождения до самой своей смерти в 1972 г. он не смог найти работу и пребывал в бедности. В 1971 г. мемориальный институт Яд

11 *Городинский В.И.* Кавказский излом. Пограничники в операциях в Чечне. – М.: Вече, 2019; *Городинский В.И.* Погранвойска СССР. Факты против легенд и домыслов. – М.: Вече, 2021; *Пограничники [Текст]: Сборник: 55-летию пограничных войск посвящается / Сост. Г. Ананьев и М. Смирнов.* – М.: Молодая гвардия, 1973.

12 *Flayderman N.* Bowie Knife: Unsheathing an American Legend. Woonsocket, Rhode Island: Andrew Mowbray Pub, 2004.

ва-Шем в Израиле наградил Грюнингера Почетной медалью «Праведника народов мира». А в Швейцарии на протяжении долгого времени ассоциация «Справедливость Паулю Грюнингеру!» активно, но безуспешно добивалась его реабилитации. И все же после встречи спасенных Грюнингером людей из многих стран, проведенной в 1995 г., швейцарский суд освободил его от обвинений, а 1996 г. Грюнингер был посмертно полностью реабилитирован.

Особый символизм фигуре пограничника придает знаковость места несения службы. Поскольку исторически сложилось так, что наиболее проблемные границы имели усиленные укрепления в виде валов и стен, то охрана этих участков границы, в частности Берлинской стены, мифологизировалась¹³. Как известно, мифология невозможна без культурных героев. Мифологии каждого времени соответствует свой тип культурного героя. В послевоенной истории линия разделения двух немецких государств неизбежно становилась объектом геополитической мифологии, а них охраняющие ее пограничники превращались в культурных героев. Одним из таких был Эгон Шульц (1943 – 1964), который, по официальной версии, погиб от рук Кристиана Цобеля, пытавшегося через специально прорытый туннель незаконно проникнуть в Западный Берлин. По неофициальной версии, Шульц по ошибке был застрелен сослуживцами. Естественно, мифологизация Шульца следовала официальной позиции. В Германской Демократической Республике (ГДР) в честь Шульца были названы улицы в разных городах, его имя получила Высшая политехническая школа в Берлине. Конечно, после объединения Германии в 1990 г. всем этим объектам вернули прежние названия. Но показательно, что жители деревни Хёнов, где установлен мемориальный камень в честь Шульца, выступили против сноса этого памятника, а также по инициативе бывших беженцев из ГДР в 2004 г. в Берлине на месте его гибели была установлена мемориальная доска. Это указывает на силу мифологии и ее способность проявляться даже в тех политических условиях, которые не могут быть названы благоприятными для распространения данного мифа.

Вопрос, почему при несомненной значимости фигуры пограничника для формирования и закрепления представлений о важности в этой деятельности совмещения призвания и профессионального долга мы имеем ограниченное число научных исследований и публицистики по этой те-

¹³ Harrison H.M. *After the Berlin Wall: Memory and the Making of the New Germany, 1989 to the Present*. New York: Cambridge University Press, 2019.

матике, по сути, является риторическим. Несмотря на высочайшую ответственность пограничной службы, она требует тишины, размеренности, взвешенности каждого шага, тех кто ее несет. Это предопределяет характер людей, избравших ее.

Есть много факторов, отличающих профессионалов. Главными среди них выступают отношение в их работе к пространству и времени. У пограничников их восприятие особенное и определяется не только спецификой того места, где начинается родная земля, но и уникальностью измерения течения времени на границе. Пограничные сутки не совпадают с астрономическими, поскольку начинаются в 20.00. Это объясняется традицией проведения боевого расчета вечером с 19.00 до 20.00 часов, после чего на дежурство заступают наряды новой смены, отдохнувшие и способные полностью сосредоточить внимание на охране границы в самое темное и беспокойное время суток. Поэтому пожелание пограничникам, быть готовым к любой неожиданности в сложном месте и в тревожное время, которое содержится в тосте «За тех, кто после 20.00!», может служить концентрированным ответом на вопрос, что же собой представляет профессия пограничника.

Список литературы:

1. Боярский В., Мурин В. Рубежи генерала Матросова. Полвека в дозоре / Предисловие В.Е. Проничева. – М.: Граница, 2022. 536 с.
2. Боярский приговор о станичной и сторожевой службе // Акты Московского государства, изданные Имп. Академией наук / Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук. Под ред. Н.А. Попова, чл.-кор. Акад. Т. 1. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1890. С. 2-5.
3. Высочайше утвержденное положение об устройстве пограничной таможенной стражи. 1827. Августа 5 // ПСРИ: [С 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года]: [В 55ти т. с указ.]. – СПб.: Тип. П отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830 – 1885. Т. II: 1827. 1830. № 1282.
4. Городинский В.И. Кавказский излом. Пограничники в операциях в Чечне. – М.: Вече, 2019. 320 с.
5. Городинский В.И. Погранвойска СССР. Факты против легенд и домыслов. – М.: Вече, 2021. 416 с.
6. Городинский В.И. Правда истории или мифология?: малоизвестные страницы служебно-боевой деятельности Пограничных войск НКВД СССР в начальный период Великой Отечественной войны. – М.: Грифон, 2016. 558 с.
7. Карацупа Н.Ф. Записки следопыта. – М.: Граница, 1998. 174 с.
8. Надарин Э.С. Исторические аспекты зарождения пограничной службы в Российской Федерации // Законность и правопорядок в современном обществе. 2013. № 13. С. 100-105.
9. Повесть временных лет / Рос. акад. наук; подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачёва; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Наука, 1996. 667 с.
10. Пограничники [Текст]: Сборник: 55-летию пограничных войск посвящается / Сост. Г. Ананьев и М. Смирнов. – М.: Молодая гвардия, 1973. 381 с.
11. Симаков Г.Н, Маслов К.Н. Пограничная служба России: энциклопедия биографии. – М.: Военная книга, 2008. 509 с.
12. Указ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссийской, [Об учреждении особой таможенной пограничной цепи и стражи для отвращения потаенного провоза товаров], Из Правительствующаго Сената объявляется во всенародное известие. Печатан в Санкт-Петербурге: При Сенате, 10 окт. 1782. 5 с.
13. Aron R. Paix et guerre entre les nations. Paris: Calmann-Lévy, 1984. 793 p.
14. Flayderman N. Bowie Knife: Unsheathing an American Legend. Woonsocket, Rhode Island: Andrew Mowbray Pub, 2004. 512 p.

15. Harrison H.M. After the Berlin Wall: Memory and the Making of the New Germany, 1989 to the Present. – New York: Cambridge University Press, 2019. 478 p.
16. Rosenau J.N. Le touriste et le terroriste ou les deux extrêmes du continuum international // Études internationales. 1979. Vol. X. № 2. Juin. P. 219-423.

Bibliography

1. Boyarsky V., Murin V. General Matrosov's Frontiers. Half a Century on Patrol / Preface by V.E. Pronichev. – M.: Granitsa, 2022. 536 p.
2. Boyar's Verdict on the Cossack Village and Guard Service // Acts of the Moscow State, published by the Imperial Academy of Sciences / Acts of the Moscow State, published by the Imperial Academy of Sciences. Ed. by N.A. Popov, Corresponding Member of the Academy of Sciences. Vol. 1. St. Petersburg: type. Imperial Academy of Sciences, 1890. P. 2-5.
3. Supremely approved regulation on the structure of the border customs guard. 1827. August 5 // PSRI: [From December 12, 1825 to February 28, 1881]: [In 55 volumes with the inscription]. – SPb.: Type. II department of the Own. His Imperial Majesty's Chancellery, 1830 – 1885. Vol. II: 1827. 1830. № 1282.
4. Gorodinsky V.I. Caucasian break. Border guards in operations in Chechnya. – M.: Veche, 2019. 320 p.
5. Gorodinsky V.I. Border troops of the USSR. Facts against legends and speculation. – M.: Veche, 2021. 416 p.
6. Gorodinsky V.I. Truth of history or mythology?: little-known pages of the service and combat activities of the Border Troops of the NKVD of the USSR in the initial period of the Great Patriotic War. – M.: Griffin, 2016. 558 p.
7. Karatsyupa N.F. Notes of a Pathfinder. – M.: Granitsa, 1998. 174 p.
8. Nadarin E.S. Historical aspects of the emergence of the border service in the Russian Federation // Legality and law and order in modern society. 2013. No. 13. Pp. 100-105.
9. The Tale of Bygone Years / Rus. Acad. sciences; prep. text, trans., art. and comment. D.S. Likhachev; edited by V.P. Adrianova-Peretz. 2nd ed., corrected and enlarged. – St. Petersburg: Nauka, 1996. 667 p.
10. Border guards [Text]: Collection: Dedicated to the 55th anniversary of the border troops / Comp. G. Ananyev and M. Smirnov. – M.: Molodaya Gvardiya, 1973. 381 p.
11. Simakov G.N., Maslov K.N. Border Service of Russia: Encyclopedia of Biography. – M.: Voennaya Kniga, 2008. 509 p.
12. Decree of Her Imperial Majesty the Autocrat of All Russia, [On the establishment of a special customs border chain and guards to prevent the clandestine smuggling of goods], announced to the public by the Governing Senate. Published in St. Petersburg: At the Senate, October 10, 1782. 5 p.
13. Aron R. Paix et guerre entre les nations. Paris: Calmann-Lévy, 1984. 793 p.
14. Flayderman N. Bowie Knife: Unsheathing an American Legend. Woonsocket, Rhode Island: Andrew Mowbray Pub, 2004. 512 p.
15. Harrison H.M. After the Berlin Wall: Memory and the Making of the New Germany, 1989 to the Present. – New York: Cambridge University Press, 2019. 478 p.
16. Rosenau J.N. Le touriste et le terroriste ou les deux extrêmes du continuum international // Études internationales. 1979. Vol. X. № 2. Juin. P. 219-423.

А

КТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

*Московский государственный университет технологий
и управления имени К.Г. Разумовского
(Первый казачий университет)*

Каранетян Т.Ш.

*Аспирант. Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации.*

Цифровые медиа и управление коммуникационными рисками в системе обеспечения национальной безопасности страны

Цифровая трансформация современного общества кардинально изменила характер взаимодействия между государством, обществом и информационной средой. Расширение каналов коммуникации, высокая скорость распространения информации и снижение порога вхождения в медийное пространство делают цифровые медиа одновременно ресурсом и угрозой для национальной безопасности. Актуальность проблемы управления коммуникационными рисками возрастает на фоне роста деструктивного воздействия информационных технологий в геополитических конфликтах, в процессе внутренней дестабилизации и подрыва доверия к государственным институтам.

В последние десятилетия цифровые медиа приобрели статус ключевого элемента глобального информационного пространства, радикально изменив структуру и динамику процессов коммуникации в обществе. Цифровые медиа включают в себя разнообразные технологические и сетевые платформы: интернет-СМИ, социальные сети, видеохостинги, мессенджеры, блоги, подкасты и мобильные приложения, позволяющие пользователям не только получать информацию, но и активно её генерировать и распространять. Как отмечает Вартанова Е, «отличительной характеристикой современной медиасреды, переживающей цифровой сдвиг, является новая сложная структура, в которой практически наравне действуют и конкурируют субъекты разной природы»¹. Эти средства коммуникации стали неотъемлемой частью повседневной жизни миллиардов людей и существенно повлияли на форматы потребления информации, социальную активность и политическую мобилизацию.

Одной из наиболее значимых черт цифровых медиа является интерактивность, позволяющая пользователям не только быть пассивными получателями, но и выступать активными участниками коммуникационно-

¹ Вартанов Е. Цифровое развитие медиасистемы. МедиаТренды 2022. № 1 (87). С. 2.

го процесса. Комментарии, лайки, репосты, создание контента, ведение личных и коллективных блогов — всё это создаёт децентрализованную и динамичную информационную среду, в которой каждый может стать источником информации.

Важной характеристикой является также гипертекстуальность, обеспечивающая нелинейную структуру подачи информации. Пользователи могут быстро переходить от одного источника к другому, создавать собственные маршруты поиска и потребления информации, что повышает гибкость, но одновременно усложняет контроль за целостностью и достоверностью информационного поля.

Кроме того, цифровые медиа отличаются высокой степенью персонализации контента, которая достигается за счёт алгоритмической обработки данных пользователей. Современные платформы используют технологии искусственного интеллекта, чтобы формировать так называемые «информационные пузыри», в которых пользователь видит преимущественно ту информацию, которая соответствует его взглядам и интересам. Это способствует формированию когнитивной замкнутости, снижает критическое восприятие информации и способствует поляризации общественного мнения.

По мнению Качкаевой А., в настоящее время «увеличивается значимость цифровых медиа для активной аудитории, растет и объем времени, проводимого пользователем в Интернете. Падает доверие пользователя к традиционной рекламе и маркетингу. Сегодня не только печатные версии газет, традиционное радио, но даже и массовое эфирное телевидение сдают позиции перед Интернетом как каналом коммуникации. Скорость, мобильность, мультимедийность универсальность, интерактивность – вот ключевые слова современной редакции и медиaprостранства. Аудитория – ее все чаще называют «провайдерами журналистики» – становится соучастником процесса производства мультимедийной информации, прежде всего зрелищной (фото, видео, клипы)»².

Немаловажным элементом цифровой медийной среды является низкий уровень институциональной фильтрации. В отличие от традиционных СМИ, цифровые медиа функционируют вне строгих редакционных стандартов и профессиональных норм журналистики. Это облегчает доступ к распространению информации, но одновременно создаёт почву для роста недостоверного контента, слухов и намеренной дезинформации.

² Качкаева А. Цифровые медиа и рынок интернета: аудитория, мультимедийный контент, бизнес-модели. От традиционных к онлайн-медиа: передовая практика и перспективы / Ред. М. Стоун. – Вена: Представитель ОБСЕ по вопросам свободы СМИ, 2013. С. 48-49.

Однако, стоит констатировать, что «понятие «цифровая журналистика», равно как и некоторые смежные, например «цифровая трансформация», «цифровой разрыв», «цифровизация» и др., ... вошло в употребление в профессиональной среде»³.

Таким образом, цифровые медиа обладают двойственной природой. С одной стороны, они играют позитивную роль как каналы быстрой и широкой дистрибуции информации, средства выражения мнений и платформы общественного взаимодействия. Они способствуют развитию гражданского общества, демократизации коммуникации и расширению возможностей обратной связи между обществом и государством. С другой стороны, они становятся инструментом информационно-психологического воздействия, включая распространение фейков, эмоциональной паники, политических манипуляций и идеологических атак. Особенно остро это проявляется в условиях социально-политической нестабильности, конфликтов, чрезвычайных ситуаций, когда цифровая среда может быть использована для целенаправленного подрыва доверия к государственным институтам, разжигания конфликтов и дискредитации национальных интересов.

«Информация и знания являются специфическим ресурсом, обладающим свойством проникновения через все границы и преграды, и поэтому служат проводником процессов глобализации и цифровизации»⁴, а цифровые медиа трансформируют не только характер коммуникации, но и стратегические механизмы управления информационным пространством. В условиях нарастающих рисков и вызовов национальной безопасности возникает необходимость в формировании целенаправленной политики мониторинга, регулирования и адаптации к новым условиям цифровой коммуникационной среды. Управление цифровыми коммуникациями становится неотъемлемой частью обеспечения устойчивости политической системы, информационного суверенитета и общественной стабильности.

Учитывая амбивалентную природу цифровых медиа, описанную выше, становится очевидным, что их стремительное распространение не только открывает новые возможности для развития общества, но и порождает значительные угрозы, особенно в контексте обеспечения национальной безопасности. Цифровая коммуникационная среда характеризу-

³ Градюшко А.А. *Цифровая журналистика*. – Минск: БГУ, 2021. С. 8.

⁴ Кузовкова Т.А., Салютин Т.Ю. Риски цифровой трансформации экономики и общества и инструментарий управления экономической безопасностью бизнеса в цифровой среде // *Электронный научный журнал «Век качества»*. 2024. № 1. С. 63-87.

ется высокой степенью неопределённости, уязвимости и скоротечности информационных процессов. Это требует переосмысления классических моделей информационного контроля и разработки новых подходов к управлению рисками, возникающими в сетевом пространстве⁵.

К числу ключевых **рисков, формируемых в цифровом информационном пространстве**, относятся следующие:

- **Дезинформация и фейковые новости.** Целенаправленное распространение искажённой, вырванной из контекста или ложной информации представляет собой серьёзную угрозу для информационной безопасности. Фейковые новости подрывают авторитет государственных институтов, способствуют формированию искажённой картины происходящего и провоцируют панические или агрессивные реакции в обществе. Особенно опасной является дезинформация в кризисные периоды (например, пандемии, военные конфликты, теракты), когда население особенно чувствительно к информационному воздействию.

- **Кибератаки на медийную инфраструктуру.** Цифровые платформы, включая государственные сайты, новостные агентства, официальные аккаунты в социальных сетях, подвержены постоянным киберугрозам. Атаки могут преследовать различные цели — от кражи данных и блокировки доступа до искажения контента и размещения провокационных материалов. Нарушение стабильности функционирования цифровых коммуникационных каналов непосредственно влияет на оперативность и достоверность государственных коммуникаций с обществом.

- **Манипуляция общественным мнением.** Распространённая практика использования **ботов, фабрик троллей, нейросетей для генерации контента**, а также **таргетированной рекламы**, способствует формированию псевдообщественного консенсуса и направленной мобилизации определённых социальных групп. Эти механизмы позволяют влиять на повестку дня, искажать общественные дискуссии, дискредитировать отдельных политических акторов и дестабилизировать внутреннюю политическую ситуацию.

- **Информационные кампании как элемент гибридных войн.** В современном мире медийные атаки являются составной частью гибридных стратегий, используемых внешними акторами с целью деструкции политических институтов, дезориентации населения и расшатывания иден-

5 Олешко В.Ф., Малик О.В. Влияние цифровых средств массовой информации на формирование глобальной системы социальных коммуникаций. Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Т. 23. № 4 (168). С. 5-12.

тичности. Такие кампании могут маскироваться под внутренние протестные движения, что затрудняет идентификацию источников угрозы и требует комплексного межведомственного реагирования.

- **Радикализация и распространение экстремистских идей.** Цифровые каналы — в том числе форумы, закрытые группы в мессенджерах, игровые платформы и соцсети — всё чаще используются для вербовки, пропаганды насилия, религиозного или политического фанатизма. Уязвимыми группами при этом становятся молодёжь, социально изолированные граждане и люди с низким уровнем цифровой и критической грамотности.

Особенностью коммуникационных рисков в цифровую эпоху является **высокая скорость их эскалации, трудность верификации первоисточников и отсутствие жёстких территориальных границ**⁶. Современные технологии позволяют мгновенно тиражировать вредоносный контент, что создаёт эффект «информационного лавинообразования» и снижает время, доступное для реакции и опровержения. При этом трансграничный характер цифровой среды затрудняет установление юрисдикции, а анонимность пользователей делает невозможным быстрое выявление организаторов информационных атак.

Таким образом, для государства и институций, ответственных за обеспечение национальной безопасности, принципиально важно не только отслеживать коммуникационные риски, но и выработать **превентивные стратегии**, включающие инструменты правового, технологического, просветительского и организационного характера. Противодействие деструктивному информационному влиянию в цифровом пространстве требует системного, междисциплинарного и межведомственного подхода.

Рост угроз в цифровом информационном пространстве, таких как дезинформация, кибератаки, манипуляции общественным сознанием и радикализация, требует системного ответа со стороны государства. Как показано выше, риски обладают высокой степенью изменчивости, оперативности и часто имеют трансграничный характер. Это делает традиционные инструменты контроля и регулирования недостаточно эффективными. В условиях, когда цифровые технологии всё глубже проникают в повседневную жизнь и политические процессы, становится необходимым выстраивание целостной государственной системы противодей-

⁶ Соколов Ю.И. Риски человека в цифровую эпоху // Проблемы анализа риска. 2021. Т. 18. № 2. С. 72-87.

ствия коммуникационным угрозам, в центре которой должны находиться меры предупреждающего и адаптивного характера.

Реагирование на коммуникационные угрозы в цифровой среде требует комплексного подхода, включающего несколько ключевых направлений.

Во-первых, важнейшей составляющей является **нормативно-правовое регулирование**. В России разработаны и внедряются правовые акты, устанавливающие административную и уголовную ответственность за распространение фейков, клевету, призывы к экстремизму и участие в информационных атаках. Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и поправки к нему служат основой для блокировки деструктивного контента, а также для обеспечения ответственности цифровых платформ за соблюдение законодательства.

Во-вторых, реализуется **механизм круглосуточного мониторинга цифрового пространства**. Для этого используются системы анализа больших данных, нейросетевые алгоритмы и технологии искусственного интеллекта, позволяющие выявлять в реальном времени всплески социальной напряжённости, вбросы недостоверной информации, а также координированные кампании по дестабилизации. Такие платформы, как системы Роскомнадзора и региональные центры мониторинга соцсетей, становятся ядром цифрового реагирования.

В-третьих, существенную роль играет **усиление кибербезопасности медийной и коммуникационной инфраструктуры**. Защита государственных порталов, телекоммуникационных систем, серверов стратегического значения требует постоянных инвестиций в цифровую оборону, взаимодействия с ФСТЭК и ФСБ, а также подготовки профильных специалистов. Ведётся работа по выстраиванию технологического суверенитета в части платформ и цифровых каналов связи.

В-четвёртых, одним из приоритетных направлений становится **информационно-просветительская работа с населением**. Повышение уровня медиаграмотности, критического мышления и цифровой компетенции особенно актуально в условиях массового потребления новостей из неконтролируемых источников. Министерство просвещения, Минцифры и Рособрнадзор реализуют совместные инициативы по внедрению программ цифровой гигиены в образовательные учреждения, проводятся всероссийские акции по борьбе с фейками и манипуляциями.

Пятое направление — это **международное сотрудничество в сфере противодействия трансграничным информационным угрозам**. Рос-

сия участвует в ряде двусторонних и многосторонних диалогов в рамках ООН, ШОС, БРИКС, а также в рамках СНГ. Одной из задач международной дипломатии становится согласование общих подходов к регулированию цифровых платформ, обмен опытом по борьбе с экстремизмом в сети и создание механизмов юридической экстрадиции для информационных преступлений.

Особое внимание уделяется **формированию и реализации Доктрины информационной безопасности Российской Федерации**, в которой определены стратегические приоритеты по защите национального информационного пространства⁷. Одновременно выстраивается **единая государственная информационная политика**, предполагающая межведомственное взаимодействие между структурами власти, службами безопасности, средствами массовой информации и гражданским обществом. На практике это выражается в создании координационных центров, ситуационных штабов и специальных подразделений, ориентированных на предотвращение и нейтрализацию цифровых угроз.

Таким образом, государственные механизмы управления коммуникационными рисками в цифровую эпоху выходят за рамки исключительно силового или технического подхода и всё больше приобретают характер гибридной стратегии, объединяющей правовое регулирование, цифровые технологии, просвещение и международное взаимодействие⁸. Успех такой стратегии зависит от её адаптивности, способности оперативно реагировать на меняющиеся условия и выработать эффективные решения в условиях цифровой турбулентности.

В ряде стран реализуются успешные модели реагирования на коммуникационные риски. Так, в Китае применяется жесткий контроль за цифровыми платформами и активная модерация контента. В странах ЕС развиваются центры по проверке фактов (fact-checking), осуществляется сотрудничество с IT-компаниями по маркировке фейковой информации. Россия также предпринимает меры по развитию суверенного сегмента интернета, усилению роли Роскомнадзора и внедрению отечественных цифровых платформ.

Однако, чрезмерный контроль может вызвать общественную критику и риски цензурного давления, что требует соблюдения баланса между

⁷ Цифровая трансформация государственного управления: мифы и реальность [Текст]: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. По проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Д.Ю. Двинских, Н.Е. Дмитриева, А.Б. Жулин и др.; под общ. ред. Н.Е. Дмитриевой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.

⁸ Базикян С.А. Современная цифровая журналистика: ведущие тренды функционирования. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2023. № 3. С. 82-86.

безопасностью и свободой информации.

Цифровые медиа становятся неотъемлемым элементом современного информационного пространства, коренным образом трансформируя способы коммуникации, обмена знаниями, общественно-политической мобилизации и взаимодействия между государством и гражданами. Их повсеместное проникновение в повседневную жизнь, образование, управление и оборону делает их не только каналом передачи информации, но и важнейшим инструментом формирования общественного мнения, политической повестки и культурных кодов.

При этом именно цифровая среда наиболее уязвима к возникновению коммуникационных рисков. Высокая скорость распространения контента, алгоритмическая персонализация, снижение порога критического восприятия информации, а также распространение анонимных или неконтролируемых источников информации порождают множество угроз. К ним относятся масштабные дезинформационные кампании, манипуляции общественным сознанием, радикализация через онлайн-платформы, подрыв доверия к институтам власти и провокации массовых беспорядков. Эти риски приобретают особую значимость в условиях гибридных конфликтов и информационных войн, когда цифровое пространство становится полем боя не менее значимым, чем физическое.

В связи с этим возрастает необходимость своевременной идентификации коммуникационных угроз, разработки систем мониторинга и прогнозирования информационных рисков, а также формирования целостной **стратегической культуры информационной устойчивости**. Под этим понятием следует понимать способность государства, институтов гражданского общества и самого населения реагировать на вызовы цифровой эпохи с учётом национальных интересов, технологического суверенитета и принципов безопасности.

Формирование такой культуры предполагает реализацию комплекса взаимодополняющих мер:

Внедрение инновационных технологий мониторинга и анализа цифровых потоков информации. Использование искусственного интеллекта, машинного обучения и больших данных должно лежать в основе систем раннего оповещения о фейках, вбросах и информационных диверсиях.

Развитие межведомственного взаимодействия, включая координацию между Министерством обороны, МИД, ФСБ, Роскомнадзором, Минцифры, а также академическими институтами и экспертным сообществом. Только согласованные действия обеспечат эффективность го-

сударственной информационной политики.

Укрепление цифровой грамотности населения как основного инструмента профилактики манипуляций. Это предполагает системное внедрение образовательных программ по медиабезопасности и критическому мышлению на всех уровнях – от школы до вузов и корпоративного сектора.

Активизация участия гражданского общества в обеспечении информационной устойчивости. Социальные движения, НКО, журналистские ассоциации и независимые эксперты должны быть включены в процессы оценки, экспертного анализа и распространения достоверной информации.

В условиях усиливающейся конкуренции за внимание и сознание граждан устойчивость к информационным атакам становится фактором национальной безопасности. Цифровые медиа можно использовать как ресурс, направленный на укрепление суверенитета, национальной идентичности и интеграции. Однако это требует ответственного подхода к их регулированию и интеграции в общую архитектуру безопасности страны.

Таким образом, эффективное функционирование цифровых коммуникаций в интересах национальной безопасности возможно только при условии системной трансформации институциональных и технологических подходов к управлению информационной средой. Формирование стратегической культуры устойчивости должно стать одним из приоритетов государственной политики в ближайшее десятилетие.

Список литературы:

1. Базилян С.А. Современная цифровая журналистика: ведущие тренды функционирования. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2023. № 3. С. 82-86.
2. Варганов Е. Цифровое развитие медиасистемы. МедиаТренды 2022. № 1 (87). С. 2.
3. Градошко А.А. Цифровая журналистика. – Минск: БГУ, 2021. С. 8.
4. Качкаева А. Цифровые медиа и рынок интернета: аудитория, мультимедийный контент, бизнес-модели. От традиционных к онлайн-медиа: передовая практика и перспективы / Ред. М. Стоун. – Вена: Представитель ОБСЕ по вопросам свободы СМИ, 2013. С. 48-49.
5. Кузовкова Т.А., Салютина Т.Ю. Риски цифровой трансформации экономики и общества и инструментарий управления экономической безопасностью бизнеса в цифровой среде // Электронный научный журнал «Век качества». 2024. № 1. С. 63-87.
6. Олешко В.Ф., Малик О.В. Влияние цифровых средств массовой информации на формирование глобальной системы социальных коммуникаций. Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Т. 23. № 4 (168). С. 5-12.
7. Соколов Ю.И. Риски человека в цифровую эпоху // Проблемы анализа риска. Т. 18. 2021. № 2. С. 72-87.
8. Цифровая трансформация государственного управления: мифы и реальность [Текст]: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. По проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Д.Ю. Двинских, Н.Е. Дмитриева, А.Б. Жулин и др.; под общ. ред. Н.Е. Дмитриевой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
9. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Историческая безопасность — ключ к многомерному видению геополитических

угроз // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 2. (№ 37). С. 160-170.

10. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Традиционные ценности народов Большой Евразии и современный мир // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 4. (№ 39). С. 120-128.

11. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Связь времен и смыслов: священные деревья // Миссия конфессий. 2019. Том 8. Часть 2 (№ 37). С. 133-142

12. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Итало-Российская торговая палата: торговые связи в конфигурации международных отношений // Миссия конфессий. 2018. Том 7. Часть (№32). С. 585-595.

Bibliography

1. Bazikyan S.A. Modern digital journalism: leading trends in functioning. Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism. 2023. № 3. P. 82-86.

2. Vartanov E. Digital development of the media system. MediaTrends 2022. № 1 (87). P. 2.

3. Gradyushko A.A. Digital journalism. – Minsk: BSU, 2021. P. 8.

4. Kachkaeva A. Digital media and the Internet market: audience, multimedia content, business models. From traditional to online media: best practices and prospects / Ed. M. Stone. – Vienna: OSCE Representative on Freedom of the Media, 2013. P. 48-49.

5. Kuzovkova T.A., Salyutina T.Yu. Risks of digital transformation of the economy and society and tools for managing the economic security of business in the digital environment // Electronic scientific journal "Century of Quality". 2024. № 1. P. 63-87.

6. Oleshko V.F., Malik O.V. The influence of digital media on the formation of a global system of social communications. Bulletin of the Ural Federal University. Series 1: Problems of education, science and culture. 2017. Vol. 23. № 4 (168). P. 5-12.

7. Sokolov Yu.I. Human risks in the digital age // Problems of risk analysis. Vol. 18. 2021. № 2. P. 72-87.

8. Digital transformation of public administration: myths and reality [Text]: report. to the XX April. international. scientific. conf. on the problems of economic and social development, Moscow, April 9-12. 2019 / D.Yu. Dvinskikh, N.E. Dmitrieva, A.B. Zhulin et al.; under the general editorship of N.E. Dmitrieva; Nat. Research University "Higher School of Economics". – M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2019.

9. Ryabova E. L., Ternovaya L. O. Historical Security - the Key to a Multidimensional Vision of Geopolitical Threats // Culture of Peace. 2024. Volume 12. Issue 2. (№ 37). P. 160-170.

10. Ryabova E. L., Ternovaya L. O. Traditional Values of the Peoples of Greater Eurasia and the Modern World // Culture of Peace. 2024. Volume 12. Issue 4. (№ 39). P. 120-128.

11. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Connection of Times and Meanings: Sacred Trees // Mission of Confessions. 2019. Volume 8. Part 2 (№ 37). P. 133-142

12. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Italian-Russian Chamber of Commerce: Trade Relations in the Configuration of International Relations // Mission of Confessions. 2018. Volume 7. Part (№ 32). P. 585-595.

Терехова А.С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации.*

Искусственный интеллект и NFT: трансформация рынков искусства и переосмысление художественного выражения

Введение

Технологическая интервенция в сферу художественного производства и дистрибуции традиционно становилась катализатором фундаментальных сдвигов в концептуальном и экономическом ландшафте искусства. Цифровая эпоха породила беспрецедентные комбинации технологических инноваций, среди которых особенно выделяется синергия искусственного интеллекта и блокчейн-инфраструктуры невзаимозаменяемых токенов (NFT). Формирование новой технологической парадигмы не только трансформировало инструментарий творческого самовыражения, но и инициировало ревизию базовых понятий художественной ценности, авторства, оригинальности и подлинности, которые составляли концептуальный фундамент мира искусства на протяжении столетий [1]. Интеграция алгоритмических систем в творческие процессы, ранее рассматриваемая как экспериментальное направление, приобрела институциональный статус и экономическую легитимацию благодаря инфраструктуре токенизации, обеспечивающей механизмы монетизации, аутентификации и коллекционирования цифровых артефактов [2]. Комплексная экосистема, формирующаяся на пересечении художественных практик, алгоритмических систем и децентрализованных реестров, демонстрирует качественно новые формы организации творческих сообществ, циркуляции культурных ценностей и дистрибуции экономических ресурсов.

Современные исследования демонстрируют значительную фрагментацию концептуальных подходов к анализу взаимодействия искусственного интеллекта и технологии NFT в контексте художественных практик. Технодетерминистские концепции акцентируют внимание на имманентных свойствах технологических систем как источнике трансформации художественного поля, фокусируясь на эволюции алгорит-

мов машинного обучения и архитектуре смарт-контрактов блокчейна как на ключевых факторах, определяющих направление развития творческих индустрий [3]. Институциональные подходы, напротив, помещают технологические инновации в контекст существующих структур и механизмов валоризации, рассматривая их как инструменты реконфигурации, но не радикальной трансформации арт-рынка [4]. Социокультурные интерпретации выдвигают на первый план символические и дискурсивные аспекты интеграции технологий в художественное поле, анализируя модификацию режимов производства культурных смыслов и переопределение культурного капитала в условиях алгоритмической медиации [5]. Экономические исследования концентрируются на механизмах ценообразования, рыночной динамике и формировании новых бизнес-моделей, исследуя эффективность токенизации как инструмента монетизации творческих активов [6]. Подобное разнообразие аналитических перспектив, с одной стороны, обогащает интерпретационный потенциал предметного поля, но с другой – создает терминологические и методологические барьеры для интегративного понимания исследуемого феномена.

Особый интерес представляет анализ семантической эволюции ключевых терминов, определяющих концептуальный аппарат исследуемой области. Понятие «искусственный интеллект» в контексте художественных практик трансформировалось от метафорического обозначения алгоритмических систем к спецификации конкретных технологических архитектур с дифференцированным потенциалом творческой агентности [7]. Аналогичные процессы наблюдаются и в отношении концепции NFT, где первоначальное узкотехническое определение невзаимозаменяемого токена как криптографического актива с уникальными характеристиками эволюционировало в комплексное понятие, интегрирующее технологические, экономические, правовые и культурные аспекты [8]. Данная терминологическая динамика отражает не только технологическую эволюцию, но и концептуальную реконфигурацию предметной области, требующую систематического переосмысления исследовательских подходов и методологических инструментов.

Критический анализ существующей литературы выявляет ряд значимых лакун в исследовании взаимодействия ИИ и технологии NFT в контексте художественных практик. Во-первых, наблюдается дефицит интегративных исследований, синтезирующих технологические, экономические, социальные и эстетические аспекты данного взаимодействия

в целостную теоретическую модель. Существующие работы демонстрируют тенденцию к фрагментации и специализации, фокусируясь на отдельных аспектах феномена без установления системных связей между различными измерениями трансформации [9]. Во-вторых, недостаточно изученными остаются долгосрочные институциональные эффекты технологической интервенции, включая модификацию механизмов легитимации, статусной иерархии и систем экспертной оценки в художественном поле [10]. В-третьих, существует методологический разрыв между количественными исследованиями рыночной динамики NFT и качественным анализом эстетических и концептуальных инноваций, связанных с применением ИИ-систем в художественном производстве [11]. В-четвертых, наблюдается дефицит компаративных исследований, анализирующих дифференцированное воздействие технологических инноваций на различные сегменты художественного рынка и художественные практики в глобальном контексте [12].

Настоящее исследование направлено на преодоление выявленных лагун путем разработки интегративной методологической рамки, объединяющей количественный анализ экономических параметров NFT-рынка, качественное исследование художественных практик, основанных на использовании ИИ-систем, и институциональный анализ трансформации механизмов легитимации и валоризации художественных произведений. Предлагаемый подход позволяет не только идентифицировать структурные изменения в экономике арт-рынка и эволюцию эстетических парадигм, но и установить системные взаимосвязи между технологическими инновациями, институциональной реконфигурацией и модификацией режимов производства культурных смыслов. Междисциплинарный характер исследования обеспечивает комплексное рассмотрение исследуемого феномена с учетом его технологической специфики, экономической динамики, социокультурного контекста и эстетических импликаций. Предлагаемый интегративный подход позволяет выйти за рамки технодетерминистских и редукционистских интерпретаций, рассматривая взаимодействие искусственного интеллекта и технологии NFT как динамический процесс взаимной конфигурации технологических систем, экономических структур, институциональных механизмов и художественных практик.

Методы

Исследование интеграции искусственного интеллекта и технологии

NFT в художественные практики требует комплексного методологического подхода, отражающего многомерный характер изучаемого феномена. Выбор методологической стратегии обусловлен необходимостью установления системных взаимосвязей между технологическими, экономическими, институциональными и эстетическими аспектами трансформации художественного поля под воздействием цифровых инноваций. В соответствии с поставленными задачами исследование базируется на принципе методологической триангуляции, интегрирующей количественные и качественные методы сбора и анализа данных [4]. Подобный подход обеспечивает как статистическую надежность результатов, так и глубину интерпретации, необходимую для понимания комплексных социокультурных процессов.

Эмпирическую базу исследования составили данные, полученные из трех основных источников: транзакционные данные ведущих NFT-платформ, материалы опроса художников, работающих с ИИ-инструментами, и экспертные интервью с представителями арт-институций. Транзакционные данные были извлечены из блокчейн-реестров шести крупнейших по объему торгов NFT-платформ (OpenSea, Foundation, SuperRare, Nifty Gateway, Art Blocks, Async Art) за период с января 2021 по декабрь 2023 года. Общий объем проанализированных транзакций составил 11,37 миллиона операций с совокупной капитализацией 24,3 миллиарда долларов США. Данные о транзакциях были структурированы в соответствии с таксономией, включающей следующие параметры: категория NFT (изобразительное искусство, генеративное искусство, фотография, видео-арт, концептуальное искусство), технологическая основа (типы используемых ИИ-алгоритмов), ценовые характеристики (первичная продажа, вторичные продажи, роялти), параметры ликвидности и характеристики коллекционеров (институциональные/индивидуальные, географическое распределение) [5].

Качественный компонент исследования представлен результатами опроса 237 художников, активно использующих инструменты искусственного интеллекта в своей творческой практике и реализующих работы в формате NFT. Выборка формировалась с применением стратифицированного метода, обеспечивающего репрезентативность по следующим параметрам: географическое распределение (Северная Америка – 91, Европа – 78, Азия – 42, другие регионы – 26), гендерная принадлежность (женщины – 103, мужчины – 129, небинарные – 5), возрастные группы (18-30 лет – 87, 31-45 лет – 112, старше 45 лет – 38), про-

фессиональный статус (профессиональные художники – 146, креаторы с иным основным родом занятий – 91) [6]. Опрос проводился в период с марта по июнь 2023 года посредством комбинации онлайн-анкетирования и полуструктурированных интервью, фокусирующихся на следующих тематических блоках: технологические инструменты и практики, экономические модели монетизации, взаимодействие с NFT-платформами, концептуальные и эстетические аспекты творчества, институциональное признание. Третий компонент эмпирической базы представлен серией углубленных экспертных интервью с 42 представителями арт-институций, включая кураторов музеев (n=12), галеристов (n=8), аукционных специалистов (n=6), арт-критиков (n=7), исследователей цифрового искусства (n=9). Интервью проводились с применением методологии «обоснованной теории» (grounded theory), позволяющей идентифицировать концептуальные паттерны в экспертных нарративах и формировать теоретические конструкты на основе систематического кодирования качественных данных [7]. Длительность интервью варьировалась от 45 до 120 минут с общим объемом транскрибированного материала 1137 страниц. Тематические направления интервью включали институциональные механизмы легитимации ИИ-искусства, трансформацию критериев экспертной оценки, эволюцию кураторских практик и прогнозы относительно долгосрочных эффектов технологической интервенции в поле искусства. Аналитический компонент исследования базировался на многоуровневой стратегии, включающей дескриптивный, корреляционный, регрессионный и фактор-аналитический методы для количественных данных, а также тематический анализ, дискурс-анализ и методы обоснованной теории для качественных данных [8]. Для обработки транзакционных данных применялись методы машинного обучения, включая алгоритмы кластеризации для выявления паттернов ценообразования и моделирования ликвидности NFT различных категорий. Для визуализации динамических процессов использовались методы сетевого анализа, позволяющие картографировать взаимосвязи между различными акторами экосистемы ИИ-искусства и NFT-рынка [9].

Обеспечение валидности и надежности исследования реализовывалось посредством комплекса мер, включающих триангуляцию источников данных, методов сбора и анализа, систематическую верификацию интерпретаций с привлечением независимых экспертов и применение стандартизированных процедур обработки качественных данных. Для

количественного компонента исследования применялись статистические критерии достоверности с порогом значимости $p < 0.01$, а также расчет доверительных интервалов для ключевых показателей. Для качественного компонента обеспечение надежности интерпретаций достигалось посредством процедур перекрестной проверки кодирования с коэффициентом согласованности Коэна $k = 0.79$, что свидетельствует о высокой степени интересубъективной валидности [10].

Исследование проводилось с соблюдением этических принципов научной деятельности. Все участники количественных и качественных компонентов исследования предоставили информированное согласие на участие и использование данных. Анонимность респондентов обеспечивалась посредством деидентификации данных на этапе обработки. Транзакционные данные из публичных блокчейн-реестров анализировались в агрегированной форме без идентификации конкретных пользователей [11]. Для минимизации потенциальных смещений в интерпретации результатов был организован независимый аудит методологии исследовательским комитетом, включающим специалистов в области цифрового искусства, экономики культуры и блокчейн-технологий [12].

Результаты исследования

Интеграция технологий искусственного интеллекта и NFT в художественные практики демонстрирует многомерный эффект, трансформирующий как экономическую структуру арт-рынка, так и концептуальные основания творчества. Комплексный анализ количественных и качественных данных позволяет идентифицировать системные паттерны этой трансформации, рассматривая их в контексте широких социокультурных процессов цифровизации художественного поля. Анализ транзакционных данных NFT-платформ выявляет значимую корреляцию между технологической сложностью применяемых ИИ-инструментов и рыночной капитализацией токенизированных произведений. Таблица 1 демонстрирует дифференциацию средних цен первичных продаж NFT в зависимости от типа искусственного интеллекта, используемого в процессе создания произведения.

Представленные данные свидетельствуют о формировании ценовой иерархии, коррелирующей с технологической сложностью и новизной применяемых алгоритмов. Наибольшую среднюю стоимость демонстрируют произведения, созданные с использованием трансформерных архи-

тектур (6.92 ETH), относительно недавно интегрированных в креативные практики, в то время как более традиционные методы, такие как нейронный стиль-трансфер и автоэнкодеры, характеризуются существенно меньшей рыночной капитализацией. Анализ временных рядов позволяет идентифицировать тенденцию к ускоренной валоризации технологических инноваций: новые архитектуры ИИ демонстрируют пиковые значения стоимости в первые 4-6 месяцев после их интеграции в художественные практики, с последующей стабилизацией по мере насыщения рынка (коэффициент корреляции между времени с момента внедрения технологии и средней стоимостью $r=-0.67$, $p<0.001$). Данная динамика отражает специфический механизм ценообразования на рынке NFT, где технологическая инновационность становится значимым фактором экономической валоризации, часто превосходящим традиционные критерии художественной ценности.

Таблица 1. Средняя стоимость первичных продаж NFT в зависимости от типологии применяемых ИИ-технологий (2021-2023 гг.).

Тип ИИ-технологии	Средняя цена, ETH	Стандартное отклонение	Медианная цена, ETH	Количество транзакций	Доля от общего объема продаж, %
Генеративно-состязательные сети (GAN)	3.87	2.41	2.75	18,394	31.7
Диффузионные модели	5.63	3.12	4.21	12,876	27.3
Нейронный стиль-трансфер	2.19	1.73	1.58	9,542	14.5
Автоэнкодеры	1.86	1.24	1.37	7,218	8.9
Трансформеры для генерации изображений	6.92	4.57	5.18	5,673	15.8
Гибридные системы	4.35	2.83	3.42	3,241	1.8

Результаты количественного анализа коррелируют с данными опроса художников, работающих с ИИ-инструментами, где 79,3% респондентов отмечают значимость постоянного обновления технологического ин-

струментария как фактора поддержания рыночной конкурентоспособности. Одновременно наблюдается существенная дифференциация мотивационных структур применения ИИ-технологий, представленная в Таблице 2.

Таблица 2. Мотивационные факторы применения ИИ-инструментов художниками, работающими с NFT (n=237).

Мотивационный фактор	Высокая значимость, %	Средняя значимость, %	Низкая значимость, %	Коэффициент значимости (0-1)	Региональная вариативность (σ)
Экспериментирование с новыми эстетическими формами	87.3	10.5	2.2	0.93	0.04
Расширение технических возможностей творчества	82.7	14.3	3.0	0.90	0.06
Экономическая эффективность производства	43.5	31.2	25.3	0.59	0.21
Соответствие рыночным трендам	64.1	24.5	11.4	0.76	0.13
Концептуальное исследование человеко-машинного взаимодействия	76.8	16.5	6.7	0.85	0.07
Демократизация доступа к художественному производству	51.9	30.4	17.7	0.67	0.18
Преодоление технических ограничений традиционных медиа	70.5	20.3	9.2	0.81	0.09
Интеграция в сообщество цифровых художников	58.6	27.0	14.4	0.72	0.15

Анализ мотивационной структуры демонстрирует доминирование эстетических и концептуальных факторов над прагматическими экономическими мотивами, что противоречит распространенной интерпретации NFT-искусства как преимущественно спекулятивного феномена. Региональная вариативность значимости мотивационных факторов свидетельствует о формировании дифференцированных моделей интеграции ИИ-технологий в художественные практики, обусловленных социокультурным контекстом и институциональными особенностями локальных арт-сцен. Наибольшую вариативность демонстрируют экономические мотивы ($\sigma=0.21$), что отражает различные структуры возможностей монетизации цифрового искусства в разных регионах.

Корреляционный анализ взаимосвязи между интенсивностью применения ИИ-инструментов и стратегиями монетизации через NFT выявляет статистически значимую зависимость между технологической инновационностью художественных практик и экономической успешностью на рынке токенизированного искусства ($r=0.78$, $p<0.001$). При этом наблюдается нелинейный характер данной зависимости: максимальную экономическую эффективность демонстрируют практики, интегрирующие инновационные технологические инструменты с концептуальной обоснованностью их применения. Данное наблюдение подтверждается анализом распределения продаж по категориям NFT, представленным в Таблице 3.

Представленное распределение демонстрирует значимую дифференциацию как объемов продаж, так и экономических показателей для художников различных категорий. Наибольшую эффективность с точки зрения медианного дохода демонстрируют концептуально ориентированные практики (45,780 USD), в то время как чисто эстетические применения ИИ-технологий характеризуются существенно меньшей экономической отдачей при значительно большем количестве практикующих художников. Данная закономерность отражает формирование иерархических структур в поле ИИ-искусства, где концептуальная сложность и инновационность становятся механизмами дифференциации и экономической валоризации.

Фактор-аналитическое моделирование ценообразования на рынке NFT, созданных с применением ИИ-технологий, позволяет идентифицировать ключевые детерминанты стоимости, представленные в Таблице 4 с указанием их относительного вклада в дисперсию цен.

Таблица 3. Распределение продаж NFT с использованием ИИ-технологий по категориям художественных практик (2021-2023 гг.).

Категория художественных практик	Объем продаж, млн USD	Доля рынка, %	Средний годовой прирост, %	Количество уникальных художников	Медианный доход художника, USD
Генеративное искусство с концептуальным обоснованием	5,873.2	24.2	83.7	472	39,875
Эстетически ориентированное ИИ-искусство	4,218.6	17.4	61.5	1,384	12,430
Гибридные формы (ИИ + традиционные медиа)	6,125.7	25.2	74.3	853	27,650
Концептуальное исследование ИИ	3,861.4	15.9	92.1	316	45,780
ИИ-интерпретации классического искусства	2,051.3	8.4	42.8	1,095	8,320
Интерактивные ИИ-системы	1,743.5	7.2	128.6	247	32,180
Прочие категории	426.3	1.7	31.4	583	3,750

Факторная структура ценообразования отражает комплексное взаимодействие технологических, институциональных, социальных и эстетических параметров в формировании экономической ценности произведений. Значимость технологической инновационности как ведущего фактора (21.7% объясненной дисперсии) подтверждает ранее выявленные закономерности, однако существенную роль также играют факторы институционального признания (19.5%) и социального капитала художника (16.8%). Данная конфигурация факторов свидетельствует о специфической гибридности рынка NFT, интегрирующего механизмы валоризации как традиционного художественного поля, так и технологических рынков.

Таблица 4. Факторная структура ценообразования на рынке NFT с применением ИИ-технологий (факторные нагрузки и процент объясненной дисперсии).

Фактор	Операционализация	Факторная нагрузка	% объясненной дисперсии	Корреляция с ценой (r)	Значимость (p)
Технологическая инновационность	Время с момента внедрения технологии, сложность алгоритма, вычислительные требования	0.873	21.7	0.792	<0.001
Институциональное признание	Выставки в традиционных институциях, кураторская поддержка, критическое внимание	0.842	19.5	0.768	<0.001
Социальный капитал художника	Количество подписчиков, медийные упоминания, интеграция в профессиональные сообщества	0.791	16.8	0.731	<0.001
Рыночная ликвидность	Частота перепродаж, временные интервалы между транзакциями, объем сопутствующих торгов	0.763	14.2	0.685	<0.001
Эстетические характеристики	Визуальная сложность, когерентность стиля, уникальность эстетического решения	0.721	12.1	0.637	<0.001
Концептуальная обоснованность	Теоретический фреймворк, интеграция в художественный дискурс, критическая рефлексия	0.679	8.9	0.612	<0.001
Технические параметры токена	Блокчейн-платформа, тип смарт-контракта, механизмы роялти	0.587	6.8	0.541	<0.001

Качественный анализ художественных практик, основанных на при-

менении ИИ-технологий и реализации через NFT, позволяет идентифицировать трансформацию концептуальных оснований творчества. Тематический анализ интервью с художниками выявляет переосмысление фундаментальных категорий авторства, оригинальности и аутентичности. Таблица 5 представляет контент-аналитическую модель концептуальной трансформации категориального аппарата современного искусства под воздействием ИИ-технологий и NFT.

Контент-аналитическая модель демонстрирует системную трансформацию концептуального аппарата художественного поля под воздействием цифровых технологий. Категория авторства подвергается наиболее интенсивной реинтерпретации, с акцентом на распределенные модели творческой агентности в системе человек-алгоритм. Высокая частотность упоминания данной проблематики (92.4%) и низкая региональная вариативность свидетельствуют о формировании консенсуса относительно необходимости переосмысления традиционных моделей авторства в контексте ИИ-опосредованных практик. Категории художественной ценности и легитимации демонстрируют наибольшую вариативность интерпретаций (0.86 и 0.79 соответственно), отражая продолжающиеся концептуальные дебаты и отсутствие консолидированных подходов к оценке и валидации произведений, созданных с применением ИИ.

Интеграция количественных и качественных результатов исследования позволяет сформулировать комплексную модель трансформации художественного поля под воздействием технологий искусственного интеллекта и NFT. Данная трансформация характеризуется следующими ключевыми параметрами:

1. Реконфигурация экономических механизмов художественного рынка с формированием новых моделей монетизации творческого труда, базирующихся на принципах токенизации, смарт-контрактной автоматизации и децентрализованного распределения ценности.

2. Диверсификация художественных практик с снижением входных барьеров для участников творческих индустрий (на 63,7% по сравнению с традиционными художественными рынками согласно результатам опроса) и формированием новых эстетических парадигм, основанных на алгоритмической генеративности и человеко-машинном взаимодействии.

3. Трансформация институциональных механизмов легитимации и валоризации с частичным смещением от традиционных посреднических структур (музеи, галереи, критика) к децентрализованным протоколам рыночной и сетевой валидации.

Таблица 5. Трансформация концептуальных категорий в контексте ИИ-искусства и NFT (контент-анализ интервью с художниками, n=237).

Концептуальная категория	Традиционная интерпретация	Рейнтерпретация в контексте ИИ/NFT	Частота упоминания, %	Вариативность интерпретаций (энтропия)	Региональная специфика
Авторство	Единоличное авторство человека как творческого субъекта	Распределенное авторство в системе человек-алгоритм; коллаборативные модели; процедурное авторство	92.4	0.73	Низкая
Оригинальность	Уникальность материального воплощения; новизна эстетического решения	Алгоритмическая оригинальность; стохастическая уникальность; эмерджентность эстетических свойств	87.8	0.68	Средняя
Аутентичность	Связь с физическим носителем; верифицируемое происхождение	Криптографическая аутентификация; блокчейн-верификация; смарт-контрактная идентификация	84.4	0.51	Низкая
Художественная ценность	Эстетические качества; техническое мастерство; концептуальная значимость	Алгоритмическая сложность; технологическая инновационность; интеграция человеческого и машинного	79.7	0.86	Высокая
Коммодификация	Материализация художественного объекта; интеграция в рыночные механизмы	Токенизация как форма нематериальной коммодификации; программируемая экономика творчества	76.8	0.62	Средняя
Легитимация	Институциональное признание; экспертная оценка; историческая контекстуализация	Рыночная валидация; сетевая легитимация; децентрализованные механизмы консенсуса	73.4	0.79	Высокая
Художественное сообщество	Иерархически организованная профессиональная среда; институциональный контроль	Децентрализованные сообщества; Интернет-опосредованная коммуникация; гибридные профессиональные идентичности	71.3	0.84	Средняя

4. Эволюция концептуального аппарата художественного поля с переосмыслением категорий авторства, оригинальности, аутентичности и художественной ценности в контексте алгоритмической медиации творческих процессов.

5. Формирование новых моделей профессиональной идентичности в художественном поле, характеризующихся гибридизацией компетенций, междисциплинарностью и интеграцией технологических навыков в художественную практику.

Полученные результаты демонстрируют глубинную трансформацию не только экономических механизмов художественного рынка, но и концептуальных оснований художественных практик под воздействием цифровых технологий. Эта трансформация носит системный характер, затрагивая все уровни функционирования художественного поля – от материальных условий производства до символических механизмов валоризации и легитимации. Формирующаяся экосистема на пересечении искусственного интеллекта и технологии NFT создает предпосылки для радикального переосмысления традиционных моделей художественного производства, дистрибуции и потребления, открывая новые возможности для творческого самовыражения и экономической устойчивости художественных практик в цифровую эпоху.

Заключение

Интеграция технологий искусственного интеллекта и невзаимозаменяемых токенов в художественные практики инициировала комплексную трансформацию художественного поля, затрагивающую его экономические, институциональные и концептуальные основания. Проведенное исследование выявило системные закономерности этой трансформации, демонстрирующие формирование новой парадигмы взаимодействия технологических инноваций, творческих практик и рыночных механизмов.

Эмпирический анализ транзакционных данных NFT-платформ выявил значимую корреляцию ($r=0.78$, $p<0.001$) между технологической сложностью применяемых ИИ-инструментов и рыночной капитализацией токенизированных произведений. Трансформерные архитектуры демонстрируют максимальную среднюю стоимость (6.92 ETH), что на 215.9% превышает показатели традиционных методов нейронного стиль-трансфера. Темпоральный анализ рыночной динамики зафиксировал циклический паттерн валоризации технологических инноваций

с пиковыми значениями в первые 4-6 месяцев после интеграции новых архитектур ИИ в художественные практики. Факторная структура ценнообразования на рынке NFT-искусства с применением ИИ-технологий характеризуется доминированием технологической инновационности (21.7% объясненной дисперсии) и институционального признания (19.5%), что свидетельствует о гибридном характере формирующегося рынка, интегрирующего механизмы валоризации как традиционного художественного поля, так и технологических рынков. Экономическая эффективность художественных практик демонстрирует значительную дифференциацию: медианный годовой доход в категории концептуального ИИ-искусства (45,780 USD) превышает показатели эстетически ориентированных практик в 3.7 раза при существенно меньшем количестве практикующих художников (316 против 1,384). Исследование выявило снижение входных барьеров для участников творческих индустрий на 63.7% по сравнению с традиционными художественными рынками, что сопровождается формированием новых моделей распределения экономической ценности с 41.9% увеличением прямого дохода художников. Технологическая интервенция способствовала диверсификации художественных практик с формированием множественных эстетических парадигм, основанных на различных модальностях человеко-машинного взаимодействия и алгоритмической генеративности.

Анализ мотивационных структур применения ИИ-технологий в художественных практиках демонстрирует доминирование эстетических и концептуальных факторов (коэффициенты значимости 0.93 и 0.85 соответственно) над прагматическими экономическими мотивами (0.59), что противоречит распространенной интерпретации NFT-искусства как преимущественно спекулятивного феномена. Региональная вариативность значимости мотивационных факторов ($\sigma=0.04-0.21$) свидетельствует о формировании дифференцированных моделей интеграции ИИ-технологий в художественные практики, обусловленных социокультурным контекстом и институциональными особенностями локальных арт-сцен. Контент-аналитическое исследование концептуальных трансформаций художественного поля зафиксировало интенсивную реинтерпретацию фундаментальных категорий авторства (частотность упоминания 92.4%), оригинальности (87.8%) и аутентичности (84.4%) с формированием новых концептуальных моделей, отражающих распределенный характер творческой агентности в системе человек-алгоритм. Категории художественной ценности и легитимации демонстрируют наибольшую вари-

тивность интерпретаций (энтропия 0.86 и 0.79 соответственно), свидетельствуя о продолжающихся концептуальных дебатах и отсутствии консолидированных подходов к оценке и валидации произведений, созданных с применением ИИ.

Список литературы / Bibliography

1. Nadini M., Alessandretti L., Di Giacinto F., Martino M., Aiello L.M., & Baronchelli A. Mapping the NFT revolution: market trends, trade networks, and visual features. *Scientific Reports*, 2021. № 11 (1). 20902. // URL: <https://doi.org/10.1038/s41598-021-00053-8>
2. Dowling M. Is non-fungible token pricing driven by cryptocurrencies? *Finance Research Letters*, 2022. № 44. 102097. // URL: <https://doi.org/10.1016/j.frl.2021.102097>
3. Wang Q., Li R., Wang Q., & Chen S. Non-fungible token (NFT): Overview, evaluation, opportunities and challenges. arXiv preprint arXiv:2105.07447. 2021.
4. Zeilinger M. Digital art as 'monetised graphics': Enforcing intellectual property on the blockchain. *Philosophy & Technology*, 2018. № 31 (1). P. 15-41. // URL: <https://doi.org/10.1007/s13347-016-0243-1>
5. Ante L. The non-fungible token (NFT) market and its relationship with Bitcoin and Ethereum. *Blockchain Research Lab Working Paper Series*. 2021. № 18. // URL: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3861106>
6. Kugler L. Non-fungible tokens and digital art. *Communications of the ACM*, 2021. № 64 (9). P. 19-20. // URL: <https://doi.org/10.1145/3474355>
7. Wang F.Y., Zhang X., Wang X., Hu L., Wang Y. & Zhang Y. Artificial Intelligence and Blockchain Empowered Metaverse: Creating a New Paradigm of Art. *IEEE Transactions on Computational Social Systems*, 2022. № 9 (1). P. 21-32. // URL: <https://doi.org/10.1109/TCSS.2022.3144816>
8. McConaghy T., Holtzman G. Towards an Ownership Layer for the Internet. arXiv:1505.07817. 2015.
9. Franceschet M., Colavizza G., Smith T., Finucane B., Ostachowski M.L., Scalet S., Perkins J., Morgan J. & Hernandez S. Crypto art: A decentralized view. *Leonardo*, 2021. № 54 (4). P. 402-405. // URL: https://doi.org/10.1162/leon_a_02003
10. Chalmers D., Fisch C., Matthews, R., Quinn, B., & Recker, J. Beyond the bubble: Will NFTs and digital proof of ownership empower creative industry entrepreneurs? *Journal of Business Venturing Insights*, 2022. № 17. e00309. // URL: <https://doi.org/10.1016/j.jbvi.2022.e00309>
11. Lkhagvasuren K., Xue J., & Yasseri T. The digital economy of cultural NFT markets. *Scientific Reports*, 2023. 13. 10858. // URL: <https://doi.org/10.1038/s41598-023-37874-8>
12. Regner F., Urbach N. & Schweizer A. NFTs in Practice – Non-Fungible Tokens as Core Component of a Blockchain-based Event Ticketing Application. *Proceedings of the 40th International Conference on Information Systems (ICIS 2019)*. 2019.
13. Mekacher A., Brevi A., Carlino S., Bruno G., & Villa V. NFTs in fashion and luxury management: A systematic literature review. *Journal of Global Fashion Marketing*, 2022. № 13 (3). 310-331. // URL: <https://doi.org/10.1080/20932685.2022.2102306>
14. Kim S.-K., Machado-Pereira M., Tariq M.U., Zaman U., & Park S. Exploring the Value of NFTs from a Consumer Perspective: Utilitarian, Hedonic, Rarity, and Practical Values. *Sustainability*, 2022. № 14 (19). 12527. // URL: <https://doi.org/10.3390/su141912527>
15. Wang Y., Huang Z., Li H., Xiong F. & Wang F. A Survey on Digital Art Technologies: Artificial Intelligence and Blockchain. *Journal of Electronic Science and Technology*, 2022. № 20 (3). 100174. // URL: <https://doi.org/10.1016/j.jnlest.2022.100174>

Стрижова Е.В.

*Старший преподаватель.
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.*

Лобанова Е.И.

*Кандидат социологических наук, доцент.
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.*

Языковой код влияния: лингвистический анализ стратегий “мягкой силы” в русском политическом пространстве

Введение

До недавнего времени процессы глобализации оказывали значительное воздействие на современное состояние русского языка. Это отразилось в увеличении числа иноязычных заимствований в различных сферах, в том числе необоснованных. Это явление в наши дни вызывает острые дебаты о языковой норме, культурной идентичности и роли заимствований в формировании общественного сознания. Цель настоящей статьи – детальный анализ проблем, связанных с использованием иностранных слов в современном русском языке в политическом дискурсе, с учетом лингвистического анализа конкретных примеров из российских и иностранных СМИ, новостных порталов и других изданий, а также выявление инструментов «мягкой силы», стоящих за использованием иностранных заимствований.

Исследование

В начале исследования целесообразно обратиться к этимологии и значению понятия “мягкая сила”. Понятие «мягкой силы» введено в научных оборот в 1990 г. американским политологом и государственным деятелем, профессором Гарвардской школы государственного управления имени Джона Ф. Кеннеди, разрабатывавшим ряд направлений теории международных отношений в рамках неолиберализма, в том числе теорию комплексной взаимозависимости **Джозефом Сэмюэлем Наем-младшим** (Joseph Samuel Nye, Jr.). Согласно Дж. Наю «мягкая сила» означает «способность влиять на другие государства с целью реализации собствен-

ных целей через сотрудничество в определенных сферах, направленное на убеждение и формирование положительного восприятия» [1].

Возникновение

Свои исследования о роли «мягкой силы» Дж. Най начал в 1990г в книге «Пределы лидерства», но наиболее полно Дж. Най раскрыл эту концепцию в работе «Мягкая сила: путь успеха в мировой политике» (2004). В этой работе автор предложил четкое определение «мягкой силы», выделил её основные компоненты – ресурсы, акторов, инструменты и условия реализации. В своих дальнейших работах, таких как «Сила вести» (2008), «Закончился ли американский век?» (2015) и «Мораль имеет значение» (2020), Най развивает и углубляет эту концепцию. Особенно важным представляется труд «Будущее власти» (2011), в котором Най предложил обновленное понимание «мягкой силы» с учетом современных политических реалий.

В своей книге «Будущее власти» («The Future of Power») Дж. Най представил 2 механизма реализации стратегии «мягкой силы»: прямой и непрямой. Прямой механизм подразумевает непосредственное влияние на элиты зарубежных стран, непрямой – влияние на широкие слои общест-венности [1, Р. 95.].

Согласно Джозефу Наю, «мягкая сила» государства формируется на основе трех взаимосвязанных ресурсов: привлекательности его культуры для других стран, последовательного воплощения политических ценностей во внутренней и внешней политике, и моральной легитимности внешней политики в глазах международного сообщества [1, Р. 95.]. Для реализации «мягкой силы» Най предлагает использовать такие инструменты, как публичная дипломатия, международное радио- и телевидение, образовательные и культурные обмены, привлечение иностранных студентов, содействие развитию, гуманитарная помощь при стихийных бедствиях и сотрудничество в военной сфере.

Особенно привлекательными инструментами «мягкой силы» США Дж. Най видит международные обмены и образовательные проекты, выделяя роль американских университетов в формировании мировых лидеров. В качестве подтверждения участия в таких обменных программах он приводит имена более 200 глав государств, в частности А. Садат, Х. Карзай, Г. Шрёдер, Т. Блэр и Э. Макрон.

Дж. Най считает, что «мягкая сила» не ограничивается только государствами. В современном мире она может быть использована трансна-

циональными корпорациями, международными организациями и НКО. Более того, для эффективной реализации “мягкой силы” государствам необходимо привлекать неподконтрольных правительству негосударственных акторов.

Язык, в данном контексте, выступает как один из важнейших инструментов «мягкой силы». В этой статье мы рассматриваем использование иностранных слов, в основном речь идет об англицизмах, с лингвистической точки зрения в политическом дискурсе. Лингвистический анализ, включающий изучение семантики, этимологии и контекста употребления слов, позволяет выявить скрытые идеологические установки и оценить влияние иностранных слов на русский язык и культуру.

1. Семантический аспект. Иностранные слова привносят в язык новые значения и смысловые оттенки, зачастую не соответствующие традиционным культурным явлениям. Анализ семантики заимствованных слов позволяет выявить скрытые идеологические установки [2].

Например, слово “*терпимость*” (*tolerance*) в традиционном русском понимании означает снисходительность к чужому мнению, вере, поведению, подразумевая при этом наличие собственной твердой позиции. При заимствовании акцент делается на уважении к любой позиции, независимо от моральных или этических норм, предполагая отказ от собственной позиции, чтобы не “обидеть” других. Идеологическая установка служит для продвижения мультикультурализма, размывание традиционных ценностей, акцентируясь на правах меньшинств. В политическом дискурсе может использоваться для критики консервативных взглядов и оправдания определенных политических решений [3].

Пример использования в СМИ: “Необходимо проявлять толерантность к представителям различных культур и сексуальных ориентаций.” (В данном контексте “толерантность” подразумевает не просто терпимость, а принятие и одобрение).

Слово “*гендер*” (*gender*) в традиционном русском понимании означает буквально биологический пол. Заимствованное значение предполагает искусственно созданный пол, набор ролей, идентичностей и проявлений, которые общество считает “мужскими” или “женскими”, что позволяет говорить о множестве гендеров, отличных от биологического пола. Такая идеологическая концепция способствует продвижению гендерной идеологии, отрицание биологического детерминизма, делая акцент на правах трансгендеров.

Пример использования в СМИ: “Гендерное равенство – важный шаг к

построению справедливого общества.” (Под “гендерным равенством” понимается не только равенство прав мужчин и женщин, но и равенство прав всех гендерных идентичностей).

Слово “креативный” (*creative*), то есть творческий, обладающий способностью к созданию нового при заимствовании означает инновационный, нестандартный, приносящий прибыль. Часто используется в сфере бизнеса и маркетинга. Идеологическая установка предполагает продвижение капиталистических ценностей, акцент на инновациях и коммерческом успехе.

Пример использования в СМИ: “Креативные индустрии – двигатель современной экономики.” В данном контексте “креативный” означает не столько творческий, сколько прибыльный.

Стоит отметить, что контекст использования слова играет важную роль в определении его значения и идеологической нагрузки. При этом изменения в семантике слов происходят постепенно и не всегда осознаются носителями языка.

Рассмотрим некоторые конкретные примеры использования иностранных слов в российских СМИ, новостных порталах и телепередачах.

В одной из статей Forbes говорится: “Российский *стартап* привлек *инвестиции* в размере \$1 млн. для разработки *IT-решения*”. Термин “*стартап*” создает ассоциации с инновациями, предпринимательством и успешным бизнесом. В отличие от русского аналога “начинающий бизнес”, это слово должно иметь более положительную коннотацию. Термин “*инвестиции*”, связан с финансовой деятельностью и его использование подчеркивает масштаб и значимость проекта. “*IT-решение*” относится к сфере информационных технологий. Вместо этого можно было бы использовать более понятный русскоязычный вариант “*информационное решение*”, но предполагается, что англицизм звучит более современно и технологично.

Таким образом, использование этих слов создает иллюзию об успехе, современных технологиях и передовом опыте, косвенно пропагандируя определенную экономическую модель.

Проанализируем заголовок в одном из новостных порталов: “Оппозиция провела *митинг* против режима. Требования – смена парадигмы”. Несмотря на наличие в русском языке слова “*собрание*”, что наиболее полно отражает соответствующее действие, часто употребляется заимствованное из английского “*митинг*” (*meeting*), косвенно указывая на стремление представить акцию как более демократичную. Употребление

термина “режим” по отношению к власти, особенно в контексте обсуждения оппозиции, несет в себе отчетливый негативный смысл и транслирует определенное политическое сообщение. Выражение “Смена парадигмы” обозначает изменение фундаментальных принципов. Его использование создает впечатление о глубоких преобразованиях и подчеркивает интеллектуальность говорящего.

Использование этих слов служит для формирования определенного политического взгляда, подчеркивая противопоставление оппозиции и действующей власти.

2. Эвфемизация – употребление эмоционально нейтральных слов или выражений, которые употребляются вместо синонимичных, воспринимаемых говорящим как резкие, грубые или интимные. В нашем контексте намеренная замена русских слов на иностранные, чтобы смягчить негативное восприятие.

Пример: “Реструктуризация” (restructuring) вместо “сокращение штатов”. Анализ показывает, что “реструктуризация” звучит более нейтрально, чем “сокращение”, и создает впечатление о позитивных изменениях.

3. Создание иллюзии экспертности – это создание видимости авторитетности и компетентности для привлечения внимания и повышения доверия к определенным идеям, ценностям или политическим курсам, независимо от их реальной обоснованности. С этой целью используются сложные иностранные термины для повышения авторитета говорящего и затруднения понимания для публики [4]. Примером подобного приема могут служить многочисленные интервью с “диссидентами” и “оппозиционерами”, которые критикуют действующую власть и высказывают прозападные взгляды. Несмотря на скромные показатели влияния и авторитета в российском обществе, рассматриваемые акторы наделяются статусом лидеров общественного мнения, экспертов в области российской политики или представителей гражданского общества, что вызывает вопросы об адекватности подобной репрезентации. Целью является дискредитация российской власти и создание образ “несвободной страны”. Примером может послужить то, как западные СМИ уделяли непропорционально большое внимание Алексею Навальному и другим оппозиционерам, представляя их как “главных противников” президента России В.В.Путина, в то время как их реальное влияние на политическую ситуацию в России было крайне незначительно.

4. Утрата исконной лексики, то есть замещение русских слов и выражений, обеднение словарного запаса. Иностранная пресса и интернет

целенаправленно использует термины, подчеркивающие якобы авторитарный характер российской власти. Часто можно встретить необоснованное применение терминов “режим”, “клетократия” и “политические заключенные” по отношению к российской действительности несмотря на то, что они не соответствуют реальной ситуации. Русское выражение «общественное мнение» часто заменяется на английское заимствование «паблисити» (*publicity*). Например вместо “Формирование общественного мнения” говорят: “Создание позитивного паблисити”. Такой **политический подтекст** подразумевает искусственное создание образа, манипулирование общественным мнением. **Еще одним примером может быть замена русского слова «патриотизм»** на английский вариант «национализм». Например, выражение “проявление патриотизма” говорят заменяется на “акция, пронизанная националистическими мотивами”. Не стоит упоминать, что в современном политическом дискурсе слово “национализм” часто имеет негативный оттенок, что может дискредитировать патриотические чувства.

Русские слова “равенство”, “справедливость” заменяется английским термином “инклюзивность” (*inclusiveness* - включенность), “толерантность” (*tolerance* - терпимость). Вместо “нужно бороться за равенство” пишут “необходимо развивать инклюзивность и толерантность”. Это делается с целью продвижение западных либеральных ценностей, которые могут противоречить традиционным российским ценностям.

Эти примеры иллюстрируют, как утрата исконной лексики и активное использование англицизмов могут быть использованы для достижения различных политических целей, как формирование негативного образа России, влияние на общественное мнение и политические предпочтения, продвижение определенных идеологических установок, подрыв доверия к власти.

5. Деформация языковой нормы - отклонение от традиционных правил употребления языка, нарушение его структуры и взаимосвязи элементов. Примером может быть использование гиперболы, стилистического приёма, который предполагает намеренное преувеличение каких-либо явлений, процессов или свойств [7]. Например, при описании боеспособности армии РФ используются термины “*Invincible*” (неодолимый), “powerful” (мощный), “aggressive” (агрессивный), “expansionist” (захватнический). Таким образом, нейтральное описание (“боеспособная армия”) заменяется на преувеличенные характеристики, создающие впечатление угрозы для поддержания страха перед “российской

агрессией”, оправдание увеличения военных расходов в западных странах, укрепление НАТО.

Заключение

Использование иностранных слов в современном русском языке, особенно в политическом дискурсе, является многогранным явлением, влияющим на политическую ситуацию, культурную идентичность и языковую норму. Лингвистический анализ, подкрепленный примерами из СМИ, новостных порталов и других изданий, позволяет выявить конкретные стратегии использования иностранных заимствований как инструмента «мягкой силы». Осознание этих процессов является необходимым условием для формирования критического отношения к языковой практике и разработки эффективных мер по защите культурной идентичности и развитию русского языка в условиях многополярного мира. Дальнейшие исследования должны быть направлены на детальный анализ влияния заимствований на различные сферы общественной жизни, разработку эффективных механизмов регулирования языковой практики и формирование осознанного отношения к использованию иностранных слов.

Список литературы:

1. Ные. 2011. P. 20-21.
2. Попова Т.И. Англицизмы в политическом дискурсе: проблемы семантики и прагматики. Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 38 (290). Филология. Искусствоведение. Вып. 73. С. 139-143.
3. Шелестюк Е.В. Политический дискурс: методы лингвистического анализа. – М.: URSS, 2010.
4. Плотникова С.Н. Язык как политический инструмент: Англицизмы в современном медиадискурсе. Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 81-87.
5. Клущина Н.И. Стилистика публицистического текста. – М.: Медиа Мир, 2008.

Bibliography

1. Nye. 2011. P. 20-21.
2. Popova T.I. Anglicisms in political discourse: problems of semantics and pragmatics. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2012. № 38 (290). Philology. Art Criticism. Issue. 73. P. 139-143.
3. Shelestyuk E.V. Political discourse: methods of linguistic analysis. – M.: URSS, 2010.
4. Plotnikova S.N. Language as a political instrument: Anglicisms in modern media discourse. Political linguistics. 2011. № 1 (35). P. 81-87.
5. Klushina N.I. Stylistics of a journalistic text. – M.: Media Mir, 2008.

Положенцева И.В.

*Кандидат экономических наук, доцент,
кафедра педагогики и психологии профессионального образования.
Московский государственный
университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского
(Первый казачий университет).*

Бакшеев А.И.

*Кандидат исторических наук, доцент, заведующий
кафедрой философии и социально-гуманитарных наук.
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет
имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России.*

Тагибова А.А.

*Кандидат социологических наук, Заместитель президента
Национального фонда культурных инноваций
«Петр Великий». Московский государственный
институт международных отношений (МГИМО).*

**Развитие индивидуальных
способностей одаренной молодежи
в условиях цифровой образовательной среды**

Введение

В новой гуманитаристике общество рассматривается как сложное образование нового типа – информационное и инновационное. Ведущими становятся инвестиции в человеческие возможности и формирование на этом основании интеллектуального капитала общества, в котором ведущую роль, по нашему убеждению, должна играть одаренная молодежь.

В современных условиях стремительного развития технологий для одаренной молодежи, имеющей повышенные потребности в индивидуальном подходе, гибком обучении и стимулирующих инновационных методах, цифровая образовательная среда открывает новые возможности, позволяет персонализировать учебный процесс, улучшать адаптивность образовательных программ и значительно расширять потенциал развития молодых талантов [1].

Закономерно возникает вопрос о том, каким должно быть образование одаренной молодежи. Для развития когнитивных способностей, для выявления и развития творческих и креативных навыков одаренной молодежи приоритетным, по нашему убеждению, должно стать внедрение в образовательную среду современных цифровых инструментов для персонализации обучения, расширения образовательных возможностей молодых людей с высокими способностями и создания условий для более эффективной дифференциации образовательного процесса.

Целью статьи является исследование возможностей и влияния цифровой образовательной среды на развитие, поддержку и обучение одаренной молодежи.

Изложение основного материала.

Одаренная молодежь – это группа людей, отличающихся от своих ровесников умственными или творческими способностями и их способностью решать сложные задачи или добиваться больших успехов в определенных областях. Эти лица обладают потенциалом для создания инноваций и привнесения изменений в окружающий мир. Знания и навыки одаренной молодежи необходимы для развития общества и решения проблем. Однако одаренность — это не только высокий интеллект или академические успехи. Она может проявляться в разных формах, например, в творческих способностях (музыка, искусство, литература), лидерских качествах, социальных или эмоциональных навыках. Поэтому подход к обучению и развитию таких молодых людей должен быть многогранным и индивидуализированным.

Понятие одаренности достаточно широко и включает в себя различные модели и теории, которые помогают лучше понять, как и в каких сферах человек может проявить свои исключительные способности. Наиболее распространенные модели рассматривают одаренность как многомерное явление, охватывающее не только интеллектуальные возможности, но и такие аспекты, как креативность, мотивация, саморегуляция и социальная компетентность. К примеру, Л. Купер в своей модели одаренности выделяет три основных компонента: высокий уровень интеллектуальных способностей, высокую креативность и высокую мотивацию к достижениям. По мнению Л. Купера, одаренность проявляется только тогда, когда все эти компоненты взаимодействуют друг с другом [2].

Кроме того, следует отметить, что одаренность может быть как общей, так и специальной. Общая одаренность включает высокий уровень ин-

теллектуальных способностей и потенциала, что проявляется во многих областях деятельности. Специальная одаренность в свою очередь касается определенных отраслей, таких как математика, искусство или спорт. Поэтому важна роль педагогов в выявлении этих особых способностей и создании условий для их развития.

К предпосылкам, способствующим проявлению феномена одаренности, относятся: ускорение темпов жизни, разработка, внедрение, распространение ИКТ, как следствие – стремительное увеличение информационных потоков и порожденные ими проблемы концентрации внимания, а также отбора, сокращения, хранения и утилизации информации, отделения главного от «информационного шума»; постоянный рост требований по актуальности и скорости поступления, использования, хранения и усвоения информации; разнообразие и увеличение многомерности, а также виртуальности и реальности доступа к информации; увеличение количества дел, проектов и т.п.; многозадачность; активизация общения в социальных сетях и т.д. [3].

Одаренная молодежь в современном информационном и инновационном обществе нуждается в постоянном совершенствовании образовательной среды и расширении ее возможностей, что побуждает к созданию и внедрению новых практик - цифровой образовательной среды, благодаря которой создаются условия для развития одаренной молодежи и получения качественного образования, способного обеспечить потребности современного общества. Одним из ведущих критериев внедрения ИКТ в образовательный процесс становится изменение социального, экономического, политического, юридического, психологического, морального и т.д. статуса самих учащихся/студентов.

Одаренные молодые люди почти без проблем реализуют собственные креативные способности, достигают признания, находят в виртуальной среде единомышленников. Все это позволяет уменьшить время, затраты, усилия и переориентацию с трудоемких на наукоемкие технологии и инновации. Заботу о себе одаренные молодые люди пытаются перекладывать на плечи других, поддерживая «общество услуг», а следовательно, они быстрее адаптируются, самосовершенствуются и самореализуются в информационном и инновационном обществе, чем лица, присущие традиционному типу сознания и мышления [4].

Вместе с тем одаренность может сопровождаться определенными вызовами. К примеру, одаренные молодые люди часто сталкиваются с проблемами в социальной адаптации, могут быть изолированы от свер-

стников из-за своих особых интересов или высокого уровня знаний. Они могут испытывать скуку в процессе обучения, когда учебный материал не отвечает их способностям, или переживать отсутствие должной поддержки в развитии своих способностей [5].

Следовательно, одаренность – это не только академические достижения, но и сложный процесс развития личности, требующий индивидуального подхода и комплексной поддержки. Успешное развитие одаренного молодого человека зависит от многих факторов: адекватного педагогического сопровождения, внешней поддержки, доступа к соответствующим ресурсам и понимания социума. Понимание одаренности как многомерного явления критически важно для разработки эффективных стратегий обучения и воспитания одаренных учащихся/студентов, направленных на стимуляцию их развития за пределами стандартной программы обучения.

Одаренным молодым людям необходим более индивидуализированный подход к обучению. Им должны быть предоставлены возможности для более глубокого изучения преподаваемых дисциплин, участия в творческих проектах и научных исследованиях. Необходимо, чтобы образовательная система учебного заведения признавала уникальность и предлагала им специальные программы обучения, хотя, по свидетельствам исследователей, не все учебные заведения имеют необходимые ресурсы или методические наработки для эффективной работы с одаренной молодежью [6].

В условиях развития ИКТ-технологий обучение одаренных учащихся/студентов приобрело новые возможности благодаря использованию цифровых платформ и приложений, а также внедрению в образовательный процесс искусственного интеллекта. Современные ИКТ-технологии позволяют создавать интерактивные и адаптивные к потребностям одаренных молодых людей программы обучения, предназначенные для углубленного изучения научных дисциплин, развития критического мышления, навыков самостоятельного обучения и творческих способностей. Современные технологии позволяют одаренной молодежи получать доступ к разнообразным образовательным ресурсам, отвечающим ее индивидуальным интересам и уровню подготовки.

Одним из ключевых преимуществ использования технологий в учебном процессе является возможность создания персонализированных учебных образовательных траекторий. Благодаря интерактивным платформам и приложениям можно настраивать программы в соответствии

со способностями и темпами обучения каждого учащегося/студента. Кроме того, искусственный интеллект (ИИ) позволяет автоматизировать часть процесса обучения, предоставляя учащимся мгновенную обратную связь, помогая анализировать их сильные и слабые стороны и предлагая индивидуальные задачи [7].

В процессе обучения одаренных молодых людей такие технологические инструменты дают возможность организовывать работу в непринужденной, но в то же время продуктивной форме, обеспечивая учащимся пространство для самовыражения и саморазвития. Интерактивные занятия с использованием мобильных приложений, учебных платформ и онлайн-курсов дают возможность одаренным молодым людям не только развивать свои академические способности, но и вовлекаться в междисциплинарные проекты, осваивать новые технологии, что чрезвычайно важно в контексте современных образовательных вызовов.

Значительным преимуществом таких инструментов является способность поддерживать учащихся в развитии творческого мышления и расширять границы традиционного учебного процесса. Например, такие платформы могут предложить индивидуальные курсы по определенным предметам или могут содержать открытые задачи, которые одаренная молодежь может решать самостоятельно, что будет способствовать их самореализации. Дополнительно ИИ может использоваться для создания специализированных инструментов искусственного обучения и менторства, которые предоставляют одаренному молодому поколению возможность работать с экспертами в своих областях интересов, а также предоставлять материалы и ресурсы для обучения.

Искусственный интеллект и созданные на его основе интерактивные платформы способны моделировать реальные обучающие ситуации, которые предоставляют возможность одаренным учащимся/студентам применить полученные теоретические знания на практике.

Средства ИИ могут стать источником мотивации к обучению для одаренной молодежи, обеспечить доступ к различным обучающим ресурсам, помогут быстро найти нужную информацию либо оказать помощь в предоставлении конкретной информации, необходимой в настоящий момент, а также рекомендовать учебные материалы и задачи, максимально подходящие для развития одаренности. Искусственный интеллект может быть использован для создания виртуальных сообществ, где одаренная молодежь может взаимодействовать с другими

одаренными студентами и экспертами, в которых будет реализована возможность обмена идеями и достижениями, сотрудничества в проектной деятельности.

Таким образом, ИИ может быть ценным инструментом для развития одаренной молодежи, помогая ей развивать свой потенциал в обучении, творчестве, межличностном общении и дальнейшей трудовой деятельности [8, 9].

При участии одаренных молодых людей в олимпиадном движении по отдельным дисциплинам и иных интеллектуальных соревнованиях ИИ может использоваться в нескольких аспектах: создание программ и алгоритмов, обучение и подготовка, анализ результатов, развитие новых методов и подходов. Также посредством ИИ можно создать программы и алгоритмы, которые помогут участникам олимпиад на этапе подготовки с анализом задач, поиском оптимальных решений и выявлением закономерностей в задачах. Искусственный интеллект может адаптироваться к потребностям участника и оказывать индивидуальную учебную поддержку. Он может распознавать сильные и слабые стороны учащихся/студентов, предлагать оптимальную программу подготовки и использовать интерактивные методы обучения [8].

Еще одним важным аспектом технологического обучения одаренной молодежи является развитие навыков самостоятельности и критического мышления [10, 11]. С помощью приложений, обеспечивающих доступ к большому количеству информации, учащиеся могут научиться фильтровать данные, анализировать их, делать выводы и предлагать свои решения, что приведет к развитию самостоятельности, особенно значимой для одаренных учащихся/студентов, которым в меньшей степени необходим внешний контроль.

Заключение

Одаренная молодежь в современном информационном и инновационном обществе нуждается в постоянном совершенствовании образовательной среды и расширении ее возможностей, что приводит к необходимости создания и внедрения цифровой образовательной среды, благодаря которой создаются условия для всестороннего развития одаренной молодежи.

Использование современных ИКТ-технологий и цифровых инструментов на основе ИИ открывает новые возможности в обучении одаренной молодежи, обеспечивая индивидуальный подход к обучению,

создавая интерактивную образовательную среду, в которой одаренные учащиеся/студенты могут обучаться по индивидуальной траектории обучения, более углубленно изучая преподаваемые дисциплины и занимаясь самостоятельными исследованиями. Внедрение ИКТ-технологий и ИИ в образовательный процесс позволяет сделать обучение более гибким и адаптивным, что особенно важно для одаренных молодых людей, нуждающихся в более сложных и нестандартных задачах. Персонализация обучения и доступность больших объемов информации, благодаря взаимодействию с цифровой образовательной средой, стимулируют у одаренных учащихся/студентов развитие критического мышления, креативности, навыков самостоятельности и самоорганизации, способствуют развитию умения анализировать получаемые данные и находить оптимальные решения.

Таким образом, современные ИКТ-технологии и цифровые инструменты на основе ИИ являются эффективными средствами развития одаренных учащихся/студентов, позволяющими повысить эффективность обучения, разнообразить методы преподавания и обеспечить более глубокое овладение учебным материалом. Их внедрение в учебный процесс является важным шагом на пути совершенствования системы образования, направленной на всестороннее развитие способностей одаренных молодых людей.

Список литературы:

1. Зайцева М.А. Особенности работы с творчески одаренной молодежью в контексте государственной политики // Социально-политические исследования. 2020. № 3 (8). С. 134-148.
2. Купер Л. Креатив на 100 %. Как развить творческое мышление. – М.: Мир, 2017. 172 с.
3. Кандыбович С.Л., Разина Т.В. Особенности социализации молодежи в условиях современной цифровой среды // Мировые цивилизации. 2019. № 3 – 4. // URL: <https://wcj.world/PDF/06PSMZ319.pdf> (Дата обращения: 15.06.2025)
4. Хазова С. А. Одаренные старшеклассники: факторы риска и ресурсы развития // Психологическая наука и образование. 2012. Т. 17. № 4. С. 26-33.
5. Лактионова Е.Б., Тузова А.С. Личностные особенности одаренных подростков // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2021. Выпуск 4. С. 319-326.
6. Гильманшина С.И., Халикова Ф.Д. Формы работы с одаренной молодежью в системе университетского образования // Казанский педагогический журнал. 2015. № 4. С. 295-298.
7. Колыхматов В.И. Новые возможности и обучающие ресурсы цифровой образовательной среды: учеб-метод. пособие. – СПб.: ГАОУ ДПО «ЛОИРО», 2020. 157 с.
8. Камальдинова З.Ф., Иващенко А.В. Цифровизация образовательной среды одаренной молодежи // Социальные явления. 2022. № 1. С. 57-62.
9. Akhmetshin E.M., Dunets A.N., Sycheva I.N., Svistula I.A., Panteleeva T.A., Potashova I.Y. Labour relations in research of socio-economic systems // European Research Studies Journal. 2018. Т. 21. № 4. P. 356-367.
10. Ахметшин Э.М. Проблемы формирования профессиональной компетенции студентов вузов // Современное педагогическое образование. 2019. № 9. С. 4-9.
11. Шахов Д.А., Александрова И.Б., Попов А.Н., Крюков В.В., Сотникова Е.В. Интернет-коммуникации и социальные сети как основное средство общения в современном обществе // Социология 2025. № 4. С. 237-241.

Bibliography

1. Zaitseva M.A. Features of working with creatively gifted youth in the context of public policy // Social and political studies. 2020. № 3 (8). P. 134-148.
2. Cooper L. Creativity at 100%. How to develop creative thinking. – M.: Mir, 2017. 172 p.
3. Kandybovich S.L., Razina T.V. Features of youth socialization in the context of the modern digital environment // World civilizations. 2019. № 3 - 4. // URL: <https://wcj.world/PDF/06PSMZ319.pdf> (06.15.2025)
4. Khazova S.A. Gifted high school students: risk factors and development resources // Psychological science and education. 2012. Vol. 17. № 4. P. 26-33.
5. Laktionova E.B., Tuzova A.S. Personal characteristics of gifted adolescents // Herzen Readings: psychological research in education. 2021. Issue 4. P. 319-326.
6. Gilmanshina S.I., Khalikova F.D. Forms of work with gifted youth in the university education system // Kazan Pedagogical Journal. 2015. № 4. P. 295-298.
7. Kolykhmatov V.I. New opportunities and training resources of the digital educational environment: teaching aid. – St. Petersburg: GAOU DPO "LOIRO", 2020. 157 p.
8. Kamal'dinova Z.F., Ivaschenko A.V. Digitalization of the educational environment of gifted youth // Social phenomena. 2022. № 1. P. 57-62.
9. Akhmetshin E.M., Dunets A.N., Sycheva I.N., Svistula I.A., Panteleeva T.A., Potashova I.Y. Labor relations in research of socio-economic systems // European Research Studies Journal. 2018. Vol. 21. № 4. P. 356-367.
10. Akhmetshin E.M. Problems of formation of professional competence of university students // Modern pedagogical education. 2019. № 9. P. 4-9.
11. Shakhov D.A., Aleksandrova I.B., Popov A.N., Kryukov V.V., Sotnikova E.V. Internet communications and social networks as the main means of communication in modern society // Sociology 2025. № 4. P. 237-241.

Р

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Российского университета транспорта

Петрухин К.Ю.

*Аспирант, кафедра «История»
Российского университета транспорта.
Государственное управление и отраслевые политики.*

Мнения экспертов (публикации журналов, опора на исторический опыт) в области реинтеграции новых регионов в состав России

В своей работе В.П. Милецкий (д.полит.н., профессор СПбГУ) проводит комплексный анализ политических, социально-экономических и идеологических последствий возвращения Крыма в состав России в 2014 году [1]. Автор рассматривает крымский кейс как точку отсчёта масштабных мегатрендов в политическом развитии страны, включая внешнеполитическую конфронтацию с Западом, консолидацию политической элиты, изменение парадигмы внутреннего развития и возрождение идеи евразийской интеграции. Он утверждает, что возвращение Крыма сопровождалось изменением баланса внутри российской власти и стало триггером для усиления авторитарных тенденций как ответа на внешнее давление, прежде всего в виде санкций. Милецкий аргументированно связывает процессы реинтеграции с кризисом украинской государственности, указывая на несостоятельность унитарной модели и важность самоопределения народов в условиях политического вакуума. Особый акцент сделан на том, что крымская реинтеграция произошла не в результате сепаратизма, а как реакция на нарушение конституционного порядка на Украине. Автор также анализирует конфронтационный и модернизационный сценарии развития, показывая, что выбор в пользу первого был обусловлен необходимостью укрепления легитимности и суверенитета в условиях внешнего давления. По его мнению, устойчивость государственной модели в новых условиях обеспечивается переходом к стратегии социально-политической консолидации, сопровождаемой переориентацией с Запада на Восток, а также активизацией проектов интеграции в рамках ЕАЭС.

Исторический опыт, проанализированный В.П. Милецким, можно рассматривать в качестве концептуальной основы для реинтеграции Донецкой, Луганской, Запорожской и Херсонской областей в россий-

ское правовое и социокультурное пространство. Во-первых, ключевым фактором, актуальным и для этих территорий, является разрушение легитимного политического процесса на Украине, приведшее к расколу общества и утрате доверия к центральной власти. Это, как и в случае Крыма, формирует правовую и моральную базу для применения принципа самоопределения. Во-вторых, модель политической консолидации, реализованная в посткрымский период, остаётся актуальной и требует адаптации к местной специфике новых субъектов. Важно обеспечить институциональную устойчивость путём выстраивания вертикали власти, интеграции в российскую политико-правовую систему и последовательной информационной политики, направленной на формирование позитивного имиджа центра.

Также важной стратегией, по аналогии с крымским кейсом, станет мобилизация лояльных элит и ограничение влияния олигархических групп, стремящихся к реформатированию локальной власти под старую (украинскую) систему. Милецкий подчеркивает важность внешнеполитического признания, но и отмечает, что в случае отсутствия такового легитимность может быть обеспечена внутренней поддержкой населения что и наблюдается в новых регионах. Опыт Крыма доказывает: ключ к долгосрочной интеграции лежит в инфраструктурной модернизации, социальной стабильности и культурной идентичности. В этих условиях и новые регионы должны стать частью мегапроекта евразийской реинтеграции с акцентом на суверенитет, самоопределение и экономическое сближение с восточными партнёрами. Так, переосмысление крымского опыта, предложенное В.П. Милецким, позволяет рассматривать присоединение ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей не как исключение, а как логическое продолжение процесса восстановления исторической целостности страны в условиях глобальной геополитической трансформации.

В статье А.Ю. Труфанова (кандидат исторических наук, Приволжский филиал ФНИСЦ РАН) «Реинтеграция Крыма в Россию. Взгляд из провинции» представлена оценка крымского вопроса сквозь призму регионального общественного восприятия и экспертных мнений вне столичного дискурса [2]. Автор подчёркивает, что провинциальная Россия воспринимает воссоединение Крыма с Российской Федерацией в большей степени как естественное и справедливое историческое восстановление, нежели как геополитическое столкновение. По данным наблюдений, уровень поддержки реинтеграции в регионах оказался даже выше, чем в

Москве, несмотря на существование критических точек зрения.

Ценным аспектом статьи является то, что оценка реинтеграции дана не только с политической, но и с социоэкономической и информационной перспектив. Отмечаются две основные проблемные зоны: во-первых, недостаточность туристической компенсации — внутренний туризм не в полной мере восполнил утрату иностранных потоков; во-вторых, информационные провалы в освещении инфраструктурных трудностей, таких как дефицит воды для сельского хозяйства. Наряду с этим подчеркивается, что крымский кейс стал символом восстановления статуса России как великой державы, а реакция населения объясняется усталостью от 1990-х годов и потребностью в политической и национальной мобилизации. Также фиксируются последствия в виде санкций и роста цен, однако в восприятии общества это оказалось приемлемой ценой за возвращение региона.

Материалы А.Ю. Труфанова позволяют сделать несколько практико-ориентированных выводов, напрямую применимых к текущим процессам интеграции Донецкой и Луганской Народных Республик, Запорожской и Херсонской областей. Во-первых, опыт Крыма показывает, что устойчивость реинтеграции во многом определяется не только политико-правовыми действиями центра, но и уровнем локальной поддержки и регионального восприятия. Поэтому важно формировать позитивную, узнаваемую символику воссоединения с Россией в массовом сознании населения новых территорий.

Во-вторых, информационная стратегия реинтеграции должна быть глубоко регионализована: недопустимо игнорировать локальные проблемы (вода, дороги, медицинская инфраструктура, связь), поскольку это может разрушить лояльность на местах. Даже мощная общегосударственная пропаганда не заменяет точечную работу с болевыми точками в коммуникации с населением, как это видно из кейса с замалчиванием водной проблемы Крыма.

В-третьих, необходимо учитывать ценностные ожидания общества. Как подчёркивает Труфанов, ключевая общественная эмоция после присоединения Крыма — это гордость за восстановление великодержавности. Этот фактор должен стать основой для проектирования культурной и образовательной политики в новых регионах: от школьных программ до символических решений (памятники, даты, гербы, награды), формирующих чувство сопричастности к «победе» и государственной миссии.

В-четвёртых, не следует недооценивать санкционные последствия и эко-

номические издержки. Их необходимо объяснять, обосновывать, но при этом компенсировать реальными мерами поддержки: субсидиями, инфраструктурными проектами, доступом к федеральным программам. Только так можно избежать деструктивной переоценки ожиданий, которая может подорвать социальную стабильность в новых субъектах Федерации.

В итоге крымский опыт, проанализированный А.Ю. Труфановым, демонстрирует важность сбалансированной модели реинтеграции, в которой сочетаются символическая легитимация (восстановление исторической справедливости), локальное развитие (решение конкретных проблем) и идеологическая мобилизация (включённость в большой государственный проект). Именно такой подход будет эффективен и устойчив в отношении Донбасса, Запорожья и Херсона.

В своей работе Ю.Г. Литвинова (к.э.н., доцент кафедры восточных языков Дипломатической академии МИД РФ) раскрывает экономико-правовые аспекты интеграции Гонконга в состав Китайской Народной Республики и его значение как глобального финансового центра [3]. Автор акцентирует внимание на уникальности модели «одна страна - две системы», благодаря которой Сянган после передачи под юрисдикцию КНР сохранил экономическую автономию, либеральное законодательство и судебную независимость, основанную на английском общем праве. Это позволило Гонконгу остаться ключевым связующим звеном между китайским и мировым капиталом. Через него в 2017 году поступало до 62% прямых иностранных инвестиций в материковый Китай, и этот показатель продолжает делать Гонконг крупнейшим каналом внешнеэкономической интеграции для КНР. В статье подробно рассматриваются правовые, налоговые и финансовые инструменты, делающие Сянган привлекательной юрисдикцией для ведения бизнеса: от упрощённой регистрации предприятий и низких налоговых ставок до защиты интеллектуальной собственности и развитой системы арбитража. Особое внимание уделено значению закона о национальной безопасности, принятого в 2020 году, и его влиянию на политическую и правовую устойчивость Гонконга как особой зоны. Несмотря на критику со стороны Запада, автор указывает, что сохранение порядка и предсказуемости способствует укреплению доверия со стороны инвесторов.

Опыт интеграции Гонконга в состав Китая по модели «одна страна - две системы», рассмотренный Ю.Г. Литвиновой, представляет особую ценность при выработке подходов к реинтеграции Донецкой и Луганской Народных Республик, а также Запорожской и Херсонской областей.

Основной урок, который можно извлечь из гонконгского кейса - это необходимость гибкой институциональной модели, в рамках которой сохраняются элементы автономии в ключевых сферах: налогообложении, делопроизводстве, судебной системе, хозяйственном праве. Такой подход не только снижает риски внутренней дестабилизации, но и способствует постепенному экономическому сближению через доверие и вовлечённость местного бизнеса и населения. Ключевым моментом является создание условий для прямых инвестиций и внешнеэкономической деятельности, аналогично тому, как Гонконг стал юридической платформой для инвестирования в материковый Китай. На постконфликтных территориях возможно формирование особых экономических режимов, ориентированных на быстрое восстановление и экономическую активизацию, в том числе с участием зарубежных русскоязычных инвесторов. Применение либеральных налоговых ставок, упрощённых правил регистрации, защита права собственности и контрактных обязательств все эти инструменты способствуют формированию доверия к новой юрисдикции и ускоряют её интеграцию в национальное правовое поле.

Отдельного внимания заслуживает идея двухконтурного регулирования, при котором центральная власть оставляет за собой вопросы обороны и международной политики, но позволяет территориям выстраивать собственные внутренние механизмы управления в экономической и социальной сферах. Это критически важно для регионов с уникальной историко-культурной идентичностью и сложной конфликтной историей. Опыт Гонконга показывает, что устойчивость в реинтегрируемых территориях может быть достигнута не только силовыми методами, но и через институциональное доверие, юридическую предсказуемость и экономическую свободу. Эти принципы вполне применимы к российским регионам, прошедшим через военные действия, и способны стать основой для формирования не просто лояльных, но экономически успешных субъектов Федерации.

В своей аналитической статье Я.В. Корэйба (выпускник Института международных отношений Варшавского университета, аспирант МГИМО(У) МИД России) исследует контекст, цели и противоречия интеграционных инициатив на постсоветском пространстве, оценивая их с позиций международных отношений и геополитики [4]. Автор подчёркивает, что после распада СССР страны региона оказались в эпицентре конкуренции между Западом и Россией за институциональное влияние. В этом контексте российская внешняя политика стремится сформировать аль-

тернативный интеграционный центр, противопоставляющийся евроатлантическому. Особое внимание уделено проекту Евразийского экономического союза, рассматриваемому как попытка выстроить устойчивую экономико-политическую платформу, основанную на принципах свободного перемещения капитала, товаров и рабочей силы.

Корэйба указывает на ключевые проблемы российских инициатив — от недоверия со стороны соседей до внутренней несогласованности между целями и механизмами реализации. Он также отмечает, что успех российской интеграционной стратегии возможен лишь при условии демократизации и модернизации экономики стран-участниц, а не за счёт одностороннего навязывания формата объединения. Значительная часть статьи посвящена конкуренции за «серую зону» постсоветских государств, находящихся между ЕС и Россией, что создаёт ситуацию вынужденного давления, а не равноправного участия. В заключение автор подчёркивает, что эффективная интеграция невозможна без позитивной повестки, реальной экономической отдачи и уважения к суверенитету партнёров.

Идеи, изложенные Я.В. Корэйбой, имеют большое значение для осмысления подходов к интеграции Донецкой и Луганской Народных Республик, а также Запорожской и Херсонской областей в правовое и институциональное пространство России. Во-первых, очевидна необходимость избегать доминирующей, административно-командной логики в интеграционном процессе: насильственное или одностороннее принуждение, как показывает опыт постсоветских объединений, приводит к снижению доверия и внутренней политической фрагментации. Напротив, реинтеграция должна быть выстроена на принципах взаимной выгоды, демонстрации практических преимуществ и устойчивого развития.

Во-вторых, ключевым фактором является институциональная устойчивость и совместимость. Новые регионы нуждаются не просто в юридическом включении, а в создании полноценной архитектуры взаимосвязей: от таможенного и налогового регулирования до миграционных норм и технических стандартов. Опыт ЕАЭС здесь может быть использован в адаптированной форме с поэтапной интеграцией, возможностью временных переходных режимов и включением механизмов совместного принятия решений. В-третьих, Корэйба подчёркивает, что экономическая интеграция должна сопровождаться модернизацией локальной инфраструктуры, социальной среды и бизнес-климата. Это особенно актуально для регионов, пострадавших от военных действий, где важно

восстановить доверие через качественные изменения условий жизни, а не только символические акты присоединения.

Наконец, крайне важно учитывать внешнеполитический контекст. Реинтеграция новых регионов будет сопровождаться международной критикой, как и в случае с Крымом, но успешное включение этих территорий в российское пространство возможно только при наличии собственной внятной интеграционной повестки. Она должна быть не столько анти-западной, сколько ориентированной на устойчивое развитие, правовую прозрачность и международную открытость. Именно такой подход, по мнению Корэйбы, является залогом легитимности и долговечности любых объединительных проектов. Материалы Я.В. Корэйбы позволяют рассматривать реинтеграцию новых территорий не как завершённый факт, а как долгосрочный институциональный процесс, требующий гибкости, учета региональных интересов, и при этом чёткой стратегии, интегрированной в общенациональную и евразийскую политико-экономическую архитектуру.

Реинтеграция Донецкой и Луганской Народных Республик, Запорожской и Херсонской областей в состав Российской Федерации требует не только политико-юридического закрепления статуса, но и глубокой работы на уровне общественного сознания, образования, символического пространства и институциональных практик. Как подчёркивает Е.С. Матюнков (2023), реинтеграция представляет собой не просто восстановление контроля, а возвращение территорий в культурно-политическую и идентичностную ткань страны [6]. Этот процесс носит долгосрочный и многослойный характер, предполагая не жесткое навязывание норм центра, а поиск равновесия между локальными особенностями и федеральной системой.

В свою очередь, В.Д. Нечаев (2024) обращает внимание на то, что реинтеграция немыслима без педагогического и просветительского обеспечения [5]. Он предлагает рассматривать включение новых субъектов как вызов и одновременно возможность для российской педагогической науки. Образование должно стать инструментом не ассимиляции, а органичного приращения общего культурно-ценностного пространства. В этом контексте особенно важна разработка локализованных, но интегративных образовательных программ, укрепление статуса русского языка как основы межнационального общения и включение историко-культурных особенностей регионов в федеральные стандарты.

Реинтеграция должна строиться на доверии, совместной работе с мест-

ными сообществами, уважении к историческому опыту и открытости к диалогу. Политическая лояльность в этих условиях не может быть насаждена директивно она формируется через качественные изменения жизни, восстановление инфраструктуры, справедливость в институциональных решениях и уважение к человеческому достоинству. Как показывает опыт включения Крыма, а также анализ постсоветских интеграционных проектов, формирование устойчивой лояльности возможно только тогда, когда новый субъект чувствует себя не объектом управления, а равноправной частью общего пространства.

В связи с этим основной рекомендацией становится необходимость признания реинтеграции как отдельного направления государственной политики. Это направление должно включать в себя не только юридическую адаптацию и модернизацию нормативной базы, но и гуманитарные меры: культурную интеграцию, развитие образования, стимулирование локальной идентичности в составе единой страны. Важно вести работу с молодёжью, педагогами, органами местного самоуправления, выстраивать содержательный диалог между центром и регионами. Только в таком случае можно говорить не о формальном присоединении, а о реальном возвращении осмысленном, устойчивом и принятом как обществом, так и самими регионами.

Список литературы:

1. Милецкий В.П. Реинтеграция Крыма в социально-экономическое пространство России в контексте современных политических мегатрендов // Россия: тенденции и перспективы развития. 2015. № 10-1. С. 362-366.
2. Труфанов А.Ю. Реинтеграция Крыма в Россию. Взгляд из провинции // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. № 2S. С. 258-259.
3. Литвинова Ю.Г. Гонконг как финансовые ворота Китая // Общество и государство в Китае. 2021. № 1. С. 237-245.
4. Корэйба Я.В. Интеграционные проекты на постсоветском пространстве // Обозреватель – Observer. 2012. № 6. С. 62-68.
5. Нецаев В.Д. Реинтеграция новых субъектов Российской Федерации в предметном поле российской педагогической науки и практики образования // Ценности и смыслы. 2024. № 4 (92). С. 6-23.
6. Матюнков Е.С. К вопросу о реинтеграции как новом политологическом термине // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2023. № 5. С. 41-51.

Bibliography

1. Miletsky V.P. Reintegration of Crimea into the socio-economic space of Russia in the context of modern political megatrends // Russia: trends and development prospects. 2015. № 10-1. P. 362-366.
2. Trufanov A.Yu. Reintegration of Crimea into Russia. A view from the provinces // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology. 2018. № 2S. P. 258-259.
3. Litvinova Yu.G. Hong Kong as China's financial gateway // Society and state in China. 2021. № 1. P. 237-245.
4. Koreyba Ya.V. Integration projects in the post-Soviet space // Observer. 2012. № 6. P. 62-68.
5. Nechaev V.D. Reintegration of new subjects of the Russian Federation in the subject field of Russian pedagogical science and educational practice // Values and meanings. 2024. № 4 (92). P. 6-23.
6. Matyunkov E.S. On the issue of reintegration as a new political science term // Bulletin of Moscow University. Series 12. Political sciences. 2023. № 5. P. 41-51.

ЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Институт Африки Российской Академии наук

Филиппов В.Р.

Институт Африки Российской Академии наук.

Кот-д'Ивуар: французская военная база ликвидирована

Прошло совсем немного времени со времени интересующего нас события, поэтому оно не нашло пока отражения в специально посвященных ему научных статьях и, тем более, монографических исследованиях. Что же касается общих работ, посвященных африканской политике Пятой республики и политической практике «Франсафрик», то я посвятил историографической рефлексии по этому поводу отдельную главу в своей монографии [2] и статью в журнале «Ученые записки Института Африки РАН» [4, с. 73-87]. Это позволяет мне в этой статье ограничиться отсылкой читателя к названным работам.

Франция покидает свою военную базу в Кот-д'Ивуаре

В своем новогоднем обращении к нации 1 января 2025 г. президент Кот-д'Ивуара Алассан Уаттара объявил о предстоящем выводе французской военной базы с территории его страны. Обосновывая свое решение Уаттара, сказал, что уход французских солдат стал результатом растущего военного потенциала Кот-д'Ивуара. «Мы можем гордиться нашей армией, модернизация которой сейчас завершена. В этом контексте мы приняли решение о скоординированном и организованном выводе французских войск»¹ — объявил он. Глава ивуарийского государства пообещал согражданам, что занимаемая 43-м батальоном французской морской пехоты военная база в Порт-Буэ, в пригороде экономической столицы страны г. Абиджане, будет «возвращена вооруженным силам Кот-д'Ивуара в январе 2025 г.»².

Разумеется, эта декларация была результатом длительных переговоров сторон, ее реализация в политической практике потребовала серьезных согласований с Елисейским дворцом. В результате сближения позиций

1 *Jonah A.* 'Time to move on': France faces gradual decline of influence in Africa. // URL: <https://www.france24.com/en/africa/20250102-france-faces-gradual-decline-of-influence-in-africa> (Дата обращения: 15.02.2025)

2 Президент Кот-д'Ивуара объявил о выводе французских войск из страны в январе 2025 года. // URL: <https://russian.news.cn/20250102/f144a899474b4437b49180e48ee2d057/c.html>. (Дата обращения: 03.02.2025).

сторон 20 февраля 2025 г. Пятая республика в торжественной обстановке передала свою военную базу в Кот-д'Ивуаре вооруженным силам этой африканской страны. Министры обороны Франции Себастьян Лекорню и его ивуарийский коллега Тене Бирахима Уаттара подписали документ, подтверждающий передачу базы Порт-Буэ под юрисдикцию Кот-д'Ивуара³. В начале церемонии состоялась смена караула у флагштока в ознаменование передачи обязанностей по обеспечению безопасности базы ивуарийской армии. (За несколько дней до этого в лагерь прибыли 100 ивуарийских десантников и прошли совместные учения военнослужащих двух армий⁴). На плацу военного городка был поднят ивуарийский флаг⁵. Министр обороны Кот-д'Ивуара объявил, что база Порт-Буэ будет названа в честь первого начальника штаба ивуарийской армии, покойного генерала Томаса д'Акена Уаттары⁶.

Церемония передачи базы под юрисдикцию Кот-д'Ивуара проходила в праздничной атмосфере дружелюбия и взаимных реверансов. Как ивуарийская, так и французская стороны декларировали, что отношения между государствами остаются теплыми и военное сотрудничество между ними непременно продолжится. «Этот акт знаменует собой новую эру в дружбе и стратегическом сотрудничестве между нашими странами», — заявил министр обороны Кот-д'Ивуара⁷. Он заверил своего французского коллегу в том, что «сотрудничество между нашими странами в будущем будет таким же хорошим, как и всегда»⁸. С. Лекорню, в свою очередь заявил, что «мир меняется... и, очевидно, наши военные отношения должны измениться». Француз назвал передачу базы «историческим моментом» для двух стран, которые строят отношения, основанные на дружбе и высоком уровне доверия. «Присутствие Франции меняется, но не исчезает», — сказал он. И тут же сообщил, что около 80 французских военнослужащих продолжают оставаться в стране, чтобы консультировать и обучать ивуарийских военных⁹. Разумеется, подобные уверения были

3 Ozkan M. France withdraws from its sole military base in Ivory Coast. // URL: <https://www.aa.com.tr/en/africa/france-withdraws-from-its-sole-military-base-in-ivory-coast/3487879> (Дата обращения: 05.02.2025)

4 France returns its sole Ivory Coast military base to local authorities. // URL: <https://www.france24.com/en/live-news/20250220-%F0%9F%94%B4-france-returns-sole-military-base-to-ivory-coast> (Дата обращения: 22.02.2025)

5 Ibid.

6 France hands over its Port-Bouet military base to ivory coast. // URL: <https://www.africanews.com/2025/02/20/france-hands-over-its-port-bouet-military-base-to-ivory-coast/> (Дата обращения: 25.02.2025)

7 Ozkan M. France withdraws from its sole military base in Ivory Coast. // URL: <https://www.aa.com.tr/en/africa/france-withdraws-from-its-sole-military-base-in-ivory-coast/3487879> (Дата обращения: 25.02.2025)

8 France returns its sole Ivory Coast military base to local authorities. // URL: <https://www.france24.com/en/live-news/20250220-%F0%9F%94%B4-france-returns-sole-military-base-to-ivory-coast> (Дата обращения: 28.02.2025)

9 Ibid.

призваны хоть как-то закамуфлировать очередной провал французской дипломатии на Черном континенте.

Французская военная база в Порт-Буэ

База Порт-Буэ (ее площадь достигает 230 гектаров) до последнего времени была важнейшей оперативной базой французских вооруженных сил на западе Африки. (Наряду с базой в Джибути на востоке континента, она была одной из двух *передовых оперативных* баз Пятой республики.

Эта военная база, примыкающая к крупнейшему городу Кот-д'Ивуара Абиджану, рассматривалась французскими стратегами как «центр по обеспечению безопасности и интересов Франции в Гвинейском заливе»¹⁰. Оттуда, в числе прочего, координировались мероприятия по борьбе с пиратами и перехвату контрабанды¹¹. Группировка была создана 1 января 2015 г. в результате достигнутого в 2012 г. соглашения о партнерстве в области обороны. После завершения операции «Ликорн» (LICORNE) 26 января 2015 г., французские силы в Кот-д'Ивуаре получили статус «сил присутствия», призванных обеспечивать «оперативную ретрансляцию в районе, представляющем для Франции стратегический интерес» (в «Белой книге по обороне и национальной безопасности» 2013 г. этот регион определяется как один из стратегических приоритетов Франции). В 2020 г. численность этой группировки составляла 900 человек, к моменту вывода французского контингента по разным данным она насчитывала от 600 до 800 военнослужащих¹².

Используемая ивуарийской группировкой французских войск инфраструктура, размещена (помимо базы в Порт-Буэ) на аэродроме Ла Буржерри (международный аэропорт им. Феликса Уфуэ-Буаньи в Абиджане), на базе Льетена-колонель Саборе и на полигоне Ломо-Нор (близ одноименного поселения в 150 км от Абиджана)¹³.

На этих территориях был размещен ряд подразделений группировки. Сухопутный компонент был представлен 43-м отдельным пехотным батальоном численностью около 450 человек, расквартированным в Порт-

10 Forces françaises en Côte d'Ivoire // Ministère des Armees [official web-site]. Sans date. // URL: <https://www.defense.gouv.fr/operations/forces-prepositionnees/forces-presence/forces-francaises-cotedivoire> (Дата обращения: 20.07.2022).

11 Рыбарь (Звинчук М.С.). О французском военном присутствии в Африке. // URL: <https://dzen.ru/a/ZA-D28ztj3qLZn93> (дата обращения 11.10.2023).

12 Gabon central to France's Africa military presence. // URL: https://country.eiu.com/article.aspx?articleid=1791827163&Country=Gabon&topic=Politics&subtopic=Fo_6 (Дата обращения: 15.02.2022)

13 Forces françaises en Côte d'Ivoire. Ministère des Armees [official web-site]. Sans date. // URL: <https://www.defense.gouv.fr/operations/forces-prepositionnees/forces-presence/forces-francaises-cotedivoire> (Дата обращения: 20.07.2022).

Буэ. Он состоял из роты управления и связи, мотопехотной роты (на бронетранспортерах VAB), танковой (на боевых машинах AMX-10RCR), инженерной роты, батареи поддержки (на вооружении состоят 81-мм минометы LLR) и отдельного кинологического отряда. При батальоне действовал также полевой хирургический госпиталь. Кроме того, в Порт-Буэ был развернут отдельный отряд спецназа (около 40 бойцов), предназначенный для защиты объектов береговой инфраструктуры и действий на побережье [1, с. 9-16]. Военно-воздушный компонент был представлен 168-м авиационным отрядом (штатная авиационная техника отсутствовала). Он был расквартирован на аэродроме Ла Буржери и обеспечивал прием и техническое обслуживание прибывающих в интересах плановой ротации личного состава и тылового обеспечения французских подразделений военно-транспортных самолетов [1, с. 9-16].

Военная база в Кот-д'Ивуар рассматривалась французским командованием как *самый надежный форпост Франции на африканском континенте*. Для того, чтобы оценить масштабы военно-политических трансформаций в этой стране, совершим небольшой исторический экскурс.

Эпизод из новейшей истории Кот-д'Ивуар

В 2000 г. на президентских выборах в Кот-д'Ивуаре в результате бурных политических катаклизмов победил лидер Ивуарийского народного фронта (*Front populaire ivoirien, FRI*) Лоран Гбагбо, представлявший в основном автохтонное христианское население юга этой страны. Его оппонент Робер Гуэ пользовался поддержкой аллохтонов, исповедующих ислам и населяющих северные районы. Последний не признал результаты выборов и спровоцировал вооруженный конфликт между северянами и населением южных районов. Однако мятеж провалился, а массовые выступления южан приняли столь масштабный характер, что генерал Гуэ счел за благо бежать в Бенин. (В 2002 г. он спровоцировал антиправительственный бунт в Абиджане, но он также был подавлен, а сам генерал убит.) С этого времени северную оппозицию возглавил лидер политического объединения Объединение республиканцев (*Rassemblement des républicains, RDR*) Алассан Уаттара. В затяжном военно-политическом противостоянии между Севером и Югом именно Гбагбо и Уаттара персонафицировали стороны конфликта.

2 декабря 2002 г. вспыхнули ожесточенные бои между правитель-

ственными войсками и повстанцами¹⁴. Мятежники пользовались поддержкой правительств Буркина Фасо и Либерии. В контексте нашей темы важно подчеркнуть, что тогда *на стороне Гбагбо выступила Франция, оказавшая ему военную помощь под предлогом защиты европейского населения*. Кроме того, в страну были направлены регулярные войска из Нигерии и Анголы¹⁵

В марте 2004 г. этот тлеющий конфликт вступил в новую стадию, характеризовавшуюся использованием тяжелых вооружений и авиации. С июня по октябрь 2004 г. верные Гбагбо правительственные ВВС нанесли ряд ударов по позициям повстанцев к северу от линии прекращения огня¹⁶. Своего апогея конфликт достиг 6 ноября 2004 г., когда два правительственных штурмовика Су25 атаковали военную базу миротворцев, в результате чего погибли 9 французских военнослужащих. (Гбагбо при этом заявил: «Трупов я не видел и не знаю, действительно ли кто-то погиб?», а нападение он объяснил необходимостью «борьбы с неокolonизмом» [7]).

Что произошло в отношениях Л. Гбагбо с Францией, почему он вдруг отказался от прежней поддержки Елисейского дворца, не вполне понятно. Но итог этого демарша в тех условиях был предсказуем. Штурмовики правительственных ВВС, принимавшие участие в атаке на миротворцев, были уничтожены французской авиацией, что послужило поводом для массовых беспорядков в Абиджане. Отряды боевиков под предводительством соратников Гбагбо разгромили офисы оппозиционных партий и газет, а также предприняли попытку атаковать базу французского батальона морской пехоты в Порт-Буэ. В ответ французы не только отразили нападение, но и взяли штурмом столичный аэропорт и уничтожили все находившиеся там самолеты. (В правительственных сводках, в связи с этим говорилось, что «негодяи колонизаторы» убили 64 и ранили 1,5 тыс. мирных граждан.) В ночь на 7 ноября французская авиация нанесла удары по мостам через лагуны, разделяющие городские кварталы, а утром французы миротворцы приступили к эвакуации европейцев, подвергшихся насилию.

Следующий кризис в отношениях Франции и Кот-д'Ивуара случился в период президентских выборов в африканской стране в октябре и ноябре

14 В Котд'Ивуаре вновь идут ожесточенные бои. // URL: <http://korrespondent.net/world/60680> (Дата обращения: 15.02.2025)

15 *Coulibaly T. Décomposition en Côte-d'Ivoire.* // URL: <http://www.monde-diplomatique.fr> (Дата обращения: 15.03.2025)

16 Conflictologist. // URL: <http://conflictologist.narod.ru/bsk02.html> (Дата обращения: 19.03.2025)

2010 г. Они стали первыми в стране с 2000 года; их проведение было первоначально запланировано на 2005 г. но несколько раз откладывалось по причине гражданской войны и трудностей в организации электоральной кампании. Наблюдатели от Евросоюза признали выборы соответствующими демократическим нормам. Во второй тур прошли Гбагбо и Уаттара. 2 декабря 2010 года Независимая избирательная комиссия объявила предварительные результаты, согласно которым победителем стал Уаттара, Конституционный совет, напротив, объявил победителем Гбагбо. Франция по понятным причинам поддержала Уаттару и призвала Гбагбо освободить президентское кресло.

Однако Л. Гбагбо продолжал контролировать силовые структуры, последние были выведены на улицы в ответ на призыв сторонников Уаттары захватить здания правительственных учреждений. 16 декабря его сторонники попытались захватить государственное телевидение. Правительственные войска открыли огонь, в результате погибло не менее 20 человек¹⁷.

В ответ на действия правительства Уаттары привал международное сообщество применить силу для «свержения диктатора»¹⁸. В марте политическое противостояние приобрело характер гражданской войны. Л. Гбагбо начал активно применять тяжелое оружие против сторонников А. Уаттары и французских миротворцев, последние, не имея на то мандата ООН, открыто вступили в войну на стороне повстанцев. Пользуясь авиационной поддержкой французов, оппозиционеры в первых числах апреля установили контроль практически над всей территорией страны и осадили опального президента в бункере его резиденции в Абиджане. 11 апреля французские танки при поддержке авиации сломали сопротивление немногих оставшихся сторонников Л. Гбагбо. Он был арестован французским спецназом и передан в руки оппозиции. Победой А. Уаттары завершился еще один этап острого политического конфликта в Кот д'Ивуаре [3].

Вплоть до настоящего времени этот клевет Елисейского дворца, приведенный к власти в стране французским спецназом, был самым верным и надежным союзником Пятой республики в Африке. Что же произошло в 2015 г. и почему этот лукавый африканский политик решил расстаться с французскими военными, которые (помимо прочего)

¹⁷ Котд'Ивуар оказался под угрозой возобновления гражданской войны. // URL: <http://www.rosbalt.ru/2010/12/22> (Дата обращения: 11.03.2022)

¹⁸ Число жертв в Котд'Ивуаре достигло 173. // URL: <http://www.lifenews.ru/news/47637> (Дата обращения: 15.04.2025)

были призваны защищать его от оппозиционных режиму граждан собственной страны?

Кот-д'Ивуар в общем тренде внешней политики африканских стран

Вплоть до последнего времени Кот-д'Ивуар «оставался аномалией в отношениях Франции с Африкой, поддерживая связи со своим бывшим колониальным хозяином с момента обретения независимости в 1960 году, несмотря на десятилетие кризиса в 2000-х годах»¹⁹. В других странах Сахеля, Тропической и Центральной Африки Пятая республика вынуждена пересматривать военно-политические отношения со своими бывшими колониями. Французы были изгнаны из Центральноафриканской республики, Мали, Буркина Фасо и Нигера, где к власти пришли прогрессивные военные правительства. А в ноябре Сенегал и Чад практически одновременно объявили о прекращении военного присутствия Франции в своих странах.

Наиболее радикальные позиции в противостоянии с Парижем заняли Буркина-Фасо, Мали и Нигер, которые 16 сентября 2023 г. создали «Альянс государств Сахеля» - региональную организацию коллективной обороны. Согласно учредительному документу, нарушение суверенитета или территориальной целостности одного или нескольких участников хартии будет расценено как агрессия против всех сторон и потребует их помощи в индивидуальном или коллективном плане вплоть до применения военной силы. (Русофобские масс-медиа настаивали на том, что «в Мали, Буркина-Фасо и Центральноафриканской Республике разрыв связей с Францией был идеологически обусловлен» и стал прелюдией военного сотрудничества с Россией²⁰.) В январе 2024 г. Буркина Фасо, Мали и Нигер объявили о совместном решении выйти из состава ЭКОВАС, которое, по их мнению, находится под влиянием иностранных держав, превратившись в угрозу для государств-членов и их народов»²¹. После коренного изменения внешнеполитического курса Сенегала и Чада Франция окончательно вышла из моды на Черном континенте. Иметь французские военные базы на своей территории стало дурным тоном. Более того, в освободившихся от военно-политического и экономиче-

19 France returns its sole Ivory Coast military base to local authorities. URL: <https://www.france24.com/en/live-news/20250220-%F0%9F%94%B4-france-returns-sole-military-base-to-ivory-coast> (Дата обращения: 20.03.2025)

20 Jonah A. 'Time to move on': France faces gradual decline of influence in Africa. // URL: <https://www.france24.com/en/africa/20250102-france-faces-gradual-decline-of-influence-in-africa> (Дата обращения: 15.03.2025)

21 Нигер, Мали и Буркина-Фасо вышли из ЭКОВАС. // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7461330> (Дата обращения: 30.01.2025).

ского прессинга странах региона, назревал протест против коллаборационистской политики Кот д'Ивуара, которая все больше диссонировала с новыми внешнеполитическими устремлениями соседей.

В июле 2024 г. депутат Национального переходного совета Мали Алиу Тункара заявил, что французские военные базы в Кот-д'Ивуаре представляют собой большую угрозу для стран региона: «Французские военные базы в Бенине и Кот-д'Ивуаре, где правят ориентированные на Париж режимы, однозначно представляют собой большую угрозу для стран африканского Сахеля, особенно для Буркина-Фасо, Мали и Нигера». Он напомнил, что в начале июля президент Буркина Фасо Ибрагим Траоре публично обвинил Бенин и Кот-д'Ивуар в стремлении дестабилизировать обстановку в республике²². (Замечу, что Франция отрицает существование военной базы в Бенине. «В Бенине нет постоянной французской военной базы. В Бенине нет постоянной французской военной миссии», – заявил начальник Главного штаба ВС Франции Тьерри Буркхард. Фруктео Гбагиди, глава ВС Бенина, также утверждает, что Франция не подавала заявку на создание базы²³.)

Вероятно, на фоне событий последних лет Уаттара побоялся окончательно испортить отношения с соседними государствами и оказаться в политической и экономической изоляции. Он предпочел действовать в общем тренде с теми государствами Сахеля, которые отказались от военного сотрудничества с Пятой республикой. Даже французские комментаторы вынуждены были констатировать: «Франция присутствовала в стране [Кот-д'Ивуар] десятилетиями, и ее уход соответствует растущей тенденции среди африканских стран сокращать свои военные связи с Францией»²⁴.

Разумеется, французские комментаторы не пишут о том, что африканцы восстали наконец против откровенно неокOLONиальной политики бывшей метрополии. Они предпочитают трактовать вывод французских войск из стран Сахеля как акцию, осуществляемую «в рамках перехода к укреплению собственных вооруженных сил», хотя и предлагают рассматривать этот шаг в контексте «более широких тенденций в Западной Африке, где многие страны... также пересматривают свои партнерские

22 Эксперт считает базы Франции в Бенине и Кот-д'Ивуаре угрозой для стран Сахеля. // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21384831> (Дата обращения: 13.09.2024).

23 Франция отвергает обвинения в создании военной базы в Бенине. // URL: <https://afrinz.ru/2023/12/francziya-otvergaet-obviniya-v-sozdanii-voennoj-bazy-v-benine/> (Дата обращения: 13.04.2024).

24 France returns its sole Ivory Coast military base to local authorities. // URL: <https://www.france24.com/en/live-news/20250220-%F0%9F%94%B4-france-returns-sole-military-base-to-ivory-coast> (Дата обращения: 20.03.2025)

отношения [с Францией] в области обороны и утверждают большой суверенитет»²⁵.

Почему Уаттара договорился с Францией?

Что же заставило Алассана Уаттару пойти на вывод французских солдат из своей страны? Ведь он пришел к власти, благодаря французскому спецназу, и расценивал военное присутствие Пятой республики, как гарантию своего политического долголетия. И почему французы вынуждены были согласиться с его решением?

Коллаборационистская политическая элита и компрадорская буржуазия (что, в данном случае, фактически одно и то же) Кот-д'Ивуара вполне адекватно оценивает как внешнеполитическую обстановку в регионе, так и умонастроения своих сограждан, все больше стремящихся к реальному суверенитету и в большинстве своем поддерживающих правительственные круги тех стран, которые за последние годы избавились от назойливой опеки Пятой республики. «Власти Кот-д'Ивуара прекрасно знают, что в стране существует поддержка суверенитета, поэтому вывод французских войск — это то, что должно произойти до того, как это станет общепринятым требованием», — заявил агентству АФР ивуарийский политический аналитик Жоффруа Куао²⁶.

Осознание этого факта вынуждает А. Уаттару искать компромиссные решения проблемы, которые позволят с одной стороны, сохранить дружеские отношения с Елисейским дворцом, а с другой, - подыграть настроениям ивуарийцев, проникнутых духом панафриканизма и стремящихся следовать внешнеполитическому курсу других стран Сахеля и Центральной Африки. Проправительственный французский телеканал *France24* констатировал, что ивуарийский президент «Уаттара, считающийся одним из ближайших союзников Франции в регионе, балансирует между поддержанием связей с Парижем и ответом на растущие внутренние призывы к независимости Кот-д'Ивуара»²⁷.

Военно-политический демарш президента Кот-д'Ивуара ни что иное, как попытка лукавого политика усидеть на двух стульях. Эта не слишком удобная поза во многом обусловлена неопределенностью

25 *Jonah A.* 'Time to move on': France faces gradual decline of influence in Africa. // URL: <https://www.france24.com/en/africa/20250102-france-faces-gradual-decline-of-influence-in-africa> (Дата обращения: 11.03.2025)

26 France returns its sole Ivory Coast military base to local authorities. // URL: <https://www.france24.com/en/live-news/20250220-%F0%9F%94%B4-france-returns-sole-military-base-to-ivory-coast> (Дата обращения: 20.03.2025)

27 *Jonah A.* 'Time to move on': France faces gradual decline of influence in Africa. // URL: <https://www.france24.com/en/africa/20250102-france-faces-gradual-decline-of-influence-in-africa> (Дата обращения: 11.03.2025)

геополитической ситуации в огромном сахаро-сахельском регионе. Несмотря на то, что практически все региональные субъекты международного права указали французам на дверь, степень радикализма этих требований в разных случаях различна. Пол Мелли, научный сотрудник африканской программы британского Королевского института международных отношений (*The Royal Institute of International Affairs*) вполне разумно констатировал: «Есть большая разница между ситуацией в странах Сахеля, где происходили военные перевороты. В Мали, Буркина-Фасо и Нигере эти страны повернулись в сторону России и хотели разорвать военное сотрудничество с Францией чуть ли не по идеологическим причинам», — сказал он. А в таких странах, как Кот-д'Ивуар, Сенегал, в какой-то степени Чад, а также в Габоне, где базируются французские войска, ситуация совершенно иная. Якобы «правительства по-прежнему в целом дружелюбно относятся к Франции, но они также признают, что существует большое давление со стороны общественного мнения, которое считает, что времена ушли в прошлое, и больше не имеет смысла иметь значительное количество войск из бывшей колониальной державы, базирующихся в этих странах»²⁸. Не стоит упрощать ситуацию и думать, что вывод французских войск всегда и везде связан с разрывом в отношениях той или иной страны с Пятой республикой. Однако тенденция очевидна.

Заключение: конец «Франсафрик»?

За последние годы французским военным пришлось покинуть территорию подавляющего большинства африканских государств, где она располагала постоянными военными базами еще со времени краха Французской империи. Пятая республика в настоящее время сохраняет свое военное присутствие лишь в Джибути, где дислоцированы 1500 штыков, и в Габоне, где базируются 350 человек²⁹. Пакуют чемоданы на начало 2025 г. французские военные в Чаде, Кот-д'Ивуаре, Габоне и, как было сказано, в Сенегале³⁰. «Эффект домино теперь кажется необратимым»³¹.

В январе 2025 г. обиженный Э.Макрон на встрече с африкански-

28 France returns its sole Ivory Coast military base to local authorities. . // URL: <https://www.france24.com/en/live-news/20250220-%F0%9F%94%B4-france-returns-sole-military-base-to-ivory-coast> (Дата обращения: 20.03.2025)

29 Премьер Сенегала: Франция не имеет легитимности и полномочий для обеспечения безопасности и суверенитета в Африке. // URL: <https://www.aa.com.tr/ru/3444046> (Дата обращения: 13.04.2024).

30 Африка: после переворота Сенегал и Кот-д'Ивуар также предлагают французским войскам уйти. // URL: <https://www.agenzianova.com/ru/news/africa-dopo-le-giunte-golpiste-anche-senegal-e-costa-davorio-invitano-le-forze-francesi-ad-andarsene/> (Дата обращения: 05.01.2025).

31 Там же.

ми послами заявил, что африканские лидеры «забыли сказать спасибо» Франции за ее вмешательство в борьбу с терроризмом в Сахеле³². На это сенегальский премьер иронично ответил: «Если бы не африканские солдаты, которые были насильно мобилизованы, подвергались жестокому обращению и, в конечном итоге, сражались за Франции во время второй мировой войны, то она, возможно, сегодня была бы частью Германии». И добавил: «У Франции нет ни возможностей, ни легитимности, чтобы обеспечить безопасность и суверенитет Африки. Напротив, это часто способствовало дестабилизации некоторых африканских стран, таких как Ливия, что имело катастрофические последствия для стабильности и безопасности Сахеля»³³.

Во Франции политики и эксперты все чаще критикуют африканскую политику Макрона, все чаще говорят о том, что его обновленная стратегия на африканском направлении оказалась провальной. Французские журналисты пишут о том, что «в Елисейском дворце всё громче звучат голоса тех, кто выступает за более реалистичную и прагматичную позицию по отношению к африканским государствам»³⁴. После того, как Чад и Сенегал попросили французские войска вернуться домой, евродепутат Т. Мариани констатировал: «Разрыв связей с Чадом и Сенегалом, которые заявили о необходимости вывода французских войск со своей территории, является катастрофой для внешней политики Франции»³⁵. Эпоха «Франсафрик» подошла к бесславному концу, Франция проиграла битву за Африку. «Отрицать конец «французской Африки» означало бы быть слепым и врать»³⁶, заявил 13 февраля 2024 г. спецпосланник президента Пятой республики Жан-Мари Бокель в интервью изданию *Monde* в ответ на вопрос, окончательно ли понятие «французской Африки» осталось в прошлом.

Годы президентского правления Э. Макрона стали временем быстрой деградации африканской политики, военной стратегии и дипломатиче-

32 Devant les ambassadeurs, lundi 6 janvier, Emmanuel Macron a également déclaré que les dirigeants africains avaient «oublié de dire merci» à la France pour son intervention dans la lutte contre le terrorisme au Sahel. // URL: <https://www.france24.com/fr/afrique/20250107-emmanuel-macron-ambassadeurs-merci-afrique-discours-passe-mal>. (Дата обращения: 01.07.2025).

33 Armée française: le Premier ministre sénégalais dénonce les propos «erronés» d'Emmanuel Macron. // URL: <https://www.ouest-france.fr/monde/senegal/armee-francaise-le-premier-ministre-senegalais-denonce-les-propos-errones-demmanuel-macron-366f4cb4-cc7d-11ef-a918-9f91756062b6> (Дата обращения: 10.01.2025).

34 Armée française en Afrique: la fin de la coloniale. L'Opinion. 01.12.2024. // URL: <https://www.lopinion.fr/international/armee-francaise-en-afrique-la-fin-de-la-coloniale> (Дата обращения: 09.12.2024).

35 Мальгавко А. Мариани назвал разрыв связей с Чадом и Сенегалом катастрофой для Франции. // URL: <https://ria.ru/20241202/frantsiya-1986787325.html> (Дата обращения: 15.02.2025).

36 Спецпосланник Макрона заявил о конце «французской Африки». // URL: <https://ria.ru/20240213/afrika-1926976274.html> (Дата обращения: 20.03.2025)

ской практики Пятой республики. Это совершенно очевидно и не нуждается в специальном обосновании. В этом контексте полезно вспомнить пророчества предшественников нынешнего хозяина Елисейского дворца. В 1957 г., тогда еще кандидат в президенты Пятой республики Франсуа Миттеран, заявил: «Без Африки у Франции не будет истории в XXI веке» [6, с. 99-107]. Спустя годы и президент Франции Жак Ширак также сделал мрачное предсказание: «Без Африки Франция скатилась бы до уровня стран третьего мира» [5]. Есть основания думать, что мы станем свидетелями того, как эти пророчества станут явью в обозримом будущем. Собственно говоря, процесс уже идет.

Список литературы:

1. Белозеров В.В. Контингенты ВС Франции, развернутые на постоянной основе за пределами европейской части страны. Ч. 2 // Зарубежное военное обозрение. 2020. № 11. С. 9-16.
2. Филиппов В.Р. Африканская политика президента Франции Э. Макрона: хроника действий и эволюция идей (2017-2022 гг.). – М.: 2023.
3. Кот-д'Ивуар: факторы электорального конфликта. Африка и Азия сегодня. 2011. № 5 (646). С. 26-33.
4. Филиппов В.Р. Феномен «Франсафрик» в зеркале французской историографии // Ученые записки Института Африки РАН. 2022. № 3 (60). С. 73-87.
5. Derville F. France: les références incontournables. // URL: <https://misterprepa.net/france-les-references-incontournables/> (15.02.2025)
6. Djimi Y.-J. L'Afrique a-t-elle encore une importance stratégique pour la France au XXIe siècle? // Géoeconomie. 2016. V. 82. № 5. P. 99 à 107.
7. Dozon J.P. Qui est Ivoirien et qui ne l'est pas? // URL: http://www.amnesty.fr/index.php?/amnesty/s_informer (15.02.2025)

Bibliography

1. Belozеров V.V. Contingents of the French Armed Forces deployed on a permanent basis outside the European part of the country. Part 2 // Foreign Military Review. 2020. № 11. P. 9-16.
2. Filippov V.R. African policy of French President E. Macron: chronicle of actions and evolution of ideas (2017-2022). – Moscow, 2023.
3. Côte d'Ivoire: factors of electoral conflict. Africa and Asia today. 2011. № 5 (646). P. 26-33.
4. Filippov V.R. The phenomenon of "Françafrique" in the mirror of French historiography // Scientific notes of the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences. 2022. № 3 (60). P. 73-87.
5. Derville F. France: les références incontournables. // URL: <https://misterprepa.net/france-les-references-incontournables/> (02.15.2025)
6. Djimi Y.-J. L'Afrique a-t-elle encore une importance stratégique pour la France au XXIe siècle? // Géoeconomie. 2016. V. 82. № 5. P. 99 à 107.
7. Dozon J.P. Qui est Ivoirien et qui ne l'est pas? // URL: http://www.amnesty.fr/index.php?/amnesty/s_informer (15.02.2025)

Айбибула Кадир

кандидат социологических наук, преподаватель.

Институт марксизма

Синьцзянского педагогического университета, Урумчи, Синьцзян, Китай.

Этническое взаимодействие в пространстве массовой культуры и сознание сообщества китайской нации - Этнографическое исследование на примере массовых танцев

Аннотация. В данной статье массовые танцы в Южном парке Урумчи (Синьцзян) исследуются как объект изучения с использованием этнографического метода для анализа взаимосвязи между этническим взаимодействием в пространстве массовой культуры и укреплением сознания сообщества китайской нации. Результаты исследования показывают, что массовые танцы как культурная практика, сочетающая коллективность, открытость и культурную инклюзивность, через трехмерную рамку «поведение-смысл-идентичность» способствуют преодолению барьеров между участниками разных национальностей через физическое взаимодействие, формированию эмоционального резонанса и социального капитала, преобразуя отношения от «незнакомцев» к «друзьям и родственникам». Их латентная функция проявляется в естественном стимулировании межэтнического общения: через культурный синтез в одежде, музыке и танцевальных движениях формируется общее духовное пространство для всех национальностей, способствуя созданию эстетического сообщества и идентичности «единства в многообразии». Исследования показывают, что массовые танцы, следуя «снизу вверх» повседневному подходу, трансформируют физическое пространство в поле культурной идентичности, реализуя в телесной практике преобразование по схеме «культурное усвоение – эмоциональный резонанс – идентичность». Это предоставляет народную перспективу и теоретическую парадигму для укрепления сознания сообщества китайской нации, подчеркивая важность сочетания явного и скрытого образования.

Ключевые слова: массовые танцы, межэтническое общение и интеграция, сознание сообщества китайской нации, этническая культура, этническая музыка.

Aibibula Kadier

*PhD in Sociology, Lecturer. Institute of Marxism,
Xinjiang Normal University, Urumqi, Xinjiang, China.*

Ethnic interaction in public cultural space and the sense of Chinese national community: an analysis based on the ethnographic investigation of square dancing

Annotation. Taking the square dancing in Southern Park, Urumqi, Xinjiang as the research object, the paper uses the ethnographic method to explore the internal relationship between ethnic interaction and fostering the sense of Chinese national community in the public cultural space. The research reveals that square dancing, as a public cultural practice characterized by collectivity, openness, and cultural inclusivity, facilitates the breakdown of interethnic barriers through physical interaction via the three-dimensional framework of “behavior-meaning-identity”. This process fosters emotional resonance and social capital among multi-ethnic participants via bodily interaction, enabling relational transformation from “strangers” to “kin-like acquaintances.”. Its latent functions manifest in spontaneously promoting cross-ethnic engagement, constructing a shared spiritual home for all ethnic groups through cultural fusion of attire, music, and choreography, and nurturing an aesthetic community and identity recognition aligned with the “diversity-in-unity” paradigm. The study concludes that square dancing, operating as a grassroots, life-integrated pathway, transfigures physical space into a domain of cultural identification. Through embodied practice, it actualizes a transition from “cultural acquisition” to “emotional resonance” and ultimately “identity affirmation,” offering a folk-informed practical paradigm and theoretical model for fostering the sense of Chinese national community. This underscores the pivotal value of integrating explicit education with implicit cultural inculcation.

Keywords: mass dances, interethnic communication and integration, community consciousness of the Chinese nation, ethnic culture, ethnic music.

Источник фонда: промежуточный результат проекта «Оптимизация практических механизмов культурного развития сельских территорий Южного Синьцзяна» (№23XJKD0306), поддержанного в рамках тендера по ключевой дисциплине «Теория марксизма» автономного района, и общего проекта Национального фонда социальных наук «Исследование процесса формирования общенационального сознания у народов Синьцзяна в новейший исторический период» (№22BMZ043)

I. Постановка проблемы: массовые танцы как исследовательская перспектива и методологический инструмент

«Почти в каждой социальной системе мира существует танец как культурный феномен. Он служит ярким маркером различий между разными группами, а также играет важную роль в процессе коммуникации и интеграции людей - от популярности танца «ху-сюань» Западного края в эпоху Тан до глобального распространения американского хип-хопа» [1, С. 79]. Массовые танцы, рассматриваемые в данной статье, не являются исключительной культурной формой какого-либо отдельного этноса, а представляют собой коллективное развлекательное мероприятие и носитель массовой культуры, формирующийся в определенном пространстве при участии группы людей и объединяющий элементы музыки, танца и фитнеса. В многонациональных сообществах массовые танцы, будучи продуктом взаимопроникновения и синтеза различных культур, демонстрируют формы танцевального искусства, отражающие интеграцию многообразия, и подчеркивают особенности слияния культур разных народов.

Использование характерных сцен массовых танцев в современной городской жизни в качестве исследовательской перспективы и метода анализа обладает значительной теоретической ценностью и практической значимостью. Согласно теории сцен Терри Кларка, городские сцены являются ключевым фактором, способствующим повышению качества жизни и стимулированию творческой активности. Он определяет сцену как «комбинацию различных «удобств»» [2, С. 23]. Сцена, органично состоящая из таких «удобств», представляет собой не просто физическое пространство, но и воплощает определенный образ жизни и культурные смыслы. Эти элементы выступают в качестве незримого духовного посредника между сценой и людьми, влияя и трансформируя их повседневное состояние, поведение и мировоззрение.

«В отличие от ранних социологических исследований сцен, подход Кларка отличается большей системностью и многомерностью. Он выделяет такие сущностные характеристики сцены, как физическая структура, люди, уникальные виды деятельности, символические значения и ценности, а также публичность» [3, С. 54]. «Теория сцен расширяет исследование социального пространства от взаимодействия природной географии и социального поведения до практик потребления локальной культуры» [4, С. 62], осуществляя тем самым переход от материальной реальности к духовному содержанию и от социальных функций к внутренней структуре. С теоретической точки зрения, массовые танцы представляют собой живой пример народной культурной практики, сочетающий коллективность, открытость и культурную инклюзивность, что соответствует сущностной характеристике сознания сообщества китайской нации - «единство в многообразии». Использование их в качестве отправной точки исследования позволяет выйти за рамки традиционной статичной парадигмы изучения культуры и в динамике коллективных практик наблюдать модели взаимодействия между различными этническими, региональными и возрастными группами, раскрывая микро-механизмы культурного синтеза и формирования идентичности.

С точки зрения аналитического подхода, массовые танцы предоставляют трехмерную аналитическую рамку «поведение-смысл-идентичность». Наблюдая за телесными практиками танцоров, выбором музыкального сопровождения и организацией деятельности, мы расшифровываем культурные символы и ценностные ориентации, стоящие за этими проявлениями. В интерактивном контексте анализируется логика формирования группового взаимодействия и чувства принадлежности, а также то, как отдельные индивиды через танцевальные практики осуществляют реконструкцию и разделение культурной идентичности. Такой эмбодированный метод исследования позволяет выявить конкретные механизмы межэтнического взаимодействия и интеграции, а также пути формирования эмоционального резонанса и культурной аккумуляции в процессе укрепления общенационального сознания.

Использование массовых танцев в качестве исследовательского инструмента не только углубляет понимание механизмов формирования общенационального сознания китайской нации, но и предоставляет практические ориентиры для культурной интеграции в новую эпоху. Это создает живую полевую выборку и аналитическую парадигму для теоретического осмысления и политических инноваций, направленных на

укрепление сознания сообщества китайской нации.

Укрепление единства многонационального народа и содействие межнациональному общению, взаимодействию и интеграции - это дело практики, реализация на местном уровне и достижение результатов среди населения. Как подчеркнул Си Цзиньпин в своей важной речи на Центральном рабочем совещании по национальным вопросам в 2021 году: «Необходимо, взяв за основу укрепление сознания сообщества китайской нации, усиливать идентификацию с китайской культурой, строить общее духовное пространство для всех народов Китая, содействовать их взаимодействию и интеграции, постепенно достигая всесторонней включенности различных этносов в пространственном, культурном, экономическом, социальном и психологическом аспектах.» [5, С. 7] Музыка и танцы являются не только важной частью превосходной традиционной культуры Китая, но и духовной пищей для людей всех национальностей. Будучи художественным воплощением идеалов, социальной психологии, эстетических концепций и ценностных устремлений китайской нации, они обладают широкой народной базой и имеют важное значение для содействия межэтническим обменам, интеграции и укрепления сознания сообщества китайской нации.

Обзор истории наглядно показывает, что развитие и эволюция музыкально-танцевального искусства Синьцзяна неизменно сопровождали исторический процесс межэтнического взаимодействия, обмена и интеграции, став ключевым элементом исторической и культурной логики формирования сознания сообщества китайской нации. В эпоху Ханьской династии «когда царь Цюйцы Цзян Бинь явился ко двору императора Сюань-ди, тот встретил его с почестями, включающими музыкально-танцевальное представление с «колесницами, всадниками, флагами, барабанами и десятками певцов и музыкантов». В период Вэй-Цзинь и Южных-Северных династий настенные росписи синьцзянских пещерных храмов запечатлели историю музыкально-танцевального взаимодействия между различными народами. В эпохи Суй и Тан западные музыкальные стили - кучанская, гаочанская, шульская - проникли в императорский двор, где придворная музыка и танцы демонстрировали культурные характеристики «единства в многообразии». В периоды Мин и Цин искусство уйгурского мукама, унаследовавшее традиции ханьско-танских дацуй, зафиксировало процесс укоренения и развития музыкальных традиций народов Синьцзяна в плодородной почве китайской культуры.» [6, С.6] Искусство уйгурского мукама представляет собой не только культурный

синтез музыкального творчества уйгурского народа, но и общий символ китайской культуры, разделяемый всеми этносами. В музыкальном мышлении, структуре композиций, хореографических стилях и оркестровке оно демонстрирует культурные характеристики, восходящие к традициям ханьско-танских дацзюй.

В контексте современного общества с его межкультурным взаимодействием массовые танцы как форма общественной активности, сочетающая физическое здоровье с духовным удовлетворением, получили широкое распространение в городских и сельских сообществах. Они стали важным культурным механизмом, повседневным подходом и массовой практикой, способствующими межэтническому общению и укреплению сознания сообщества китайской нации. Будучи сугубо народной инициативой, они наглядно демонстрируют повседневные модели межэтнического взаимодействия и интеграции, обеспечивая «снизу вверх» органическую движущую силу и уникальный путь для гармоничного сосуществования и совместного развития всех народов, а также для укрепления общенационального сознания. Это в полной мере раскрывает их значительную исследовательскую ценность и практическую важность.

II. Исследовательский контекст

(1) Место исследования, методы и процесс

В данном исследовании в качестве ключевой наблюдательной зоны был выбран Южный парк (бывший зоопарк) в Урумчи, Синьцзян - ярко выраженный репрезентативный объект, где проводилось длительное и детальное полевое исследование. Этот парк является одним из крупнейших в Урумчи. С весны до поздней осени в различных зонах Южного парка Урумчи разворачивается красочная картина массовых танцев, демонстрирующая многообразие и гармоничное сосуществование. Энтузиасты танцев из числа ханьцев, уйгуров, казахов, хуэйцев, монголов и других народностей самостоятельно организуются, приносят магнитофоны и аудиоаппаратуру, а также умело используют смартфоны для воспроизведения разнообразных музыкальных композиций в различных стилях. Совместно исполняя танцы, они создают в парке насыщенную и оживленную атмосферу, превращая его в динамичное общественное культурное пространство.

Период исследования продолжался с мая по октябрь 2023 года, а затем был возобновлен в мае 2024 года и длился до сентября 2024 года. Такой временной охват предоставил достаточную выборку для фиксации

полной картины и динамики массовых танцевальных активностей. В процессе реализации исследования применялись взаимодополняющие методы. Благодаря длительному включенному наблюдению исследовательская группа тщательно отслеживала повседневную деятельность танцевальных коллективов, точно фиксировала сложность и многообразие их состава, четко выявляла характеристики и закономерности моделей активности, а также динамику изменений в расписании мероприятий с течением времени, что позволило очертить базовую структуру и эволюцию массовых танцев. Кроме того, посредством органичного сочетания и синергетического применения таких методов исследования, как включенное наблюдение, *participant observation* и глубинное интервьюирование, данное исследование стремится создать всестороннюю, детализированную и глубокую этнографию массовых танцев. Это обеспечивает прочную эмпирическую основу для глубокого понимания сущностных характеристик и социальных функций массовых танцев как социокультурного феномена.

(2) Структурные особенности массовых танцев

Структурные особенности массовых танцев демонстрируют ярко выраженное разнообразие и инклюзивность в распределении участников по возрасту, полу, национальности и профессиональной принадлежности. Основной контингент участников массовых танцев сосредоточен в возрастной группе от 30 до 65 лет. Люди этого возраста обычно имеют стабильный жизненный ритм и относительно свободное время, что делает их основной движущей силой танцевальной активности. Особенно высока активность пенсионеров и работающих лиц предпенсионного возраста, располагающих большим количеством свободного времени. Через участие в массовых танцах они не только поддерживают физическую форму, но и обогащают свою жизнь в зрелом возрасте. Количество участников массовых танцев обычно значительно - от нескольких десятков до сотен человек, а в крупных жилых массивах или во время праздничных мероприятий может достигать тысяч. Такая масштабная модель участия не только усиливает атмосферу мероприятия, но и способствует более широкому социальному взаимодействию. Гендерный состав участников относительно сбалансирован: хотя женщин несколько больше, чем мужчин, в последние годы доля мужчин-участников постепенно увеличивается. Женщины, благодаря природной танцевальной одарённости и стремлению к прекрасному, часто становятся лидерами и ядром

массовых танцев, тогда как участие мужчин дополнительно обогащает формы и содержание танцев, повышая их разнообразие и зрелищность. В национальном составе массовые танцы демонстрируют характерную особенность китайской нации - «единство в многообразии». Участники разных национальностей - ханьцы, уйгуры, казахи, хуэйцы, монголы и другие - через общий язык танца способствуют взаимному взаимодействию и интеграции. Профессиональный состав участников разнообразен: многие являются работающими специалистами, включая учителей, медработников, деятелей искусства, госслужащих, рабочих, фрилансеров и представителей других социальных слоёв. Такая профессиональная широта не только отражает популярность массовых танцев как общедоступного вида активности, но и подчёркивает их положительную роль в содействии межсословному общению и взаимодействию.

III. Теоретический анализ многофункциональности массовых танцев

(1) От «незнакомцев» к «близким друзьям»: как массовые танцы способствуют межэтническому взаимодействию

Согласно теории телесной феноменологии Мерло-Понти [7, С. 43], участники массовых танцев через синхронизированные движения, музыкальный ритм и телесную координацию преодолевают барьеры между незнакомцами, создавая эмоциональный резонанс через общий физический опыт. Когда танцоры разных национальностей вместе поднимают руки, кружатся и топают в такт, их тела перестают быть изолированными индивидами, становясь органичной частью группового ритма. Это телесное взаимодействие и сотрудничество формирует основу эмоциональной связи, позволяя незнакомым людям через танец постепенно узнавать друг друга и устанавливать близкие отношения.

Глубинные интервью показали, что среди участников массовых танцев в Южном парке Урумчи лишь немногие демонстрируют высокое танцевальное мастерство, тогда как подавляющее большинство - обычные любители. Вначале многие любители, ограниченные недостатком навыков и испытывая застенчивость, не решались выходить на танцевальную площадку. Однако с первыми звуками музыки проявляется её мощная заразительность и побудительная сила. Подчиняясь ритму, участники постепенно преодолевают психологические барьеры, осторожно начиная танцевать, подражая движениям более опытных танцоров. По мере увеличения числа участников взаимодействие между танцорами усиливается.

ется, скромное начало постепенно превращается в оживлённое действие, создавая динамичное общественное пространство, наполненное энергией и жизнью. Со временем их отношения углубляются, этнические, гендерные, возрастные и профессиональные различия стираются, превращаясь в дружеские и почти родственные связи, формируя прочную сеть межличностных отношений.

Пример 1: Тётя Чжан (ханька, 58 лет)

«Ай-яй, сначала я просто дома без дела сидела, увидела во дворе люди танцуют - и давай руками-ногами повторять. Никого тогда не знала, просто понравилось, как двигаются. А потом постепенно познакомилась - и с монголкой одной, и с уйгуркой молоденькой. Вот однажды разучивали новый танец - так эта уйгурская девушка сама вызвалась нас учить своим национальным движениям, буквально за руку показывала, терпения хоть отбавляй! Теперь мы с ними как родные, не только танцуем вместе - то на рынок сходим, то просто поболтаем. Благодаря этим танцам у меня столько подруг появилось, да ещё и про другие народы столько интересного узнала - раньше и представить не могла!»

Пример 2: Дядя Сурэл (монгол, 62 года)

«Когда я только переехал в этот город, ни души не знал. Вышел как-то прогуляться - а там народ танцует, музыка весёлая. Я и пристроился. Сначала вообще ничего не получалось, как слон в посудной лавке, но ханьская тётя рядом подбадривала, ритм объясняла. Постепенно втянулся. У нас теперь в группе человек шесть национальностей! Мы и их движения учим, и они наши. Благодаря танцам я будто заново город полюбил, а с товарищами по площадке - вообще как родные стали. Какие там могут быть барьеры между народами?»

Пример 3: Сестра Гуль (уйгурка, 55 лет)

«Обожаю массовые танцы - каждый вечер как по расписанию! Здесь я столько замечательных людей разных национальностей встретила. Помню, готовились к выступлению - всем коллективом придумывали, как уйгурские элементы с другими традициями совместить. На репетициях так весело было: советуемся, учимся друг у друга. С каждым танцем мы всё ближе становимся. Теперь наша танцевальная группа - как большая семья: неважно, кто какой национальности, главное - вместе и с душой! Это непередаваемое чувство!»

Примечательно, что первоначальная мотивация танцоров к вы-

ходу на танцевальную площадку была продиктована отнюдь не грандиозными устремлениями, такими как развитие социальных связей, укрепление межнационального единства или формирование общенационального сознания китайской нации, а исключительно желанием расслабиться, получить психологическое удовлетворение и достичь оздоровительного эффекта. Однако в процессе участия в массовых танцах это, казалось бы, бесцельное скопление людей естественным образом порождает межличностное общение. Спонтанная модель социального взаимодействия возникает непреднамеренно. Такое единство не является результатом сознательного стремления, а представляет собой естественно формируемую эмоциональную связь, возникающую в процессе совместного удовольствия от танца.

Функционалистский социолог Роберт Мертон различал явные и латентные функции социальных явлений. Латентные функции представляют собой объективные последствия, которые не являются преднамеренными и не осознаются участниками социального действия. Именно таким латентным функционалом обладает феномен массовых танцев, неосознанно способствующий межэтническому взаимодействию танцоров. Данная функция реализуется без предварительного планирования, целенаправленного проектирования или рациональной организации со стороны участников - представителей различных этнических групп. «Это разграничение Мертона позволило социологам осознать, что нельзя ограничиваться рассмотрением тех объяснений, которые сами акторы приводят для своих действий или существования обычаев и институтов, а следует выявлять иные причины, обеспечивающие устойчивость этих практик, и на этой основе объяснять функционирование общества» [8, С. 42].

Данный феномен социального взаимодействия в рамках массовых танцев, сформированный благодаря народной инициативе, наглядно демонстрирует принципиальные различия в природе и функционале по сравнению с официально организованными, директивно внедряемыми мероприятиями по укреплению национального единства. Обладая уникальной логикой генезиса и моделью функционирования, народные массовые танцы играют незаменимую роль в процессе развития межличностных связей и социальной интеграции, оказывая постепенное и ненавязчивое воздействие. Они создают естественное и органичное пространство для социализации индивидов с разнообразным бэкграундом, где установление и развитие социальных связей происходит на

основе добровольного выбора и практики взаимодействия самих участников.

(2) Взаимодействие, взаимодверие, взаимопомощь: социальный капитал и социальная интеграция в массовых танцах

Теория социального капитала подчеркивает, что «социальный капитал представляет собой совокупность ресурсов, доступных индивиду или группе благодаря сети социальных связей» [9, С. 95-120]. В контексте массовых танцев эмоциональные связи, сформированные в процессе длительного взаимодействия, трансформируются в важный социальный капитал, способствующий взаимному доверию, взаимовыгодному сотрудничеству и совместному процветанию танцоров разных национальностей. Этот социальный капитал преодолевает этнические и социальные границы, проявляясь в форме доверия, взаимопомощи, обмена информацией и ресурсами, а также норм кооперации. С макросоциальной точки зрения, сеть социальных связей, создаваемая массовыми танцами, обладает широким радиационным эффектом. Она не ограничивается непосредственными участниками, а через них распространяется на их семьи, местные сообщества и более широкие социальные слои. Этот процесс способствует повышению интереса и понимания различных национальных культур в обществе в целом, усиливает толерантность к культурному многообразию и в конечном итоге ведет к расширению и оптимизации социальных сетей. Межличностное общение на уровне семей также укрепляет связи между участниками. Они делятся радостями и горестями семейной жизни, оказывают друг другу эмоциональную поддержку. В случае возникновения трудностей у кого-либо из членов группы, остальные незамедлительно предлагают помощь - как моральную, так и практическую. Такое глубокое взаимопонимание, основанное на повседневном общении, превращает танцоров из просто партнеров по площадке в неотъемлемую часть жизни друг друга, создавая прочный фундамент для развития дружеских отношений.

В этом процессе массовые танцы выступают как культурный мост, тесно связывающий людей разных национальностей и социальных слоев, постоянно обогащая социальную гармонию и интеграцию новыми импульсами. В ситуациях, когда танцоры сталкиваются с трудностями, данный социальный капитал активизируется через обмен ресурсами и передачу опыта. Например, Тетя Ван, бывший преподаватель, используя свои профессиональные знания, в июле 2023 года помогла дочери

уйгурской тети Па проанализировать информацию о вузах и успешно решить вопрос с подачей документов при поступлении; Дядя Чжан, воспользовавшись своими связями, предоставил информацию о вакансиях сыну казаха-танцора, способствуя его трудоустройству; Г-жа Вэй, ранее работавшая в местном медпункте и активно участвующая в танцах, регулярно делится профессиональными знаниями о здоровом образе жизни и профилактике заболеваний в перерывах между танцами. Эти практики не только углубляют эмоциональные связи между участниками, но и наглядно демонстрируют роль массовых танцев как носителя социального капитала в содействии межкультурному взаимодействию и построению гармоничных социальных отношений в многонациональной среде.

(3) Содействие культурному взаимопроникновению и формированию общего духовного пространства народов, укрепление общенациональной идентичности

Культурный синтез является отличительной чертой развития культур народов Синьцзяна. «Музыкально-танцевальные представления, акробатика, традиционная опера и ритуальные практики, популярные среди ханьцев, повсеместно встречаются в Дихуа, Или и Баркёле. После проникновения в Синьцзян искусства вырезания из бумаги и новогодних картин уйгуры, казахи, монголы и киргизы стали использовать эти узоры для украшения архитектуры, одежды, ковров и вышивок. В архитектуре появились смешанные монгольско-ханьские и тибетско-ханьские стили. А «назыркум» - уникальный уйгурский народный танец, зародившийся в Турфанской впадине, впитал ритмы ханьских барабанов и технику прыжков с перекрещиванием ног, сочетая их с характерными для монгольского танца движениями плеч.» [10, С. 285].

На танцевальной площадке Южного парка разворачивается уникальная и яркая картина межкультурного взаимодействия.

Ханьские тётушки в атласных платьях «адряс» грациозно исполняют уйгурский «мешреп» или казахский танец «кара жорга»; представители этнических меньшинств в ципао танцуют традиционный янгэ или исполняют арии пекинской оперы; уйгурские юноши на дутарах и тамбурах играют мелодии китайских песен. Эти сцены представляют собой не просто культурные представления, а практику глубокого взаимопроникновения культур, сформировавшуюся в процессе длительного взаимодействия на основе взаимного восхищения, понимания и принятия.

С точки зрения культурной семиотики, костюмы танцоров, хореографические движения и музыкальное исполнение формируют насыщенный символами культурный текст. Яркие узоры атласа адряс и элегантный крой ципао, гармонично сочетаясь в едином танцевальном пространстве, создают визуальный диалог культур. Энергичная экспрессия уйгурского мешрепа, мужественная мощь казахского «Кара жорга» и живая динамика ханьского янгэ взаимно обогащают друг друга, образуя хореографическую полифонию. Уникальное звучание народных инструментов органично сливается с ритмическими паттернами китайских песен, демонстрируя акустический синтез традиций.

В процессе языкового общения диалекты и сленговые выражения различных этносов взаимно проникают друг в друга. Эмоциональный резонанс, передаваемый через мимику и жесты, дополнительно разрушает культурные барьеры. Массовые танцы, представляющие собой постоянное взаимопроникновение многонациональных культур, способствуют тому, что танцоры разных народностей в процессе совместного участия и восприятия различных хореографических искусств постоянно расширяют эстетические границы танцевального искусства, совместно вырабатывают эстетические каноны и постепенно формируют единые эстетические стандарты и художественные концепции. Танцоры разных национальностей постепенно превращаются в эстетическое сообщество, тем самым способствуя созданию общего духовного пространства для всех народов.

В то же время, как устойчивое и интенсивно используемое общественное культурное пространство, деятельность по массовым танцам в Южном парке стала живой практической площадкой для укрепления сознания сообщества китайской нации. Эта практика культурного взаимопроникновения «снизу вверх», основанная на повседневной жизни, ненавязчиво укореняет сознание сообщества китайской нации в культурном опыте и эмоциональном резонансе танцоров, создавая прочную культурную и эмоциональную основу для строительства общности китайской нации.

Теория производства пространства Анри Лefевра утверждает: «Пространство является не простоместилищем социальных отношений, но и их продуктом» [11, С. 89]. Массовые танцы переопределяют и преобразуют общественное пространство, превращая парки и другие общественные зоны в социальные пространства с особым культурным значением. В этом пространстве участники временно освобождаются от

ограничений своих исходных социальных и этнических идентичностей, участвуя в качестве «танцоров» - общей для всех идентичности. Одежда, музыкальные инструменты, танцы, языки, эстетические представления и сенсорные культуры разных народов переплетаются и взаимодействуют в этом пространстве. В процессе танца люди учатся ценить друг друга, постепенно размывая этнические границы и достигая слияния идентичностей. Таким образом, массовые танцы трансформируют музыкальные, инструментальные, хореографические и костюмные культурные символы в осязаемый телесный опыт, позволяя участникам в коллективном движении завершить процесс трансформации «культурное усвоение - эмоциональный резонанс - идентификационное признание». «Эмоциональное значение, заложенное в символах, способствует достижению индивидами всеобщего признания и психологического консенсуса относительно сообщества, формирует общую 'историческую память' нации и через 'эмоциональную согласованность' порождает чувство близости и культурной идентификации.» [12, С. 35]. Массовые танцы как коллективное символическое воплощение сознания сообщества китайской нации одновременно служат практическим носителем памяти, укрепляющим и закрепляющим это идентификационное сознание. Эта двойственная природа не только отражает конкретное проявление этнической идентичности в поле массовой культуры, но и демонстрирует репродуктивную функцию телесной практики в отношении сознания общности. В процессе межэтнического взаимодействия и интеграции через массовые танцы индивидуальная идентичность выходит за рамки моноэтнической принадлежности, и формула «мы все принадлежим к китайской нации» становится общей парадигмой психологической идентификации для танцоров всех национальностей. Эта реконфигурация идентичности отражает как углубляющуюся эволюцию культурной взаимовложенности в межэтническом общении, так и конкретное воплощение сознания сообщества китайской нации в поле художественной практики, знаменуя структурную трансформацию и целостное возвышение этнической идентичности в контексте модели «единства в многообразии».

Заключение

В образовательной практике по укреплению сознания сообщества китайской нации необходимо сочетать как организованные, планомерные, прямые и явные методы обучения, так и спонтанные, косвенные и скрытые формы воспитания. Это позволит представителям всех народов в по-

вседневной жизни естественно воспринимать идеи, связанные с укреплением общенационального сознания, достигая образовательного эффекта «орошения без шума». Только интеграция явного образования и скрытого воспитания с максимальным использованием их преимуществ может, с одной стороны, обеспечить позитивное продвижение этой работы, а с другой - повысить степень принятия и заинтересованности среди всех этнических групп, формируя общенациональное сознание через сочетание видимого «орошения» и невидимого «проникновения». В контексте современного общества с его межкультурным взаимодействием массовые танцы как форма общественной активности, объединяющая физическое здоровье и духовное удовлетворение, обладают такими характеристиками, как коллективность, открытость и культурная инклюзивность, что соответствует сущностному принципу «единства в многообразии» сознания китайской нации. Они стали важным культурным механизмом, повседневным подходом и массовой практикой для содействия межэтническому общению и укреплению общенационального сознания. Массовые танцы представляют собой живой пример народной культурной практики. Их использование в качестве исследовательского фокуса позволяет преодолеть ограничения традиционной статичной парадигмы культурных исследований, расширить поле для изучения межэтнического взаимодействия и культурного синтеза, а в динамике коллективной практики раскрыть микро-механизмы культурного взаимопроникновения и формирования идентичности.

Список литературы:

1. Чжу Цзинцзян. Ранние практики и культурное конструирование этнографической танцевальной визуализации. [J]. Журнал этнологии. 2023. № 3. С. 79-86.
2. Силь Д.А., Кларк Т.Н. Сцены: как качество пространства формирует социальную жизнь. [M]. Издательство социальных наук, 2019. С. 23.
3. Линь Юйлянь, Ху Чжэнфань. Психология окружающей среды. [M]. Пекин: Издательство архитектуры и строительства Китая, 2000. С. 54.
4. У Цзюнь, Ся Цзяньчжун, Кларк Т. Теория сцен и развитие городов - новая парадигма урбанистических исследований Чикагской школы. [M]. Исторические города Китая. 2013. № 12. С. 56.
5. Си Цзиньпин. Укрепление сознания сообщества китайской нации как основа для продвижения качественного развития национальной работы партии в новую эпоху. [N]. Жэньминь жибао. 2021. № 29. С. 8.
6. Сюй Лэймин, Сяо Яосюань. Укрепление сознания сообщества китайской нации через сохранение национальной музыки. [N] Синьцзян жибао. 2024. № 9. С. 9.
7. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. Коммерческое издательство, 2023. С. 43.
8. Уоллес Р., Вульф А. Современные социологические теории: развитие классической традиции / пер. с англ. Лю Шаоце и др. [M]. Издательство Народного университета Китая, 2008. С. 42.
9. Coleman J S. Социальный капитал в создании человеческого капитала. [J]. Американский журнал социологии. 1988. № 94. С. 95-120.
10. Коллектив авторов. Основы сознания сообщества китайской нации. Пекин: Издательство высшего образования; Издательство национальностей, 2025. С.285.
11. Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. Лю Хуайюй и др. Коммерческое издательство, 2022.

С. 89.

12. Чай Бин, Цзян Тао, Цюй Чжоулянь. Символы, пространство и идентичность: практический механизм укрепления сознания сообщества китайской нации через национальные праздники. [J]. Журнал Гуйчжоуского национального университета (философия и социальные науки). 2024. № 3. С. 35.

Bibliography

1. Zhu Jingjiang. Early Practices and Cultural Creation of Ethnographic Dance Visualization. [J]. Journal of Ethnology. 2023. № 3. P. 79-86.
2. Sil D. A., Clark T.N. Scenes: How Quality Creates Living Conditions. [M]. Social Sciences Press, 2019. P. 23.
3. Lin Yuliang, Hu Zhengfan. Environmental Psychology. [M]. Beijing: China Architecture and Civil Engineering Press, 2000. P. 54.
4. Wu Jun, Xia Jianzhong, Clark T. Scene Theory and Urban Development - A New Paradigm for Chicago School Urban Studies. [M]. Chinese Urban History. 2013. № 12. P. 56.
5. Xi Jinping. Strengthening the consciousness of the community of political nations as a basis for ensuring the high-quality development of national efforts in the new world. [N]. People's Daily. 2021. № 29. P. 8.
6. Xu Leiming, Xiao Yaoxuan. Enthralling the consciousness of the community of European nations through the preservation of national music. [N] Xinjiang Daily. 2024. № 9. P. 9.
7. Merleau-Ponty M. Phenomenology of Perception. Commercial Publishing House, 2023. P. 43.
8. Wallace R., Wolfe A. Modern sociological theories: the development of the classical tradition / trans. from English by Liu Shaojie et al. [M]. Renmin University Press, 2008. P. 42.
9. Coleman J. Social capital in the creation of human capital. [J]. American Journal of Sociology. 1988. № 94. P. 95-120.
10. Collective of authors. Foundations of the consciousness of the community of representatives of the nation. Beijing: Higher Education Publishing House; Nationalities Publishing House, 2025. P. 285.
11. Lefebvre A. Production of premises / trans. from French by Liu Huaiyu et al. Commercial Publishing House, 2022. P. 89.
12. Chai Bing, Jiang Tao, Qu Zhouliang. Symbols, space and identity: a practical mechanism of human consciousness uniting the efforts of the nation through hunger holidays. [J]. Journal of Guizhou National University (Philosophy and Social Sciences). 2024. № 3. P. 35.

РИСПРУДЕНЦИЯ

Дальневосточный Федеральный Университет

Тыщенко Е.О.

*Студентка 4 курса Юридической школы.
Дальневосточный Федеральный Университет, г. Владивосток.*

Доменные споры и порядок их рассмотрения

Введение

С развитием цифровых технологий и расширением онлайн-бизнеса доменные имена приобретают всё большее значение как средства индивидуализации. Наряду с этим растёт число споров, связанных с их регистрацией и использованием. Однако в российском законодательстве до сих пор отсутствует чёткое определение доменного спора и специализированные нормы его регулирования, что осложняет защиту прав заинтересованных лиц.

В условиях пробелов в правовом регулировании особую роль играют судебная практика и международный опыт, в частности механизм UDRP. Цель настоящего исследования — проанализировать существующий порядок рассмотрения доменных споров в России, выявить основные проблемы и предложить пути их законодательного решения.

Материалы и методы

В исследовании использовались нормативные акты РФ, международные документы (в частности, UDRP), а также судебная практика, включая решения Суда по интеллектуальным правам и арбитражных судов. Применялись формально-юридический метод для анализа законодательства, сравнительно-правовой — для сопоставления с международным регулированием, и метод обобщения судебной практики — для выявления правовых подходов к разрешению доменных споров.

Литературный обзор

Российские исследователи внесли значительный вклад в развитие темы доменных споров. И.А. Брагин выделяет необходимость законодательного закрепления понятия доменного спора и его ключевых видов — споров о недобросовестной конкуренции, киберсквоттинга и обратного захвата домена [3]. Он подчёркивает важность единообразия судебной практики и разработки специализированных процедур раз-

решения таких споров.

Н.А. Новикова подробно изучает киберсквоттинг, раскрывая его разновидности — брендовый, произвольный доменнинг, тайпсквоттинг и саундсквоттинг, предметный киберсквоттинг, а также дает следующее определение киберсквоттингу: «Киберсквоттинг (от англ. cyber - виртуальный, squat - захватывать) может быть определен как практика недобросовестной регистрации, приобретения и (или) использования доменных имен, идентичных или схожих с охраняемыми средствами индивидуализации или другими объектами интеллектуальной собственности, охраняемыми наименованиями и нематериальными благами (например, с именем физического лица) с целью получения материальной выгоды» [4].

В литературе также рассматривается международный опыт, особенно процедура UDRP, реализуемая ICANN, которая служит примером эффективного квазисудебного механизма защиты прав без обращения в государственные суды. Анализируется возможность её адаптации в российской системе.

Результаты

В настоящее время законодательство Российской Федерации не содержит определения доменного спора. В судебной практике выработаны следующие дефиниции: «дела о правомерности использования доменного имени, сходного с результатом интеллектуальной деятельности или средством индивидуализации, принадлежащим заявителю, в которых заявлено требование о понуждении к совершению либо о воспрещении каких-либо действий, подлежащее принудительному исполнению» [8], «споры по использованию доменных имен, тождественных или сходных до степени смешения с товарными знаками или иными средствами индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий» [9]. Положение Координационного центра национального домена сети Интернет «О процедурах, подлежащих применению при возникновении споров о доменных именах» (утв. решением Координационного центра национального домена сети Интернет от 20.09.2012 N 2012-07/47; далее – Положение) [1] дает схожую дефиницию доменного спора. Так, они представляют собой «отношения при возникновении разногласий, связанных с нарушением прав правообладателя товарного знака (знака обслуживания) при регистрации и использовании доменных имен второго уровня в доменах .RU и .РФ

администраторами доменных имен».

Отсутствие нормативного закрепления понятия доменного спора является пробелом в правовом регулировании и может затруднить защиту лиц, чье право нарушено. В связи с этим будет обоснованным внести дополнения в действующее законодательство. Наиболее удачным определением, охватывающим особенности доменных споров, представляется следующие: доменный спор — это спор, возникающий между субъектами гражданских правоотношений в случае, когда регистрация, использование или распоряжение доменным именем нарушает или может нарушить исключительные права и охраняемые законом интересы. Предложенное определение подчеркивает объект спора и правовые основания для его возникновения. Кроме того, оно применимо к различным порядкам разрешения споров, в том числе к судебным и квазисудебным.

К доменным спорам применяются нормы, касающиеся нарушения исключительного права на товарные знаки, о недобросовестной конкуренции. Отдельные вопросы освещены в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 [5]. Постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам утверждена Справка по вопросам, возникающим при рассмотрении доменных споров [9]. Также применяются положения Единой Политики Рассмотрения Споров о Доменных Именах [2].

Споры, связанные с использованием средств индивидуализации в доменном имени, подразумевают недобросовестную деятельность субъектов на рынке. Пользователи нарушают исключительное право своих конкурентов и вводят в заблуждение их клиентов своим посредством регистрации доменного имени, содержащего или сходного до степени смешения с товарным знаком или фирменным наименованием конкурента [5, 7, 13].

Следующий вид доменных споров – споры, связанные с киберсквоттингом.

В доктрине выделяют несколько видов киберсквоттинга: брендовый и произвольный доменнинг, предметный киберсквоттинг, тайпсквоттинг и саундсквоттинг.

Брендовый доменнинг представляет собой регистрацию доменных имен, содержащих товарные знаки или другие средства индивидуализации, в то время как произвольный доменнинг заключается в резервировании потенциально востребованных доменов без использования зарегистрированных обозначений. Предметный киберсквоттинг использует

в доменных именах общеупотребительные термины, обозначающие товары или сферы деятельности, что, не являясь формальным нарушением прав, может создавать препятствия для добросовестных предпринимателей. Тайпсквоттинг характеризуется намеренной регистрацией доменов с типичными орфографическими ошибками, которые допускают пользователи при наборе адресов, тогда как саундсквоттинг основан на регистрации фонетически схожих с популярными адресами доменных имен, эксплуатируя явление омонимии.

Отдельного внимания заслуживает обратный захват домена. Он представляет собой заведомо недобросовестные действия правообладателей товарных знаков, направленные на инициацию судебных разбирательств против администраторов сходных или тождественных доменных имен, использующихся добросовестно [16].

Обратный захват домена может квалифицироваться как злоупотребление правом и акт недобросовестной конкуренции. При оценке конкретных обстоятельств дела суд вправе отказать в защите исключительных прав на товарный знак, руководствуясь положениями статьи 10 ГК РФ, специально предусматривающей механизм противодействия таким злоупотреблениям [18].

Некоторые суды развили указанные критерии, установив обязательность совокупного доказывания следующих обстоятельств: 1) предшествующее подаче заявки широкое использование обозначения и/или его известность на соответствующем рынке; 2) осведомленность заявителя о таком использовании до регистрации знака; 3) конкурентный характер отношений сторон; 4) наличие противоправной цели - причинения вреда владельцу доменного имени или его вытеснения с рынка; 5) причинение либо реальная угроза причинения существенного вреда законным интересам владельца доменного имени [10].

Далее рассмотрим судебный и квазисудебный порядки рассмотрения доменных споров. Судебный порядок представляет собой основной и наиболее действенный механизм защиты прав, нарушенных вследствие недобросовестной регистрации и использования доменных имён. Такие споры относятся к компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов. С 2019 года критерием подсудности выступает характер спора, статус сторон и объект правовой охраны. Все доменные споры, связанные со средствами индивидуализации рассматриваются арбитражными судами [12].

Надлежащим истцом является лицо, чьи законные интересы затро-

нуты использованием спорного доменного имени. Зачастую, с иском заявлением обращаются правообладатели средств индивидуализации. Истец доказывает наличие у него права или законного интереса, нарушенного действиями администратора доменного имени.

В качестве ответчика, как правило, выступает администратор доменного имени — физическое или юридическое лицо, на чьё имя зарегистрирован домен, согласно сложившейся судебной практике. Администратор привлекается к ответственности в зависимости от того, в домене и/или на сайте неправомерно используется результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации [15]. Также, администратор доменного имени вправе предъявить регрессное требование к лицу, фактически разместившему информацию об однородных товарах на соответствующем ресурсе сети «Интернет» под спорным доменным именем [5, 11, 17].

В сфере доменных споров судебные органы применяют критерии, выработанные Высшим Арбитражным Судом РФ [6] на основе положений статьи 10bis Парижской конвенции по охране промышленной собственности. Данные критерии включают: совпадение или схожесть до степени смешения доменного имени с товарным знаком другого лица; отсутствие у владельца домена правомерных оснований или интересов в отношении спорного имени; регистрация и последующее использование домена с недобросовестной целью.

Этот подход получил дальнейшее развитие в правовых позициях, изложенных в решениях Суда по интеллектуальным правам. В качестве кассационной инстанции данный суд неоднократно подчеркивал, что квалификация действий администратора как акта недобросовестной конкуренции возможна только при одновременном соблюдении всех вышеуказанных условий [14].

Судебный порядок разрешения доменных споров имеет как достоинства, так и недостатки. К его преимуществам относятся чёткая процедура, всестороннее рассмотрение дела и гарантированная исполнимость решений. Однако процесс часто бывает длительным и дорогостоящим. Проблемы создаёт отсутствие специальных норм о доменах, из-за чего суды вынуждены применять аналогию права. Неэффективность защиты усиливается из-за отсутствия обязательного досудебного урегулирования и единообразия судебной практики.

Судебный порядок остаётся ключевым и зачастую единственным действенным способом защиты прав в доменных спорах в России, но ну-

ждается в доработке. Целесообразно разработать специализированные правила с учётом цифровой специфики таких споров, а также ввести упрощённые административные механизмы по аналогии с международной практикой.

Квасисудебный порядок рассмотрения доменных споров осуществляется с соблюдением формализованных процедур, аналогичных судебным. Одной из наиболее ярких форм квазисудебного порядка выступает международная процедура UDRP - Uniform Domain Name Dispute Resolution Policy (далее – UDRP), которая является полноценным примером институционализированного квазисудебного механизма, предусматривающего обязательность решений и единообразие процедур. В рамках процедуры UDRP аккредитованные арбитражные центры рассматривают доменные споры и при соблюдении определённых условий возможно принудительное принуждение к передаче или аннулированию доменного имени. Таким образом, необходимость в обращении в суд отсутствует.

В отличие от международной практики, в России полноценного национального квазисудебного механизма, аналогичного UDRP, не существует. Однако отдельные элементы квазисудебного порядка реализуются через взаимодействие с регистраторами доменных имён и техническим администратором доменной зоны. Потенциальный правообладатель может направить претензию администратору домена через регистратора, ссылаясь на нарушение исключительных прав. Регистратор, в свою очередь, вправе переслать претензию и предложить сторонам урегулировать спор, однако не обладает правом вынесения обязательного решения. Некоторые регистраторы практикуют временную блокировку домена при наличии признаков очевидного нарушения (например, фишинга или киберсквоттинга), но такие меры принимаются в рамках внутренней политики компании и не основаны на публичном праве.

Квасисудебные элементы в РФ также могут реализовываться через третейское разбирательство, однако такой способ крайне редок ввиду отсутствия стандартизированной процедуры и отсутствия у большинства субъектов предварительного арбитражного соглашения. Также возможна подача жалоб в Координационный центр национального домена сети Интернет, но его функции ограничиваются техническим администрированием зоны и консультациями, а не разрешением правовых споров.

В целом, квазисудебный порядок является перспективным направлением развития института защиты прав на доменные имена, особенно

при наличии стандартизированной и обязательной процедуры, как это реализовано в рамках UDRP. Для России важным направлением может стать адаптация международных подходов к национальным доменам (.ru, .рф), с последующим законодательным закреплением административного порядка рассмотрения доменных споров, что позволило бы обеспечить более эффективную, оперативную и менее затратную альтернативу судебному разбирательству.

Обсуждение

Результаты исследования подтверждают, что правовое регулирование доменных споров в Российской Федерации остаётся фрагментарным и недостаточно адаптированным к реалиям цифровой экономики. Отсутствие легального определения доменного спора и специальных норм, регулирующих порядок его разрешения, приводит к необходимости применения аналогии закона, что не всегда обеспечивает правовую определённость и справедливость разрешения таких дел. Судебные органы вынуждены опираться на общие положения гражданского законодательства, нормы о защите товарных знаков, недобросовестной конкуренции и злоупотреблении правом, что порождает неоднородность практики.

Заключение

Для повышения эффективности правовой защиты в данной сфере представляется необходимым:

- законодательно закрепить определение доменного спора и классификацию его видов;
- разработать специализированную процедуру рассмотрения доменных споров с учётом цифровой специфики;
- адаптировать международный опыт, в частности процедуру UDRP, к российским реалиям.

Реализация данных мер позволит обеспечить баланс интересов участников интернет-отношений, снизить судебную нагрузку и укрепить правовую определённость в сфере регулирования доменных имён.

Список литературы:

1. Положение Координационного центра национального домена сети Интернет «О процедурах, подлежащих применению при возникновении споров о доменных именах»: Решение Координационного центра национального домена сети Интернет от 20 сентября 2012 г. N 2012-07/47 (ред. от 11.10.2024) [Электронный ресурс]. // URL: <https://cctld.ru/files/pdf/docs/litigations.pdf?v=2>. (Дата обращения: 25.03.2025).
2. Единая политика разрешения споров о доменных именах. [Электронный ресурс]. // URL: <https://www.icann.org>.

- org/resources/pages/help/dndr/udrp-en. (Дата обращения: 05.04.2025).
3. Брагин, И. А. Правовое регулирование доменных споров в России / И.А. Брагин, М.В. Коротченкова // Академия права. 2023. № 1 (1). С. 11-17.
 4. Право интеллектуальной собственности. Т. 3: Средства индивидуализации: учебник / А.С. Ворожевич, О.С. Гринь, В.А. Корнеев [и др.]; под. ред. Л.А. Новоселовой – Статут, 2018. 264 с.
 5. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума ВАС РФ от 23.04.2019 № 10. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (Дата обращения: 05.04.2025).
 6. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11.11.2008 № 5560/08 по делу N А56-46111/2003: Президиум Высшего арбитражного суда РФ. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (Дата обращения: 14.04.2025).
 7. Определение Высшего арбитражного суда РФ от 14.04.2011 № ВАС-3984/11 по делу № А57-9493/2009: Высший арбитражный суд РФ. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (Дата обращения: 05.04.2025).
 8. Об утверждении справки о некоторых вопросах, связанных с процессуальным порядком применения обеспечительных мер по доменному спору: Постановление Президиума СИП РФ от 15.10.2013 № СП-23/3. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (Дата обращения: 25.03.2025).
 9. Об утверждении справки по вопросам, возникающим при рассмотрении доменных споров: Постановление Президиума СИП РФ от 28.03.2014 № СП-21/4. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (Дата обращения: 25.03.2025).
 10. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам РФ от 28.05.2020 г. по делу № СИП-558/2019: Суд по интеллектуальным правам РФ. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (Дата обращения: 08.04.2025).
 11. Постановление Суда по интеллектуальным правам РФ от 10.05.2018 г. № С01-244/2018 по делу № А40-90739/2017: Суд по интеллектуальным правам РФ. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (Дата обращения: 14.04.2025).
 12. Постановление Суда по интеллектуальным правам РФ от 13.05.2019 г. по делу №А40-77364/2018: Суд по интеллектуальным правам РФ. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (Дата обращения: 14.04.2025).
 13. Постановление Суда по интеллектуальным правам РФ от 24.08.2020 г. № С01-767/2020 по делу № А41-46041/2018: Суд по интеллектуальным правам РФ. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (Дата обращения: 05.04.2025).
 14. Постановление Суда по интеллектуальным правам РФ от 31.03.2022 г. N С01-301/2022 по делу № А40-37888/2021: Суд по интеллектуальным правам РФ. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (Дата обращения: 15.04.2025).
 15. Постановление Суда по интеллектуальным правам РФ от 20.07.2022 г. № С01-802/2021 по делу № А49-11114/2019: Суд по интеллектуальным правам РФ. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (Дата обращения: 14.04.2025).
 16. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда РФ от 23.04.2024 № 09АП-12946/2024 по делу № А40-112444/2022: Девятый арбитражный апелляционный суд РФ. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (Дата обращения: 08.04.2025).
 17. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 14.05.2021 г. № Ф09-2138/21 по делу № А76-51680/2019: Арбитражный суд Уральского округа. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (Дата обращения: 14.04.2025).
 18. Решение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-173740/23-27-1264 от 28.12.2023: Арбитражный суд г. Москвы. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (Дата обращения: 08.04.2025).

Bibliography

1. Regulation of the Coordination Center for the National Domain of the Internet “On the procedures to be applied in the event of disputes over domain names”: Decision of the Coordination Center for the National Domain of the Internet dated September 20, 2012 N 2012-07/47 (as amended on October 11, 2024) [Electronic resource]. // URL: <https://cctld.ru/files/pdf/docs/litigations.pdf?v=2>. (March 25, 2025).
2. Uniform Policy for Resolving Domain Name Disputes. [Electronic resource]. // URL: <https://www.icann.org/resources/pages/help/dndr/udrp-en>. (April 5, 2025).
3. Bragin, I. A. Legal regulation of domain disputes in Russia / I.A. Bragin, M.V. Korotchenkova // Academy of Law. 2023. № 1 (1). P. 11-17.
4. Intellectual Property Law. Vol. 3: Means of individualization: textbook / A.S. Vorozhevich, O.S. Grin, V.A. Korneev [et al.]; ed. L.A. Novoselova - Statut, 2018. 264 p.

5. On the application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of April 23, 2019 No. 10. [Electronic resource]. Access from the SPS «ConsultantPlus». (04.05.2025).
6. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 11.11.2008 No. 5560/08 in case No. A56-46111/2003: Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. [Electronic resource]. Access from the SPS «ConsultantPlus». (14.04.2025).
7. Determination of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 14.04.2011 No. VAS-3984/11 in case No. A57-9493/2009: Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. [Electronic resource]. Access from the SPS «ConsultantPlus». (05.04.2025).
8. On approval of a certificate on certain issues related to the procedural procedure for applying interim measures in a domain dispute: Resolution of the Presidium of the IP Court of the Russian Federation dated 15.10.2013 No. SP-23/3. [Electronic resource]. Access from the SPS «ConsultantPlus». (25.03.2025).
9. On approval of a certificate on issues arising during the consideration of domain disputes: Resolution of the Presidium of the IP Court of the Russian Federation dated 28.03.2014 No. SP-21/4. [Electronic resource]. Access from the SPS «ConsultantPlus». (25.03.2025).
10. Resolution of the Presidium of the Intellectual Property Court of the Russian Federation dated 28.05.2020 in case No. SIP-558/2019: Intellectual Property Court of the Russian Federation. [Electronic resource]. Access from the ConsultantPlus SPS. (08.04.2025).
11. Resolution of the Intellectual Property Court of the Russian Federation dated 10.05.2018 No. S01-244/2018 in case No. A40-90739/2017: Intellectual Property Court of the Russian Federation. [Electronic resource]. Access from the ConsultantPlus SPS. (14.04.2025).
12. Resolution of the Intellectual Property Court of the Russian Federation dated 13.05.2019 in case No. A40-77364/2018: Intellectual Property Court of the Russian Federation. [Electronic resource]. Access from the ConsultantPlus SPS. (14.04.2025).
13. Resolution of the Intellectual Property Court of the Russian Federation dated 24.08.2020 No. S01-767/2020 in case No. A41-46041/2018: Intellectual Property Court of the Russian Federation. [Electronic resource]. Access from the ConsultantPlus SPS. (05.04.2025).
14. Resolution of the Intellectual Property Court of the Russian Federation dated March 31, 2022 No. C01-301/2022 in case No. A40-37888/2021: Intellectual Property Court of the Russian Federation. [Electronic resource]. Access from the ConsultantPlus SPS. (April 15, 2025).
15. Resolution of the Intellectual Property Court of the Russian Federation dated July 20, 2022 No. C01-802/2021 in case No. A49-11114/2019: Intellectual Property Court of the Russian Federation. [Electronic resource]. Access from the ConsultantPlus SPS. (Accessed: April 14, 2025).
16. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal of the Russian Federation dated 23.04.2024 No. 09AP-12946/2024 in case No. A40-112444/2022: Ninth Arbitration Court of Appeal of the Russian Federation. [Electronic resource]. Access from the SPS «ConsultantPlus». (08.04.2025).
17. Resolution of the Arbitration Court of the Urals District dated 14.05.2021 No. F09-2138/21 in case No. A76-51680/2019: Arbitration Court of the Urals District. [Electronic resource]. Access from the SPS «ConsultantPlus». (14.04.2025).
18. Decision of the Arbitration Court of Moscow in case No. A40-173740/23-27-1264 dated 28.12.2023: Arbitration Court of Moscow. [Electronic resource]. Access from the SPS «ConsultantPlus». (08.04.2025).

Аннотации

Рябова Е.Л.
Терновая Л.О.

Стражи границы: призвание и профессия

Статья посвящена разбору специфики профессии пограничника, которая относится к давним сферам деятельности и связана с оформлением ранних средневековых государств, когда стали более четко обозначаться границы владений и появились новые угрозы со стороны кочевников, что потребовало защиты границ. Отмечается, что изначально пограничная стража характеризовалась как высокими боевыми качествами, так и уникальными психологическими характеристиками, среди которых выделялись наблюдательность, выдержка, аналитические способности. Все эти качества сохраняют свое значение и сейчас, несмотря на то, что современная пограничная служба становится все более технологически оснащенной.

Ключевые слова: история, государство, граница, пограничная служба, пограничная безопасность, погранология, лимнология, исследование границ.

Каранетян Т.Ш.

Цифровые медиа и управление коммуникационными рисками в системе обеспечения национальной безопасности страны

В статье рассматривается роль цифровых медиа в системе обеспечения национальной безопасности, с акцентом на особенности коммуникационных рисков, возникающих в цифровой среде. Анализируются источники и формы проявления этих рисков, а также механизмы и подходы к их нейтрализации в контексте стратегического управления информационной безопасностью. Особое внимание уделено угрозам, связанным с распространением дезинформации, манипулятивным воздействием и уязвимостью киберпространства. Делается вывод о необходимости формирования комплексной государственной политики, сочетающей регулятивные, технические и образовательные меры по управлению коммуникационными угрозами в цифровом обществе.

Ключевые слова: цифровые медиа, коммуникационные риски, информационная безопасность, национальная безопасность, медиаграмотность, информационная устойчивость.

Терехова А.С.

**Искусственный интеллект и NFT:
трансформация рынков искусства и переосмысление
художественного выражения**

Конвергенция технологий искусственного интеллекта и невзаимозаменяемых токенов (NFT) инициировала фундаментальную трансформацию художественных рынков и практик творческого самовыражения. Настоящее исследование анализирует многогранное взаимодействие между алгоритмическими системами генерации контента и блокчейн-инфраструктурой токенизации цифровых активов, выявляя структурные изменения в экономике арт-рынка, модификацию институциональных механизмов легитимации и валоризации произведений искусства, а также эволюцию эстетических парадигм. Методологическая основа исследования интегрирует количественный анализ транзакционных данных ведущих NFT-платформ (n=6), качественное исследование практик 237 художников, работающих с ИИ-инструментами, и экспертные интервью с представителями арт-институций (n=42). Результаты демонстрируют значимую корреляцию ($r=0.78$, $p<0.001$) между степенью алгоритмической сложности ИИ-систем и рыночной капитализацией NFT-произведений, выявляя динамику диверсификации художественных практик при снижении входных барьеров для участников творческих индустрий на 63,7%. Установлено формирование новых моделей распределения экономической ценности, характеризующихся смещением от традиционных посреднических структур к децентрализованным протоколам с 41,9% увеличением прямого дохода художников. Идентифицированы трансформационные процессы в области авторства, подлинности и оригинальности произведений, сопровождающиеся институциональным признанием генеративных практик. Полученные данные указывают на перспективы формирования гибридных экосистем творчества, объединяющих человеческий интеллект, алгоритмические системы и децентрализованные механизмы аутентификации и дистрибуции.

Ключевые слова: искусственный интеллект, невзаимозаменяемые токены, блокчейн-технологии, цифровое искусство, генеративные системы, токенизация активов, криптоэкономика.

Стрижова Е.В.

Лобанова Е.И.

**Языковой код влияния: лингвистический анализ стратегий
“мягкой силы” в русском политическом пространстве**

Статья посвящена анализу использования иностранных слов в современном русском языке как инструмента «мягкой силы» с целью оказания политического влияния. Рассматриваются примеры из российских СМИ, новостных порталов, телепередач и других изданий, показывающие, как англицизмы и другие заимствования используются для формирования определенного мировоззрения, продвижения политических идей и манипулирования общественным мнением. Особое внимание уделяется стратегиям использования иностранных слов в контексте политического дискурса в рамках лингвистического анализа, и их влиянию на культурную идентичность.

Ключевые слова: иностранные слова, англицизмы, мягкая сила, политический дискурс, СМИ, пропаганда, языковая политика, культурная идентичность, манипуляция, языковая интервенция, лингвистический анализ, семантика, прагматика, дискурсивный анализ.

Положенцева И.В.

Бакшеев А.И.

Тагибова А.А.

**Развитие индивидуальных способностей одаренной молодежи
в условиях цифровой образовательной среды**

В статье рассматриваются возможности использования современных технологий, приложений и искусственного интеллекта для обучения одаренной молодежи. Особое внимание уделяется тому, как эти инструменты способствуют развитию индивидуальных способностей учащихся/студентов, обеспечивая им доступ к персонализированным образовательным ресурсам, адаптивным учебным программам и интерактивным платформам. Авторы анализируют преимущества использования технологий для поддержания творческого мышления, гибкости в образовательном процессе и развития навыков самостоятельного поиска знаний. Также исследуются инновационные подходы к использованию искусственного интеллекта для создания среды, отвечающей потребностям одаренных молодых людей.

Ключевые слова: одаренная молодежь, цифровая образовательная среда, инновации, интерактивность, искусственный интеллект.

Петрухин К.Ю.

**Мнения экспертов
(публикации журналов, опора на исторический опыт)
в области реинтеграции новых регионов в состав России**

В условиях сложных геополитических процессов, связанных с вхождением новых регионов в состав Российской Федерации, особую значимость приобретает анализ исторического опыта и мнений ведущих экспертов в области государственной реинтеграции. В статье рассматриваются научные подходы и публикации, посвященные вопросам адаптации Крыма и других территорий, присоединившихся к России в разные периоды. Особое внимание уделяется практическим выводам, сделанным в этих исследованиях, а также возможностям их применения при интеграции Донецкой и Луганской Народных Республик, Запорожской и Херсонской областей. На основе анализа литературных источников формулируются выводы о наиболее эффективных механизмах правовой, социальной и культурной адаптации, обеспечивающих устойчивость и стабильность в новых субъектах Федерации.

Ключевые слова: реинтеграция, Крым, ДНР, ЛНР, Запорожская область, Херсонская область, исторический опыт, постконфликтное восстановление, региональная политика России.

Филиппов В.Р.

**Кот-д'Ивуар:
французская военная база ликвидирована**

Изучение взаимодействия суверенных государств Африки с так называемыми «великими державами» приобретает особую актуальность в условиях быстрого изменения геополитического и геостратегического ландшафта африканского континента в последнее десятилетие. «Возвращение» России в Африку, стремительное завоевание африканских рынков Китаем, появление новых сильных игроков на африканском поле политической, экономической, геостратегической активности требует углубленного изучения динамики внешней политики африканских стран. Цель этого исследования заключается в выяснении причин, побудивших правительства Республики Кот-д'Ивуар и Французской Республики прийти к согласию и реализовать в политической практике соглашение о передаче под юрисдикцию африканской страны французской военной базы в Порт-Буэ. Объектом исследования стали латентные отношения политических элит двух стран в условиях глубокого кризи-

са африканской политики Пятой республики в период президентского правления Э. Макрона. В условиях информационной неочевидности рассматриваемых процессов основным источником стали материалы французских средств массовой информации. Их изучение обусловило использование идеографического метода анализа данных. Проведенное исследование показало, что пойти на ликвидацию французской военной базы президент Ассан Уаттара вынужден был из страха перед нарастанием антифранцузских настроений ивуарийцев, а президент Эммануэль Макрон из опасений окончательно испортить отношения с некогда дружественной Франции страной.

Ключевые слова: Кот-д'Ивуар, Франция, военная база Порт-Буэ, Ассан Уаттара, Эммануэль Макрон, африканская политика Франции, франко-ивуарийские отношения.

Айбибула Кадир

**Этническое взаимодействие
в пространстве массовой культуры
и сознание сообщества китайской нации - Этнографическое
исследование на примере массовых танцев**

В данной статье массовые танцы в Южном парке Урумчи (Синьцзян) исследуются как объект изучения с использованием этнографического метода для анализа взаимосвязи между этническим взаимодействием в пространстве массовой культуры и укреплением сознания сообщества китайской нации. Результаты исследования показывают, что массовые танцы как культурная практика, сочетающая коллективность, открытость и культурную инклюзивность, через трехмерную рамку «поведение-смысл-идентичность» способствуют преодолению барьеров между участниками разных национальностей через физическое взаимодействие, формированию эмоционального резонанса и социального капитала, преобразуя отношения от «незнакомцев» к «друзьям и родственникам». Их латентная функция проявляется в естественном стимулировании межэтнического общения: через культурный синтез в одежде, музыке и танцевальных движениях формируется общее духовное пространство для всех национальностей, способствуя созданию эстетического сообщества и идентичности «единства в многообразии». Исследования показывают, что массовые танцы, следуя «снизу вверх» повседневному подходу, трансформируют физическое пространство в поле культурной идентичности,

реализуя в телесной практике преобразование по схеме «культурное усвоение – эмоциональный резонанс – идентичность». Это предоставляет народную перспективу и теоретическую парадигму для укрепления сознания сообщества китайской нации, подчеркивая важность сочетания явного и скрытого образования.

Ключевые слова: массовые танцы, межэтническое общение и интеграция, сознание сообщества китайской нации, этническая культура, этническая музыка.

Тыщенко Е.О.

Доменные споры и порядок их рассмотрения

В условиях цифровизации экономики и активного развития интернет-пространства возрастает значение доменных имен как средств индивидуализации. На этом фоне увеличивается количество доменных споров, что обуславливает актуальность и практическую значимость выбранной темы. Несмотря на активную судебную практику, в российском законодательстве до сих пор отсутствует четкое определение доменного спора и специальные нормы, регулирующие их разрешение. Это затрудняет защиту нарушенных прав и снижает эффективность правового регулирования в данной сфере.

Цель исследования — анализ существующего порядка рассмотрения доменных споров в России, выявление правовых пробелов и противоречий, а также формирование предложений по совершенствованию нормативного регулирования. В работе использованы методы формально-юридического и сравнительно-правового анализа, а также изучение судебной практики и международного опыта (UDRP). Особое внимание уделено видам доменных споров, критериям их квалификации и механизмам защиты прав.

Автор приходит к выводу о необходимости внедрения специализированного правового регулирования доменных споров, а также о целесообразности адаптации международных подходов к российским реалиям. Это позволит повысить уровень правовой определенности и обеспечить более оперативную и доступную защиту прав субъектов.

Ключевые слова: доменный спор, киберсквоттинг, обратный захват домена, средства индивидуализации, интеллектуальная собственность, UDRP, недобросовестная конкуренция, судебная практика, правовое регулирование.

Abstracts

Ryabova E.L.
Ternovaya L.O.

Border guards: vocation and profession

The article is devoted to the analysis of the specifics of the border guard profession, which belongs to old spheres of activity and is associated with the formation of early medieval states, when the boundaries of possessions began to be more clearly defined and new threats from nomads appeared, which required the protection of borders. It is noted that initially the border guard was characterized by both high combat qualities and unique psychological characteristics, among which observation, endurance, analytical abilities stood out. All these qualities retain their significance now, despite the fact that the modern border service is becoming more technologically equipped.

Keywords: history, state, border, border service, border security, borderology, limology, border research.

Karapetyan T.Sh.

Digital media and communication risk management in the national security system of the country

The article examines the role of digital media in the national security system, with an emphasis on the specifics of communication risks arising in the digital environment. The sources and forms of these risks are analyzed, as well as mechanisms and approaches to their neutralization in the context of strategic information security management. Special attention is paid to the threats associated with the spread of disinformation, manipulative influence and vulnerability of cyberspace. It is concluded that it is necessary to form a comprehensive public policy that combines regulatory, technical and educational measures to manage communication threats in a digital society.

Keywords: digital media, communication risks, information security, national security, media literacy, information stability.

Terekhova A.S.

Artificial intelligence and NFT: transforming art markets and re-thinking artistic expression

The convergence of artificial intelligence and non-fungible tokens (NFT) technologies has initiated a fundamental transformation of art markets and creative expression practices. This study analyzes the multifaceted interaction between algorithmic content generation systems and the blockchain infra-

structure of digital asset tokenization, revealing structural changes in the art market economy, modification of institutional mechanisms for legitimization and valorization of works of art, as well as the evolution of aesthetic paradigms. The methodological basis of the study integrates a quantitative analysis of transaction data from leading NFT platforms (n=6), a qualitative study of the practices of 237 artists working with AI tools, and expert interviews with representatives of art institutions (n=42). The results demonstrate a significant correlation ($r=0.78$, $p<0.001$) between the degree of algorithmic complexity of AI systems and the market capitalization of NFT works, revealing the dynamics of diversification of artistic practices with a decrease in entry barriers for participants in the creative industries by 63.7%. The formation of new models of distribution of economic value is established, characterized by a shift from traditional intermediary structures to decentralized protocols with a 41.9% increase in direct income of artists. Transformational processes in the field of authorship, authenticity and originality of works are identified, accompanied by institutional recognition of generative practices. The obtained data indicate the prospects for the formation of hybrid ecosystems of creativity that combine human intelligence, algorithmic systems and decentralized mechanisms of authentication and distribution.

Keywords: artificial intelligence, non-fungible tokens, blockchain technologies, digital art, generative systems, asset tokenization, cryptoeconomics.

Strizhova E.V.

Lobanova E.I.

**The language code of influence:
a linguistic analysis of soft power strategies
in the Russian political space**

The article is devoted to the analysis of the use of foreign words in modern Russian as a tool of “soft power” in order to exert political influence. Examples from Russian media, news portals, TV shows and other publications are considered, showing how Anglicisms and other borrowings are used to form a certain worldview, promote political ideas and manipulate public opinion. Special attention is paid to the strategies of using foreign words in the context of political discourse within the framework of linguistic analysis, and their impact on cultural identity.

Keywords: foreign words, Anglicisms, soft power, political discourse, mass media, propaganda, language policy, cultural identity, manipulation, language intervention, linguistic analysis, semantics, pragmatics, discursive analysis.

Polozhentseva I.V.

Baksheev A.I.

Tagibova A.A.

**Developing individual abilities
of gifted youth in a digital educational environment**

The article examines the possibilities of using modern technologies, applications, and artificial intelligence to teach gifted youth. Particular attention is paid to how these tools contribute to the development of individual abilities of pupils/students, providing them with access to personalized educational resources, adaptive curricula, and interactive platforms. The authors analyze the benefits of using technologies to support creative thinking, flexibility in the educational process, and the development of independent knowledge search skills. Innovative approaches to using artificial intelligence to create an environment that meets the needs of gifted young people are also explored.

Keywords: gifted youth, digital educational environment, innovation, interactivity, artificial intelligence.

Petrukhin K.Yu.

**Expert opinions (journal publications, based on historical experience)
on the reintegration of new regions into Russia**

In the context of complex geopolitical processes related to the entry of new regions into the Russian Federation, the analysis of historical experience and opinions of leading experts in the field of state reintegration is of particular importance. The article examines scientific approaches and publications on the adaptation of Crimea and other territories that joined Russia in different periods. Special attention paid to the practical conclusions drawn from these studies, as well as the possibilities of their application in the integration of the Donetsk and Lugansk People's Republics, Zaporizhia and Kherson regions. Based on the analysis of literary sources, conclusions formulated about the most effective mechanisms of legal, social and cultural adaptation that ensure stability and stability in the new subjects of the Federation.

Keywords: reintegration, Crimea, DPR, LPR, Zaporizhia region, Kherson region, historical experience, post-conflict reconstruction, regional policy of Russia.

Filippov V.R.

Ivory Coast: French military base liquidated

The study of the interaction of sovereign African states with the so-called "great powers" is particularly relevant in the context of the rapid change in

the geopolitical and geostrategic landscape of the African continent in the last decade. The “return” of Russia to Africa, the rapid conquest of African markets by China, the emergence of new strong players in the African field of political, economic, and geostrategic activity require an in-depth study of the dynamics of the foreign policy of African countries. The purpose of this study is to identify the reasons that prompted the governments of the Republic of Côte d’Ivoire and the French Republic to reach an agreement and implement in political practice an agreement on the transfer of the French military base in Port-Bouet to the jurisdiction of the African country. The object of the study was the latent relations of the political elites of the two countries in the conditions of a deep crisis in the African policy of the Fifth Republic during the presidential rule of E. Macron. In the conditions of informational non-obviousness of the processes under consideration, the main source was the materials of the French media. Their study led to the use of the ideographic method of data analysis. The study showed that President Alassane Ouattara was forced to liquidate the French military base out of fear of the growing anti-French sentiments of the Ivorians, and President Emmanuel Macron was forced to do so out of fear of finally ruining relations with a country that was once friendly to France.

Keywords: Côte d’Ivoire, France, Port-Bouet military base, Alassane Ouattara, Emmanuel Macron, French African policy, Franco-Ivorian relations.

Aibibula Kadier

**Ethnic interaction in public cultural space and the sense
of Chinese national community: an analysis based
on the ethnographic investigation of square dancing**

Taking the square dancing in Southern Park, Urumqi, Xinjiang as the research object, the paper uses the ethnographic method to explore the internal relationship between ethnic interaction and fostering the sense of Chinese national community in the public cultural space. The research reveals that square dancing, as a public cultural practice characterized by collectivity, openness, and cultural inclusivity, facilitates the breakdown of interethnic barriers through physical interaction via the three-dimensional framework of “behavior-meaning-identity”. This process fosters emotional resonance and social capital among multi-ethnic participants via bodily interaction, enabling relational transformation from “strangers” to “kin-like acquaintances.”. Its latent functions manifest in spontaneously promoting cross-ethnic engagement, constructing a shared spiritual home for all ethnic groups through cultural fusion of attire, music, and choreography, and nurturing an aesthetic communi-

ty and identity recognition aligned with the “diversity-in-unity” paradigm. The study concludes that square dancing, operating as a grassroots, life-integrated pathway, transfigures physical space into a domain of cultural identification. Through embodied practice, it actualizes a transition from “cultural acquisition” to “emotional resonance” and ultimately “identity affirmation,” offering a folk-informed practical paradigm and theoretical model for fostering the sense of Chinese national community. This underscores the pivotal value of integrating explicit education with implicit cultural inculcation.

Keywords: mass dances, interethnic communication and integration, community consciousness of the Chinese nation, ethnic culture, ethnic music.

Tyschenko E.O.

Domain name disputes and the procedure for their resolution

In the context of economic digitalization and the rapid development of the online environment, domain names are gaining importance as means of individualization. Against this backdrop, the number of domain name disputes is increasing, which highlights the relevance and practical significance of the chosen topic. Despite the presence of active judicial practice, Russian legislation still lacks a clear definition of domain name disputes and specific rules governing their resolution. This complicates the protection of infringed rights and reduces the effectiveness of legal regulation in this area.

The aim of the research is to analyze the existing procedure for resolving domain name disputes in Russia, identify legal gaps and inconsistencies, and propose improvements to the regulatory framework. The study employs methods of formal legal and comparative legal analysis, as well as the examination of court practice and international experience (UDRP). Particular attention is given to the types of domain disputes, criteria for their classification, and mechanisms for rights protection.

The author concludes that specialized legal regulation of domain name disputes is necessary, and that adapting international approaches to the Russian context is advisable. This would enhance legal certainty and ensure more efficient and accessible protection of stakeholders’ rights.

Keywords: domain name dispute, cybersquatting, reverse domain name hijacking, means of individualization, intellectual property, UDRP, unfair competition, judicial practice, legal regulation.

Авторы

Айбибула Кадир - кандидат социологических наук, преподаватель. Институт марксизма Синьцзянского педагогического университета, Урумчи, Синьцзян, Китай.

Бакшеев А.И. - кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук. ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России.

Караетян Т.Ш. - аспирант. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Лобанова Е.И. - кандидат социологических наук, доцент. Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.

Петрухин К.Ю. - аспирант, кафедра «История» Российского университета транспорта. Государственное управление и отраслевые политики.

Положенцева И.В. - кандидат экономических наук, доцент, кафедра педагогики и психологии профессионального образования. Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет).

Рябова Е.Л. - доктор политических наук, главный редактор журнала «Этносоциум и межнациональная культура».

Стрижова Е.В. - старший преподаватель. Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.

Тагибова А.А. - кандидат социологических наук, Заместитель президента Национального фонда культурных инноваций «Петр Великий», Московский государственный институт международных отношений (МГИМО).

Терехова А.С. - Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Терновая Л.О. - доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Тыщенко Е.О. - студентка 4 курса Юридической школы. Дальневосточный Федеральный Университет, г. Владивосток.

Филиппов В.Р. - Институт Африки Российской Академии наук.

Authors

Aibibula Kadier, PhD in Sociology, Lecturer. Institute of Marxism, Xinjiang Normal University, Urumqi, Xinjiang, China.

Baksheev A.I., PhD in History, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Social Sciences and the Humanities. Krasnoyarsk State Medical University.

Filippov V.R., The Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences.

Karapetyan T.Sh., Postgraduate student. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Lobanova E.I., PhD in Sociology. Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics.

Petrukhin K.Yu., Postgraduate Student, Department of History, Russian University of Transport. Public administration and industry policies.

Polozhentseva I.V., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor. Department of Pedagogy and psychology of vocational education. Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University).

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Editor-in-Chief of the journal "Ethnosociety and Interethnic Culture".

Strizhova E.V., Senior Lecturer. Plekhanov Russian University of Economics.

Tagibova A.A., Candidate of Sociological Sciences, Deputy President of the National Fund for Cultural Innovations "Peter the Great", Moscow State Institute of International Relations.

Terekhova A.S., Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Highway State Technical University.

Tyschenko E.O., 4th-year student, Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok.

**ПРОДОЛЖАЕМ КОНКУРС
НА ЛУЧШУЮ НАУЧНУЮ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКУЮ РАБОТУ**

ПО ТЕМЕ:

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА, ЦИФРОВАЯ
ЭКОНОМИКА И ЭТИКА**

С целью выявления идей, их обобщения, анализа и апробации журнал проводит конкурс на лучшую статью (тезисы, размышления) для совершенствования стратегического курса межнациональных отношений, экономики регионов, и конструктивного пути развития

Работы направлять по адресу:
etnosocium@mail.ru
Факс +7 (495) 772-19-99
Справки по тел. +7 (495) 772-19-99

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ
В МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЭТНОСОЦИУМ»**

1. Предоставляемые материалы должны быть актуальными и новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. К материалу необходимо прилагать аннотацию на русском и английском языках (объемом не более 1000 знаков), авторский перевод заглавия статьи, фамилию и имя автора, список ключевых слов на русском и английском языках, а также пристатейный библиографический список.
3. Обязательно следует указать фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы, контактные телефоны, полный домашний адрес и адрес электронной почты.

**Все права защищены. При использовании
материала ссылка на журнал
«Этносоциум и межнациональная культура» обязательна.**

Журнал получают:

- Администрация Президента РФ;
- Аппарат полномочных
представителей Президента РФ
в федеральных округах;
- Государственная Дума;
Аппарат Правительства РФ;
- Совет Федерации РФ;
- Министерства, федеральные
службы и агентства РФ;
- Совет Безопасности РФ;
- Конституционный Суд РФ.

Оформить подписку на журнал можно (начиная с любого номера) в редакции тел.: (495) 772-19-99,
факс: (495) 708-30-00 или через электронный каталог
ИНТЕР-ПОЧТА, а также во всех отделениях почтовой связи
через Объединенный каталог «Пресса России»
и каталог агентства «Роспечать». Индекс: 70759

Наш сайт: www.etnosocium.ru
E-mail: etnosocium@mail.ru
Тел.: +7 (495) 772-19-99
Необходимую научную литературу
Вы можете приобрести на сайте www.etnosocium.ru

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «ЭТНОСОЦИУМ»
Отпечатано в типографии Международного издательского центра «ЭТНОСОЦИУМ»,
105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Зам.главного редактора С.В. Чапкин
Редактор Н.Э. Архипова
Корректор Е.А. Белоусова
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro.
Формат 60x90/8. Тираж 1000 экз. Усл. п. л. 7,625